Всероссийский музей А.С. Пушкина
Музей Г.Р. Державина
и русской словесности его времени

Г.Р. ДЕРЖАВИН

И ЕГО ВРЕМЯ

Сборник научных статей

Выпуск 7

Санкт-Петербург
ВИРД
2011

ББК 80-84

Редакционная коллегия

С.М. Некрасов, Р.В. Иезуитова,
Н.П. Морозова (отв. редактор)

Рецензент

доктор филологических наук
А.В. Ильичев

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Татарской национально-культурной автономии
Санкт-Петербурга

© Всероссийский музей
А.С. Пушкина, 2011-04-04

ISBN 978-5-94030-080-9

© Коллектив авторов, 2011

Н.Д. Кочеткова

Два неизвестных письма Державина

22 декабря 1798 года на публичном акте Благородного пансиона при Московском университете читался перевод на французский язык оды Державина «Бог». Переводчиками были воспитанники пансиона Василий Жуковский и Семен Родзянка[1], занимавшиеся в это время в классе французского стиля. В самом начале следующего, 1799 года, этот перевод был напечатан вместе с другими сочинениями воспитанников[2]. Издание открывалось «Речью о том, каков должен быть прямо благородный воспитанник, читанной одним из питомцев», затем следовал перевод державинской оды, далее были помещены стихотворения «Добродетель» Жуковского и «Любовь к отечеству» Родзянки. Очевидно, по совету тогдашнего директора университета И.П. Тургенева, решившего послать это издание Державину, юные переводчики обратились к нему с почтительным письмом, воспроизведенным в издании Я.К. Грота. Жуковский и Родзянка писали:

«Мил[остивый] г[осуда]рь!

Творения ваши м[ожет] б[ыть] столько ж делают чести России, сколько победы Румянцевых. Читая с восхищением *Фелицу, Памятник Герою, Водопад* и проч., сколь часто обращаемся мы в мыслях к бессмертному Творцу

---

[1] Семен Емельянович Родзянка (1782 – 1809) – друг Жуковского, активно занимавшийся литературной деятельностью во время обучения в Благородном пансионе. См.: Муллин В.Н. С.Е.Родзянка // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. (Р – Я). СПб., 2010. С. 52 – 53.

[2] Dieu. Ode, traduite librement du russe de mons. Derjavine dans la classe de style français et récitée à l'assemblée solemnelle à la Pension des noblesse en l'Université de Moscou, le jour de la distribution des prix // Речь, разговор и стихи, читанные в публичном акте, бывшем в Благородном университетском пансионе. Декабря 22 дня, 1798 года. М., университетская типография у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия. [1799]. С.15 – 20.

их и говорим: *он Россиянин, он наш соотечественник.* Плененные редкими неподражаемыми красотами Оды вашей *Бог*, мы осмелились перевести ее на французский язык, и вам на суд представляем перевод свой. Простите, м[илостивый] г[осуда]рь, если грубая кисть копиистов обезобразила превосходную картину великого мастера. Чтобы удержать всю силу, всю возвышенность подлинника, надобно иметь великий дух ваш, надобно иметь пламенное ваше перо.

Именем всех своих товарищей мы просим вас, м[илостивый] г[осударь], снисходительно принять сей плод трудов наших, уверяя, что мы почтем себя весьма счастливыми, если он удостоится благосклонного вашего внимания.

С совершенным высокопочитанием имеем честь быть в[аше]го пр[евосходительст]ва м[илости]вого г[осу]д[а]ря, всепокорнейшие слуги

Василий Жуковский
Семен Родзянка
Генваря дня 1799 года Москва».

Текст этого письма Я.К. Грот опубликовал дважды: в 6-ом и в 8-м томах[3], сделав в последнем примечание: «Поэт отвечал молодым людям четверостишием, в котором едва ли искренно советовал им идти лучше по следам русского Пиндара и Гомера, т.е. Ломоносова»[4]. Упомянутое четверостишие было напечатано Гротом в 3-м томе под названием «Жуковскому и Родзянке, приславшим с большими похвалами автору перевод его оды «Бог» на французский язык»:

Не мне, друзья! идите вслед;
Ищите лучшаго примеру:
Пиндару русскому, Гомеру
Последуйте, – вот мой совет[5].

---

[3] Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота Т. VI. СПб., 1871. С. 83 – 84; Т. VIII. СПБ., 1880. С. 769.

[4] Там же. Т. VIII. С. 770.

[5] Там же. Т. III. СПб., 1866. С. 378.

Комментируя строку «Пиндару русскому, Гомеру», Я.К. Грот и здесь указал, что имеется в виду Ломоносов. [6] Однако точнее было бы сказать, что речь идет о Ломоносове (Пиндаре) и Хераскове, которого после появления его «Россияды» называли Гомером. История же этого стихотворения уточняется благодаря двум письмам Державина, оставшимся, очевидно, неизвестными Я.К. Гроту.

Эти письма обнаружены в архиве Тургеневых в подборке писем, адресованных разными лицами Ивану Петровичу Тургеневу (1752 – 807)[7]. Один из сподвижников Н.И. Новикова, деятельный масон и литератор, переживший ссылку во время гонений на московских масонов, в 1796 году при Павле I он был назначен директором Московского университета. Постоянную заботу Тургенев проявлял и к студентам, и к ученикам Благородного пансиона, способствуя развитию у них литературных интересов и высоких моральных качеств. Жуковский позднее вспоминал: «Он был *живой юноша* в кругу молодых людей, из которых каждый готов был сказать ему все, что имел на сердце, будучи привлечен его прямодушием, отеческим участием, веселостью, простотою» [8].

Тургенев хорошо владел французским языком и мог оценить достоинства перевода, выполненного Жуковским и Родзянкой. Издание трудов воспитанников пансиона он послал Державину, сопроводив собственным письмом от 20

---

[6] Это перепечатано также в издании: Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 432. («Библиотека поэта». Большая серия. 2-е изд.).

[7] См.: Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и масонство // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. М., 2000. С. 179 – 192; Рыкова Е. К. Творчество «второстепенных» писателей екатерининской эпохи. Иван Петрович Тургенев: между классицизмом и романтизмом. Ульяновск, 2007; Кочеткова Н.Д. Тургенев И.П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып.3. (Р – Я). С. 286 – 292.

[8] Примечание к стихотворению «Тургеневу, в ответ на его письмо. Послание» (1813), обращенному к сыну И.П.Тургенева Александру // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т.1. Стихотворения 1797 – 1814 годов. М., 1999. С. 635.

января 1799 года и приложив письмо юных переводчиков. Ответом было следующее письмо Державина:

«Милостивый государь мой Иван Петрович,

Почтенное Вашего превосходительства письмо от 20 генваря с приложением имел удовольствие получить. – Удовольствие, поистине многих приятнейшее видеть себя столько от своих соотечественников, или паче от самого того места уважаема, под покровительством которого заимствовал я первое учение, что несовершенные опыты стихотворства моего переведены на другие языки, мне крайне ласкательно. Но ничему другому я не смею приписать сего, как благорасположению их ко мне. Благодарю чувствительно за подарок сей, которым вы меня почтить изволили. Покорнейше прошу уведомить: кто тот, который сочинил речь? (какой быть должен благородный воспитанник). Не могу распространяться в похвалах и заметить красот стиля, но коротко скажу: она мне очень нравится. – Вот прямо вития, который по чувствованиям сердца, а не по должности только говорить будет. – Должен отдать справедливую похвалу и г. поетам, которых даровании весьма видны. Прошу им отдать приложенное письмо. А и вас быть уверенным, что к достоинствам с истинным почтением и лично к вам с таковою же преданностию пребываю

Вашего
превосходительства
милостивого государя моего
покорнейший слуга
Гаврила Державин
3 февраля 1799 года. С.Петербург» [9].

К сожалению, ответное письмо Тургенева неизвестно, так же, как и имя автора речи, столь понравившейся Державину. Подлинник письма, адресованного Жуковскому и Родзянке, очевидно, Тургенев им передал, но оставил в

[9] ИРЛИ, ф. 309 (Тургеневы), № 537. Сборник писем к И.П. Тургеневу. Л. 106. Автограф Державина.

своих бумагах копию, сделанную четким писцовым почерком. Таким образом, мы располагаем этим текстом:

«Государи мои,

Письмо ваше я получил, вы много мне делаете чести ласкательным отзывом вашим о моих сочинениях.

Но еще более переводом вашим оных. Кажется, я сего не заслуживаю. Не зная языка французского, не могу достойно его оценить. Ваш родственник Василий Васильевич Капнист отдает вам совершенную похвалу и хотел к вам писать об оном; русские оды ваши о любви к отечеству и добродетели сколько по дарованию поэзии, а не менее по выбору материй, заслуживают от всякого благоразумного знатока вам признательность. Много стихотворцев, но мало любителей тех предметов, которые вы описывали. Охотники до них суть истинная надежда родителей, государя, империи. Благодаря вас за них и за труд, подъятый при переводе, оканчиваю тем:

Ищите лучшаго примеру –
Пиндару, русскому Гомеру,
А не за мной идите вслед:
Есть искренний мой вам совет.

Пребываю в прочем с почтением
ваш, государи мои,
покорный слуга
Гавриил Державин
Февраля 5 дня 1799 года
С.-Петербург

Их благород[иям] Гос[ударям] Жуковскому и Родзянке»[10].

Из письма явствует, что Державин показал перевод своему близкому другу и родственнику В.В. Капнисту, который, очевидно, был также в родстве с С.Е. Родзянкой. Текст державинского стихотворения, включенного в письмо, несколько отличается от варианта, опубликованного Я.К. Гротом. Поэт, видимо, заметил явную грамматическую

[10] Там же. Л.107 – 107 об. Писцовый почерк.

несогласованность в трех первых строках и позднее переделал стихотворение. Самый факт его возвращения к этому тексту свидетельствует о том, что он придавал этому четверостишию немаловажное значение: в напутствии молодым авторам предлагались произведения поэтов, которые были образцовыми для Державина. В первоначальной редакции в строке «Пиндару, русскому Гомеру» запятая стоит перед словами «русскому Гомеру», и это подтверждает наше предположение о том, что здесь имелся в виду не только Ломоносов, но и Херасков, автор эпопеи. Едва ли также можно согласиться, что Державин был здесь не вполне искренен: topos modestiae, формула скромности, к которой так часто тогда прибегали литераторы, была особенно уместна при обращении к начинающим поэтам: благодаря этому авторитет самого Державина мог только возвыситься в их глазах.

Получение письма от Державина было для Жуковского и Родзянки, конечно, большим событием. Ученики пансиона понимали, что этим они обязаны своему наставнику, которого они высоко чтили, как свидетельствует их письмо к И.П. Тургеневу от 17 февраля 1799 года[11].

Переписка Державина с Тургеневым получила продолжение. Сохранился отпуск другого письма Державина Тургеневу от 22 февраля 1799 года, к сожалению, написанный очень неразборчиво[12]. Поэт благодарил адресата за его письмо от 14 февраля, посланное вместе с «книжкой Пореджа». «Благодарю за оные и за все учтивости, которые вы мне приписывать не по заслугам изволите», – писал Державин, добавляя: «Поредж меня делает совершеннее». Речь шла здесь о книге английского мистика Джона Порджа (John Pordage, 1607 – 1681) «Божественная и истинная метафизика, или Дивное и опытом приобретенное ведение невидимых и вечных вещей...» (Ч. 1 – 3), изданной

---

[11] См.: Кочеткова Н.Д. Письмо В.А. Жуковского и С.Е. Родзянки к И.П. Тургеневу // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2010. Вып.1. С. 442 – 443.

[12] РГАЛИ, ф. 501 (Тургеневы), оп.1, № 13, л. 1 – 2.

около 1789 года в тайной масонской типографии[13]. «Трактат первый. О вечном мире...», вошедший во вторую часть этого издания, перевел Тургенев. Книга в продажу не поступала, часть экземпляров была роздана масонам, оставшиеся экземпляры конфискованы и уничтожены[14]. По-видимому, Тургенев, располагавший несколькими экземплярами, мог послать Державину или все издание целиком, или ту часть, в которой находился сделанный им перевод. Во всяком случае, этот факт интересен и для истории русского масонства, и для истории взаимоотношений Тургенева и Державина. Последний не остался в долгу, как явствует из его письма. «На сей раз не имея ничего лутчего, что бы могло засвидетельствовать удостоверение мое о том, что слабые мои сочинении, вижу, и московской публике нравятся, препровождаю последнее, по случаю отъезда фельдмаршала С[уворова]». По всей очевидности, речь шла здесь о стихотворении Державина «Орел»[15], опубликованном впервые без подписи под названием «Стихи на случай отбытия графа Суворова-Рымникского в Австрию, 1799 февраля дня» в журнале «Новости» за май 1799 года, а в июне 1799 года появившемся уже с подписью Державина в 3-ей книге альманаха Н.М. Карамзина «Аониды». Письмо Тургеневу позволяет более точно датировать стихотворение: оно было создано поэтом после 13 февраля 1799 года (когда был подписан рескрипт государя об отъезде Суворова) и 22 февраля (когда было написано письмо Тургеневу). Таким образом, Державин очень быстро откликнулся на события, связанные с отъездом Суворова, а также поспешил выразить свою благодарность Тургеневу за проявленное внимание.

---

[13] См. об этой книге: Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 2-е, исправленное и расширенное. Под ред. М.В. Рейзина и А.И. Серкова. СПб., 1999. С. 464.

[14] См.: Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725 – 1800. М., 1964. Т. 2. С. 451.

[15] Сочинения Державина. Т. II. СПб., 1865. С. 239 – 242.

Д.В. Ларкович

Державин и Гердер

Как известно, отношения Г.Р. Державина с культурой Германии имели подлинно диалогический характер. Так, его особый интерес к немецкой поэзии определился ещё в годы службы в Преображенском полку, когда поэт, по его более позднему признанию, «намарал <...> переводы с немецкого языка» (VI, 457)[16]. Я.К. Грот уточняет круг имен, на которых в этот период было сосредоточено внимание молодого переводчика: «По ночам он читал книги и марал стихи, познакомившись с сочинениями Клейста, Гагедорна, Геллерта, Галлера и Клопштока. <…> Тогда же он начал переводить в стихах Телемака (Neukirch Veniamin), Мессиаду Клопштока и “Христианина в уединении” Цахариэ» (VIII, 264). Круг имен авторов в этом перечне достаточно широк, что само по себе наводит на мысль об устойчивости интереса Державина к немецкой поэзии Нового времени и основательной его осведомленности в этой области, а упоминание названий произведений – объектов его переводческой деятельности – принципиально уточняет характер и тематический вектор этого интереса[17].

---

[16] Державин Г.Р. Сочинения с объяснит. прим. Я. Грота: в IX т. СП., 1864 – 1883. Т. VI. С. 457. Далее все ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

[17] Сохранилось несколько писем директора Казанской гимназии Ю.И. фон Каница к Державину, написанных зимой 1779 года, в которых автор интересуется судьбой державинского перевода (впоследствии так и не завершенного) поэмы Ф.Г. Клопштока «Мессиада»; в частности: «Что Вы делаете, уважаемый друг, с Мессиадой? Не оставляйте ни за что этого начатого Вами хорошего дела! Нетерпеливо ожидаю окончания его» (V, 324). А в одном из черновых вариантов своих автобиографических записок «Нечто о Державине» поэт объясняет причину того, почему замысел не был осуществлен в полном объеме: «В сие же время переведены автором две песни “Мессиады”, которые, читавши, очень одобряли, но выпросив г-н Домашнев, бывший директор Академии наук, себе прочесть, потерял оные, а разве нет ли в библиотеках Михаила

Позднее посредство немецких лириков (Б. Броккеса, А. Галлера, Ф. Гагедорна К. Рамлера и др.) открыло перед Державиным широкие горизонты выразительного потенциала горацианской оды как исключительно адекватной формы поэтического философствования. Судя по всему, молодого русского переводчика привлекали стремление сопрягать общее и частное, поистине онтологический масштаб видения явлений человеческого бытия, высокая созерцательность в соединении со страстной лиричностью, присущие немецкой метафизической поэзии. Несомненно то, что основные шедевры державинской философской лирики конца 1770 – 1790-х годов («На смерть князя Мещерского», «Бог», «Величество Божие», «На счастие» и др.) несут на себе печать влияния немецкого философско-поэтического идеализма второй половины XVIII века[18].

Не удивительно, в этом смысле то, что уже с конца XVIII века его произведения начинают активно переводиться на немецкий язык и издаваться в Германии[19]. Между тем постепенно расширяется круг имен немецких литераторов,

---

Матвеевича Хераскова и князя Александра Алексеевича Вяземскаго, <...> то и отдал им по списку, а подлинной, как выше явствует, Домашневу на время, у себя не оставив» (Кононко Е.Н. Рукописи Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература. 1972. № 3. С. 83 – 84).

[18] См. об этом: Доценко И.И., Григорова Н.В. Г.Р. Державин и русско-немецкий литературный диалог XVIII в. // Творчество Г.Р. Державина. Специфика. Традиции. Тамбов, 1993. С. 238 – 244; Фролов Г.А. 1) Ода Г.Р. Державина «Бог» в немецком литературном контексте (источники, переводы) // Г.Р. Державин в новом тысячелетии. Казань, 2003. С. 24 – 27; 2) Немецкие источники и переводы в лирике Г.Р. Державина (ода «Бог») // Державин глазами XXI века: (К 260-летию со дня рождения Г.Р.Державина). Казань, 2004. С.154 – 163; 3) Образ вечности Г.Р. Державина и А. Галлера // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Казань, 2004. С. 345 – 346 и др.

[19] Подробно об этом: Койтен А.А. Русская литература конца XVIII – первой трети XIX вв. в Германии: немецкая рецепция творчества Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина. Автореферат диссертации <...> канд. филол. наук. М., 1999.

которые попадают в поле зрения Державина. Так, в последние полтора десятилетия своей жизни он активно переводит сочинения С. Геснера, И. Гете, Ф. Шиллера, Л. Козегартена, А. Галлера, Ф. Клопштока, внимательно изучает эстетические трактаты В. Гецеля и И. Зульцера в связи с работой над «Рассуждением о лирической поэзией, или об оде». Мысли немецких поэтов о месте и роли человека в мире находили заинтересованный отклик в сознании Державина, оживлялись его личным отношением, наполнялись его персональным жизненным опытом, облекались в иные национально-поэтические формы и представали уже в абсолютно оригинальном смысловом выражении. Такова была авторская стратегия Державина, и таким образом выражались ее диалогические интенции.

Особенно ярко это проявилось в отношении философского и поэтического наследия И.Г. Гердера (1744 – 1803). Следует заметить, что идеи немецкого мыслителя вообще оказали существенное влияние на развитие русского просветительского интеллекта на заключительном этапе его развития. Это стало возможным благодаря тому, что Гердеру удалось преодолеть односторонность просветительского рационализма и разработать подлинно диалектическую систему, объясняющую механизмы взаимодействия Бога, природы и человека. Опираясь на достижения естественно-научной (И.Э. Боде, Ж.Л.Л. Бюффона, И.Г. Ламберта, К. Линнея и др.) и философской мысли (Б. Спинозы, Ш. Бонне, Э. Канта, Э. Шефтсбери и др.) XVIII века, оригинально синтезируя их, он сформулировал теорию органического развития мира на основе общих процессов, присущих живой и неживой природе, человеческому обществу и истории. Полагая, что источником этого непрерывного поступательного развития являются живые органические силы, определяющие бытие материи и духа, Гердер выдвинул идею единого мирового организма, обладающего иерархической структурой и стремящегося к осуществлению своей высшей цели – достижению абсолютного совершенства: «Во всем творении – где действие, там и сила,

где проявление жизни, там и внутренняя жизнь. Но не только взаимосвязь пронизывает все, а царит во всем *ряд восходящих сил*, царит в незримом царстве творения, а мы видим проявления их в царстве зримом, в органических формах, которые у нас перед глазами»[20].

Особое место в этой структуре принадлежит человеку, который, по мнению мыслителя, выступает в качестве звена, соединяющего два мира – земной (материальный) и абсолютный («мировая душа»): «Все в природе взаимосвязано; одно состояние стремится к другому и подготавливает его. Итак, если человек замкнул цепь земных созданий, будучи ее высшим и последовательным звеном, то именно потому он и дает начало цепи высшего рода существ, будучи самым низким звеном в этой цепи; поэтому человек, – по всей вероятности, звено, соединяющее две сцепленные системы творения»[21]. Такое двойственное положение человека в общей системе мироздания ставит его, по мысли Гердера, перед необходимостью сознательного и целенаправленного движения к высшим формам бытия. Полная реализация человеком своего земного предназначения, санкционированная Богом и связанная со стремлением к совершенству, определяется им как «гуманность».

Тезис о непрерывном развитии мирового организма проецируется и на сферу историософских представлений немецкого мыслителя. Этапы развития человеческой цивилизации Гердер представляет посредством метафоры возрастов (младенчество, юность, зрелость); однако, в отличие от предшествующей и современной ему просветительской традиции (Дж. Вико, Вольтер, Г.Б. Мабли, Ш.Л. Монтескье, Ж.Ж. Руссо и др.), склонной рассматривать историю как механическое накопление знаний, навыков и культурного опыта, он тяготеет к диалектическому пониманию ее законов. Н.А. Жирмунская в этой связи

---

[20] Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. и прим. А.В. Михайлова. М., 1977. С. 117.

[21] Там же. С. 134.

указывает: «Движение времени, по Гердеру, – это прежде всего качественное изменение. Настоящее не отменяет прошлого, а интегрирует какие-то существенные его стороны, вместе с тем неизбежно утрачивая другие. Так же соотносится с настоящим будущее. <…> Каждая эпоха образует особое качественно отличное единство, смена эпох образует поток времени (одна из любимых метафор Гердера), сцепление эпох означает принцип непрерывности исторического процесса, и катастрофы вроде крушения античного мира не создают цезуры, не означают разрыва или нарушения этого процесса»[22].

Исходя из этого, Гердер формулирует принцип национальной идентичности, который основан на представлении о множественности путей исторического развития и предполагает неразрывную связь современной культуры с национальной традиций. Он считает, что подлинный источник искусства заключен не в цивилизованной среде, подвергающей рациональной деформации любую творческую интенцию, но в самой гуще народной стихии, где сохраняются и органически развиваются первозданный характер и темперамент нации: «Чем дальше народ от искусственного, ученого образа мыслей, искусственного, ученого языка и книжности, тем меньше мысли его подходят для бумаги, для того чтобы быть мертвыми, книжными виршами: от лирического, полного жизни, как бы плясового, начала песни, от присутствия живых образов, от связи и внутренней необходимости содержания, от живых ощущений, от симметрии слов, отдельных слогов, порою даже букв, от движения мелодии и от множества других вещей, связанных с живым миром, составляющих устную песню народа и исчезающих вместе с нею, – от всего этого, именно и только от этого, зависит сущность, назначение этих песен, вся их чудодейственная сила, их свойство – неизменно быть выражением восторга,

[22] Жирмунская Н.А. Историко-философская концепция И.Г. Гердера и историзм Просвещения // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. XVIII век. Сб. 13. Л., 1981. С. 98.

энергии и радости народной, переходящим от поколения к поколению!»[23]. Именно поэтому эстетические труды идеолога литературного движения «Буря и натиск» характеризуются неизменными отсылками к народной немецкой поэзии, Гомеру, Библии, Оссиану, Шекспиру, в перекличке с которыми складывалось и его собственное поэтическое творчество.

Устойчивый интерес к идеям Гердера в России определился еще при жизни философа[24]. Так, гердеровскую концепцию истории как закономерного процесса, единого для природы и общества, горячо разделял А.Н. Радищев. Автору «Путешествия из Петербурга в Москву» импонировало внимание немецкого философа к культуре разных народов, трепетное отношение к народному творчеству и его гуманистические убеждения. Кроме того, как известно, знаменитый трактат Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии» (1796) был написан в Илимском остроге под непосредственным влиянием гердеровской философской антропологии, изложенной в «Идеях к философии истории человечества» (1787 – 1791)[25].

Пристальное внимание к интеллектуальному и поэтическому наследию Гердера было характерно и для Н.М. Карамзина. Еще в «Письмах русского путешественника» (1791 – 1801) он очертил круг прочитанных им гердеровских сочинений («Древний документ человеческого рода» (1774), «Бог. Несколько диалогов» (1787), «Парамифии» и др.), подробно описал впечатления от свого личного знакомства с немецким мыслителем и дал краткую, но емкую характеристику гердеровского поэтического стиля: «Гердер,

---

[23] Гердер И.Г. Извлечения из переписки об Оссиане и о песнях древних народов / Пер. Е.Г. Эткинда // Гердер И.Г. Избранные сочинения / Сост. В.М. Жирмунский. М.; Л., 1959. С. 28.

[24] Подробно об этом: Данилевский Р.Ю. И.Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980. С. 174 – 217.

[25] Bittner K. I.G. Herder und A.N. Radiščev // Zeitschrift fur slavische Philologie. 1956. Bd 25. Hf. 1. S. 8–53; Гулыга А.В. Гердер. М., 1975. С. 168 – 173 и др.

Гете и подобные им, присвоившие себе дух древних греков, умели и язык свой сблизить с греческим и сделать его самым богатым и для поэзии удобнейшим языком»[26]. Как видно из этого высказывания, Карамзин в полной мере разделял гердеровский интерес к мифологии и античной культуре, и, вероятно, на этом основании в 1791 году на страницах «Московского журнала» опубликовал переводы двух его парамифий «Лилия и роза» («Die Lilie und die Rose») и «Ночь и день» («Nacht und Tag»), которые, по мнению Э. Кросса, послужили моделью для его мифологической прозы[27]. Позднее, при создании исторических повестей – и в особенности «Истории государства Российского» – Карамзин вновь возвратится к сочинениям Гердера, но уже в связи с его историософскими воззрениями. В поисках ответа на вопрос о характере русской национальной самобытности он выступает как сторонник идеи прогресса в историческом развитии человечества, вместе с тем, по словам Н.Д. Кочетковой, «как и для Гердера, история сохраняет для Карамзина-писателя свой этический смысл»[28].

Об интересе Г.Р. Державина к наследию Гердера существует относительно объемная, но совершенно разрозненная литература. Это связано с крайней ограниченностью достоверных свидетельств, позволяющих точно установить круг чтения и переводов Державина из Гердера и вынуждающих исследователей становиться на путь его гипотетического реконструирования.

Впервые факт обращения поэта к сочинениям немецкого мыслителя был зафиксирован Я.К. Гротом при подготовке академического издания. Комментируя стихотворения «Пришествие Феба» (1797), «Геркулес» (1798), «Венец

---

[26] Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1988. С. 119.

[27] Cross A.G. N.M. Karamzin: A Study of his Literary Career. 1783–1803. Carbondale, Illinois: Southern Illinois University Press, 1971. P. 120.

[28] Кочеткова Н.Д. Формирование исторической концепции Карамзина – писателя и публициста // Проблемы историзма в русской литературе. С. 154.

бессмертия» (1798), «Лизе. Похвала розе» (1802), «Оковы» (1809), составитель высказал предположение о том, что они восходят к поэтическим первоисточникам Гердера, извлеченным из его книги «Blumen, aus der griechischen Anthologie gesammelt» («Цветы, собранные из греческой антологии», 1791), которая «была в руках» (II, 179) Державина. Позднее это предположение было подтверждено немецким славистом К. Битнером, указавшим в общей сложности 26 стихотворений Державина, где обнаруживается связь с гердеровскими текстами[29].

Эта точка зрения оказалась весьма продуктивной и получила дальнейшее развитие в отечественном литературоведении. Так, задаваясь вопросом о природе генетического сходства стихотворения Державина «Горячий ключ» (1797) со 153-м и 154-м сонетами Шекспира, М.П. Алексеев приходит к выводу об их общем источнике – одноименной эпиграмме греческого поэта Мариана Схоластика (V–VI в. н. э.), с которой русский поэт имел возможность познакомиться на страницах гердеровской «Антологии»[30]. Еще более широкие выводы формулирует Г.П. Макогоненко, утверждая, что интерес Державина к античности и активное приобщение к анакреонтической традиции во многом были инспирированы «культурологическими» трудами Гердера: «Вслед за Гердером Державин глубоко понимал и воспринимал в античной культуре единство идеального и действительного. Оттого стремился он к живописному выражению действительного»[31].

Мысль о гердеровском посредничестве в приобщении

---

[29] Bittner K. J.G. Herder und G.R. Der Deržavin // Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache im geistigen Sein. Festschrift zum 80. Geburtstag von Ernst Otto. Berlin, 1957. S. 188–215.

[30] Алексеев М.П. Державин и сонеты Шекспира // Русская литература XVIII века и ее международные связи. XVIII век. Вып. 10. Л., 1975. С. 226 – 235.

[31] Макогоненко Г.П. Анакреонтика Державина и ее место в поэзии начала XIX в. // Державин Г.Р. Анакреонтические песни. М., 1986. С. 281 – 282.

автора «Фелицы» к античной культуре была принципиально уточнена и убедительно проиллюстрирована в исследованиях последнего десятилетия. В частности, развивая тезис о завершающей и интегрирующей роли Державина в создании эстетизированной мифологии русской поэзии XVIII века, Л.А. Ходанен приводит аргументы, касающиеся творческого восприятия и авторского преломления им гердеровских представлений о мифе как вечном вдохновляющем источнике художественного творчества. Исследователь пишет: «Широта восприятия мифологии разных народов мира, которая была заявлена в трудах Гердера, соотносима со стремлением Державина не следовать в своей поэзии какой-то одной мифологической системе, а улавливать дух поэзии древности, воспринимать мифологизм как особенность поэтических созданий древности, свойство поэтического мышления. В державинской поэзии переплавляются античные, ветхозаветные, новозаветные, скандинавские, славянские мифы, составляясь в новую поэтическую мифологию. Свобода в обращении с архаическими мифами сочетается у Державина со стремлением ввести их в этот мир»[32].

А благодаря архивным разысканиям А.А. Койтен в научный оборот впервые были введены 5 державинских переводов из поэтического сборника Гердера «Парамифии»[33], которые поэт в последние годы своей жизни предполагал издать в составе тома «Сочинения и переводы в прозе Державина. Часть V»[34]. Публикация переводов не только сопровождается обстоятельным текстологическим комментарием, но и содержит ряд важных выводов, касающихся характера переводческой стратегии Державина и его рецепции гердеровских идей в контексте развития

---

[32] Ходанен Л.А. Поэтический миф о вдохновении в лирике Г.Р. Державина // Slavica tergestina. 9. Studia slavica. 11. Triest, 2001. С. 135.

[33] «Утренняя заря» («Die Morgenröte»), «Выбор Флоры» («Die Wahl der Flora»), «Сотворение Горлиц» («Die Schaffung der Turteltaube»), «Роза» («Die Rose») и «Аврора» («Aurora»).

[34] РНБ, ф. 247 (Державин), т. 4, л. 111 – 175.

антологической традиции рубежа XVIII–XIX веков[35].

Наряду с этим осуществленная и детально прокомментированная В.А. Западовым полнотекстовая публикация трактата «Рассуждение о лирической поэзии, или об оде», который ранее считался незавершенным, позволила всерьез поставить вопрос о влиянии идей Гердера на эстетическую программу Державина. Еще Я.К. Грот обратил внимание на то, что при подготовке «Рассуждения» автор неоднократно (VII, 593, 595, 596, 597) обращался к гердеровскому сочинению искусствоведческого характера «О подкреплении просвещения» («Beförderung der Humanität», 1793–1797). Опираясь на это наблюдение, И.В. Карташова высказывает мнение, что усвоение гердеровских взглядов на фактор зависимости искусства от духовных запросов общества на каждом конкретном этапе исторического развития вплотную приводит Державина к романтическому пониманию природы художественного творчества в целом: «История искусства, в трактовке Державина, становится выражением истории человечества, его духовного развития. Тем самым формируется исторический принцип, который является одним из важнейших в эстетике Гердера и немецких романтиков»[36].

Мысль о влиянии идей Гердера на формирование исторического подхода Державина в осмыслении явлений социального бытия и воплощении его средствами художественного творчества получает масштабную разработку в диссертационном исследовании А.Н. Колоскова, который убедительно демонстрирует механизмы его реализации на материале исторической драматургии поэта («Ирод и Мариамна», «Темный», «Евпраксия», «Грозный, или Покорение Казани»)[37]. Проанализировав

---

[35] Койтен А. Державинские переводы из Геснера и Гердера. С. 119 – 145.

[36] Карташова И.В. Державин и романтизм // Романтизм в литературном движении: Сб. научн. трудов. Тверь, 1997. С. 60.

[37] Колосков А.Н. Историческая драматургия Г.Р. Державина: художественная реализация мировоззренческих принципов. Диссертация

природу конфликта и характер сюжетостроения державинских трагедий, исследователь резюмирует: «Будучи убежденным, вслед за Гердером, в поступательном характере исторического процесса, Державин далек от мысли, что развитие общества представляет прямую дорогу к светлому будущему, именно поэтому поэта интересуют в первую очередь не факты, а уроки истории»[38].

Наконец, следует, указать и на ряд работ, в которых рассматривается характер державинской рецепции собственно философских идей Гердера. Исключительно ценными в этом смысле являются наблюдения Е.П. Мстиславской, касающиеся эволюции мировоззренческой позиции поэта в поздний период его творчества. Сопоставление рукописных и печатных вариантов стихотворения «Эхо. Евгению» (1811), детальный анализ авторской правки и характеристика сквозных мотивов державинской лирики последних лет его жизни позволяют исследователю выявить связь проблематики данного произведения с узловыми вопросами философии Нового времени. В поэтическом восприятии мира как динамической системы, где осуществляется непрерывная взаимосвязь противоположностей (бытие – небытие, частное – общее, движение – покой и т.п.), Е.П. Мстиславская справедливо усматривает черты диалектического мышления Державина, формирование которого она связывает с гердеровским влиянием. Благодаря знакомству с идеями немецкого мыслителя, по мнению исследователя, Державин постигает принцип соотнесения явлений природы с законами человеческого бытия, определяющий сюжетно-композиционную структуру поэтического текста: «...в основе сюжета стихотворения лежит диалектическая триада: природа – человек – общество. На аналогии, которую

... канд. филол. наук. СПб., 2000 (Гл. 2. «Специфика архитектоники трагедий и личностная мотивация конфликта»).

[38] Колосков А.Н. Историческая драматургия Г.Р. Державина (Об истоках романтической драматургии) // Романтизм и его исторические судьбы. Тверь, 1998. Ч. II. С. 39.

усматривает Державин между законами природы, развитии человеческого общества и искусства, основывается его идея непреходящей ценности поэзии, поэта и человека, понятая как результат преемственности поколений. В этом Державин выходит за рамки современных ему метафизических представлений и оказывается близким натурфилософским учениям конца XVIII века, в частности И.Г. Гердера, к трудам которого поэт в 1810-е гг. проявлял интерес»[39]. Этот вывод представляется исключительно продуктивным в плане постижения феномена авторского сознания поэта в процессе его эволюционной динамики.

На сходство поэтической онтологии Державина с философскими построениями Гердера, изложенными в трактате «Идеи к философии истории человечества», указывает и И.Б. Александрова. С точки зрения исследователя, гердеровская идея существования единой цепи в развитии Вселенной, где человек выступает как звено, связующее материальную и духовную субстанции бытия, ярко проявляет себя в оде «Бог». Здесь же, как следует из рассуждений автора, фигурирует и другое ключевое понятие гердеровского философского тезауруса – гуманность, которое толкуется как Божественная потенциированность человека. Кроме того, Державину, по мнению И.Б. Александровой, был близок взгляд Гердера на фактор культурной детерминированности человека, выразившийся в его обусловленности национальной традицией. Из всего этого следует вывод: «Онтологические и исторические взгляды Гердера – о единой цепи существ Вселенной, о человеке как средоточии природного и Божьего начал, о национальной и общечеловеческой обусловленности личности, об умеренности как лучшем образе жизни – отразились в творчестве Державина»[40].

---

[39] Мстиславская Е.П. Автограф Г.Р. Державина («Эхо. Евгению» и последнее стихотворение) // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1981. Вып. 42. С. 218.

[40] Александрова И.Б. Творчество Г.Р. Державина в литературно-философском контексте эпохи // Филологические науки. 2003. № 2. С. 5.

Таким образом, представленный выше обзор исследований свидетельствует о достаточно широком спектре интереса Державина к интеллектуальному и художественному наследию немецкого мыслителя. В поле зрения поэта, судя по всему, находились разнообразные по типу предметного содержания (философские, историософские, эстетические, искусствоведческие, поэтические) сочинения Гердера, которые оказали существенное влияние на формирование авторского сознания Державина. Рецепция гердеровских идей носила по преимуществу творческий характер и осуществлялась в виде переводов и поэтических интерпретаций.

Однако есть основание предположить, что державинская гердериана включает в себя как минимум еще один текст, который до сих пор не был учтен в отечественном и зарубежном литературоведении. Так, в июльском номере (№ 14) журнала «Вестник Европы» за 1804 год в разделе «Литература и смесь» была опубликована статья под заглавием «Гердер. “Человек сотворен для ожидания безсмертия”»[41]. Этот материал представляет собой довольно точный перевод фрагментов из I части его фундаментального труда «Идеи к философии истории человечества»[42], который сопровождается комментарием издателя и приложением в виде предсмертного стихотворения Гердера «Er misst den Himmel, stillt die Meere!» («Он измеряет небеса, успокаивает моря!») с его подстрочным прозаическим переводом[43].

---

[41] Гердер И.Г. «Человек сотворен для ожидания безсмертия» // Вестник Европы. 1804. Ч.16. № 14. С. 71 – 90. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы, например: (ВЕ, 82).

[42] Переводчик приводит точное указание источника, с которого выполнен перевод: «Ideen zur Philosophie der Geschichte, der Menschheit, von Iogann Gottfried Herder. – Riga, 1785. – Erfter Theil. – Viertes Buch, parag. VII. – Funftes Buch, parag. I. – VI» (ВЕ, 71).

[43] По всей видимости, перевод основного текста, стихотворения и комментарий к нему принадлежат издателю журнала Панкратию Платоновичу Сумарокову (1765 – 1814), в этом же номере «Вестника Европы» поместившему свою эпиграмму «В природе смерти нет! – так

Как следует из названия, статья посвящена проблеме человеческого бессмертия. В вводной ее части переводчик кратко излагает общие положения гердеровской онтологии, основанной на идее постепенного восхождения от низших форм бытия к высшим под воздействием всеобщей «внутренней силы». Он отмечает, что при переходе из одной системы в другую эта сила не уничтожается, но обретает иную сферу своего приложения. Из этого следует, что ничто в этом мире не разрушается и не исчезает, потому что «всякое разрушение есть ни что иное, как переход к совершеннейшей жизни» (BE, 79).

Далее приводится последовательность развернутых и логически выстроенных цитат из «Ideen zur Philosophie der Geschichte, der Menschheit», в которых раскрывается идея бессмертия человеческой души как результата действия этого закона всеобщего развития. В частности, сообщается, что человек, являющийся вершинной формой земного бытия, обладающий «умственным могуществом» и душой, способной познавать Бога и «подражать» Ему, по окончании своего физического существования неизменно должен продолжить путь развития в направлении форм еще более совершенных, нежели он был, пребывая в телесной оболочке, т.е. в сферу чистого духа. На основании этого Гердер делает вывод, сформулированный в свойственной ему метафорической форме: «Теперешняя наша натура есть ни что иное, как состояние приуготовительное: росток цветка, который должен расцвесть в бессмертии. Физические способности суть только исполнители и подчиненные действователи способностей душевных; сии в свою очередь направляются к цели, до которой на земле никогда совершенно достигнуть не возможно» (BE, 82–83).

По словам Гердера, мудрое попечительство Создателя скрыло от человека точное представление о перспективах его посмертного существования, но наделило предчувствием

Гердер говорит...» (BE, 147), в которой содержится неточная цитата из статьи; ср.: «Совратим глаза с простой, внешней обертки, и не увидим более смерти в Природе» (BE, 79).

грядущего совершенства, признаки которого доступны ему уже в земной жизни в виде чувства радости от различных проявлений добродетели. Поэтому активное стремление к совершенству оценивается мыслителем как исполнение человеком его земной миссии и как начальный этап восхождения в лоно бессмертия: «Человек! надейся, ожидай; но берегись предсказывать. Ты знаешь только, что после сражения предлежит тебе награда; отметай все, что не достойно человечества; стремись к истине, к доброте, к красоте совершенной, и ты снищешь их со временем!» (ВЕ, 85).

Статья завершается оптимистическим императивом, призывающим читателя преодолеть привычный страх смерти и безбоязненно покинуть земные пределы в срок, назначенный Всевышним: «Оставь же ее (земную жизнь. – *Д. Л.*) без сожаления, как луг, где, сын бессмертия, играл ты во младенчестве; оставь ее как училище, где получил ты спасительное воспитание скорби: ты не имеешь более над нею власти, ни она над тобою. Увенчанный лавром победы, свободный, радующийся возрождению своему, брось без сожаления страннический посох твой» (ВЕ, 89).

Думается, что этот материал не мог пройти мимо Г.Р. Державина, постоянного подписчика журнала «Вестник Европы», к тому же увлеченного идеями Гердера. Кроме того, проблема человеческого бессмертия как предмет напряженного осмысления на протяжении многих лет волновала поэта. В последнее десятилетие его жизни мысль о бессмертии (причем не только в «горацианском» смысле как посмертная поэтическая слава, но и в буквальном) получает свое оригинальное художественное выражение то в живописных картинах посмертного суда («Монумент милосердию», 1805), то в ироничных проектах загробного существования человека в «ангельском чине» («Время», 1805; «На балет Зефир и Флора», 1808), то в страстном выражении предчувствия грядущего блаженства в вечности («Надежда», 1810; «Тление и нетление», 1813), то в решительном утверждении неизбежности окончательного

соединения человека с Богом («Христос», 1814). Но своего апогея эта мысль достигает в последнем, предсмертном его сочинении «Река времен...» (1816).

Этому, одному из самых загадочных сочинений Державина, посвящена довольно обширная литература[44]. Как известно, мнения исследователей разошлись по вопросу о степени завершенности последнего державинского замысла. Представлению о том, что «Река времен...» – это лишь фрагмент неоконченного стихотворного текста (Я.К. Грот, В.Ф. Ходасевич, Н.Я. Эйдельман, Н.И. Глинка, П.Г. Паламарчук), впервые сформулированному в примечании к его первой публикации, противостоит аргументированное суждение (М. Халле, Д.М. Чижевский, Р. Якобсон, Ч.Л. Дрейдж, Е.П. Мстиславская, А.Л. Зорин, К.Ю. Лаппо-Данилевский, Н.П. Морозова и др.), согласно которому «грифельная ода» – это акростих, начальные буквы каждой строки которого при вертикальном прочтении составляют фразу «РУИНА ЧТИ». В соответствии с древнерусской грамматической нормой, это следует понимать как «погибель чести», что связано с выражением мысли о тщетности всех земных человеческих достижений.

В частности, убедительные доводы приводит К.Ю. Лаппо-Данилевский, который считает: «Последнее восьмистишие Державина – самодостаточный и художественно завершенный текст, который никоим образом не может рассматриваться как зачин неоконченной оды. Первые четыре стиха развивают характернейшую для барочного искусства тему бренности всего земного. Пятый и шестой затрагивают столь существенный для Державина лично, в течение всей жизни волновавший его вопрос о посмертной славе людских деяний. Седьмой и восьмой

[44] Наиболее полная библиография изучения этого стихотворения содержится в статье Н.П. Морозовой «О последнем стихотворении Г.Р. Державина» (Русская литература. 2002. № 2. С. 137), а подробный обзор исследований осуществил К.Ю. Лаппо-Данилевский (см.: Лаппо-Данилевский К.Ю. Последнее стихотворение Г.Р. Державина // Русская литература. 2000. № 2. С. 146 – 158).

подводят пессимистический итог – все преходяще, всепожирающее и неумолимое время не делает ни для кого исключения. Этот вывод столь глобален и эсхатологичен, что он исключает дальнейшее развитие темы. С другой стороны, именно эта законченность – важная предпосылка создания акростиха, начальные литеры стихов которого призваны в чеканной форме продублировать его общую идею»[45]. В качестве источников, тематически созвучных содержанию державинского восьмистишия, исследователь называет Библию и ее книги (и в особенности – переложенный Державиным 81 псалом); литературу церковного красноречия (проповеди), связанную с барочной традицией; его собственные оды, где фигурирует мысль о всеобщей тленности и тщете земной славы («На тщету земной славы», «Слава», «Тление и нетление» и др.).

Иные смысловые акценты в толковании этого текста были расставлены А.А. Левицким, который предложил читать державинский акростих в более позднем, характерном для конца XVIII – XIX вв. значении: «Руина (развалину) почитай». Проследив процесс развития мотива воды (текучести, подвижности, и в то же время приобщенности к сфере сакрального) в контексте всего творчестве Державина, он приходит к выводу о том, что «Река времен» есть закономерный итог его размышлений о природе личного поэтического бессмертия: «Осмысляя себя в качестве руины, автор создает себе своеобразное надгробие, которое будет стоять несмотря на вечность в человеческом понимании времени, и не случайно “река времен”, аналог вечности, дословно вытекает в стихах из образа “руины”, последнего авторского представления о себе как дряхлейшем из стариков, которое сопровождало более ранние его изображения ключей, рек и водопадов. <...> Но если раньше воды времени истекали из урн, то в этом стихотворении, олицетворяя себя самого в руине, Державин одновременно

[45] Лаппо-Данилевский К.Ю. Последнее стихотворение Г.Р. Державина. С. 150.

сам становится источником “реки времен”. Будучи ее “ключом”, он “уходит” общей судьбы вечности и воздвигает себе грандиознейший последний памятник – надгробие над звуками своей лиры, которое прочнее самого жерла вечности. Такого памятника не воздвиг сам Гораций»[46].

Признавая авторитетность обеих точек зрения, думается, есть основание для уточнения этой спорной ситуации посредством вовлечения в контекстуальный фон стихотворения еще одного неучтенного источника, вернувшись к упомянутой выше статье «Гердер. “Человек сотворен для ожидания безсмертия”», напечатанной в журнале «Вестник Европы». Как уже было сказано, утверждая идею всеобщего развития, немецкий мыслитель стремится здесь не только объяснить причины и механизмы перехода человека после его смерти «из одного мира в другой», но и выработать у читателя подлинно философское отношение к этому событию, помочь ему преодолеть страх неизвестности и подготовиться к радостному вступлению в обитель Всевышнего. Характерно, что вслед за автором переводчик Гердера принципиально избегает употреблять в тексте слово «смерть», а использует его, так сказать, «оптимистические» эквиваленты, кардинально меняющие смысл самого понятия: «новое обиталище», «возрождение», «соединение с высшими стихиями», «новое преобразование и совершеннейшее состояние» и т.п. В результате смерть начинает восприниматься не как изнанка жизни, но как ее закономерное и качественно более значимое продолжение.

В связи с этим, переход в Вечность мыслится Гердером как преодоление всех земных достижений и предполагает изменение самой системы ценностей, определяющих новое бытие человека. Все, что могло представляться ему в земной жизни великим свершением, гениальным завоеванием, «победой», в мире абсолютного бытия утрачивает свой аксеологический статус и предается забвению. Для

---

[46] Левицкий А.А. Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век. Сб. 20. СПб., 1996. С. 69.

иллюстрации этой мысли Гердер приводит высказывание в свойственной ему образной форме: «Изредка возникает мудрец, добродетельный Муж, которые сеют хорошия мысли, творят добрыя дела; *но сии мысли, сии дела теряются в великой реке времени, иногда появляются на поверхности волн, и вскоре стремление потока увлекает их <...> все поглощается...* (курсив мой. – *Д. Л.*)» (BE, 87).

Нетрудно заметить, что это высказывание откровенно перекликается с первым катреном «грифельной оды», где комплексу образных тождеств соответствует и общая смысловая основа двух текстовых фрагментов. Подобно Гердеру, Державин констатирует мысль о преходящей сущности всех земных деяний и недолговечности земной славы. Однако развитие этой мысли в каждом из двух текстов осуществляется по принципиально разным траекториям. Если в тленности всего земного Гердеру видится выражение всеобщего закона, где сама тленность есть залог и условие дальнейшего санкционированного Творцом движения к совершенству, и потому она оценивается как знак Высшей Его благости, то Державин в последних четырех стихах сознательно конкретизирует это явление и проецирует его в сферу культурной памяти («звуки лиры и трубы»). Выводы, к которым приходит поэт, поистине трагичны: если законы бытия имеют универсальный характер, то «общей судьбе» тления подвержено не только материальное, но и духовное достояние человечества, а следовательно – несостоятельны и его чаяния на посмертную память потомства.

Иными словами, Державин глубоко личностно воспринял гердеровскую идею о всеобщем развитии. В сознании поэта столь для него важная идея бессмертия души неожиданно вступила в противоречие с не менее важной идеей поэтического бессмертия. Оптимистическая концепция Гердера обнаружила несоответствие личным мыслям и надеждам автора оды «Лебедь», стремившегося запечатлеть свое имя в веках и «в слове бессмертном жить» (II, 679).

Тем не менее, необходимо оговориться, культурная

практика сегодняшнего дня убедительно демонстрирует, что предсмертные тягостные раздумья поэта не оправдались, и его «чудесный, вечный памятник» выдержал испытание на прочность под натиском сокрушительного «времени полета» (I, 785 – 786).

И.В. Кощиенко

«О время благополучное и редкое, когда мыслить и говорить не воспрещается <…>» (Об эпиграфах в произведениях Г.Р. Державина)

Эпиграф в разнообразном и обширнейшем творчестве Г.Р. Державина — явление, безусловно, заслуживающее внимания.

Первый эпиграф появляется у Державина в 1790 году в оде «На взятие Измаила»:

О коль Монарх благополучен,
Кто знает Россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.

Ода г. Ломоносова[47].

Это четверостишие М.В. Ломоносова из «Оды императрице Екатерине Алексеевне на ея восшествие на престол июля 28 дня 1762 года». Своеобразную вольность проявил Я.К. Грот в «Сочинениях Державина», подписав этот эпиграф «Ломоносов (ода 18, строфа 22)»[48] вместо «Ода г.<осподина> Ломоносова»: издатель тут же, а не в примечаниях, уточнил источник эпиграфа. Строки из оды Ломоносова подтверждают память о славном и могущественном царствовании императрицы по прошествии многих лет. Отметим тот факт, что Державин обращается в

[47] Державин Г.Р. Сочинения: в 5 ч. СПб., 1808 – 1816. Ч. 1. С. 77. В этом издании в последней строке эпиграфа была допущена опечатка: вместо слова «всех» напечатано «все», что отмечено в «Погрешностях в первой части». В подписном экземпляре «Сочинений», подаренном Державиным племяннице – Е.Н. Львовой и изобилующем авторскими пометами, недостающую букву Державин дописал карандашом (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1., № 11, л. 49).

[48] Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота: в IX т. СПб., 1864 – 1883. Т. I. С. 340. Ссылки на это издание далее даются в тексте статьи с указанием в скобках номера тома (римская цифра) и номера страницы (арабская цифра).

эпиграфе не к библейскому или античному материалу (как, например, Ломоносов в отдельном издании оды «Российских войск хвала растет», написанной по поводу победы над шведами под Вильманстрандом в 1741 году, поставил эпиграф из Горация), а к творчеству предшественника, при этом к одному из вершинных образцов русской поэзии. Державин таким эпиграфом обозначает преемственность традиции, идущей от ломоносовской победной хвалебной оды. В своих многочисленных одах, посвященных подвигам русских войск, поэт во многом следует творческим принципам Ломоносова, но ограничивается в подражании только этим жанром[49]. Я.К. Грот, в примечаниях неоднократно сопоставляя оду Державина с текстами Ломоносова, заметил: «Вообще эта ода, по стилю и по картинам, более других напоминает оды Ломоносовские» (I, 342)[50]. Заложенная в эпиграфе мысль о благоразумном монархе, умеющем управлять своим народом, находит отражение в следующих державинских строках:

Пусть только ум Екатерины,
Как Архимед, создаст машины;
А Росс вселенной потрясет.

---

[49] Об отношении Державина к Ломоносову см.: Стенник Ю. В. Ломоносов и Державин // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 235 – 267; Алексеева Н.Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII – XVIII веках. СПб., 2005. С. 309 – 312; Благой Д.Д. Гаврила Романович Державин // Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 16 – 19.

[50] Это влияние отмечали и друзья Державина: И.И. Дмитриев, Н.А. Львов, В.В. Капнист, вносившие стилистические поправки в текст оды «На взятие Измаила». Так, стих «И правотой сердца пленить» в первом издании оды (1791) звучал так: «И милостью сердца пленить». Николай Александрович Львов, исправив в рукописи Державина «правотой» вместо «милостью», так объяснил свое решение: «Ломоносов показал дорогу везде просить милости. Я не считаю это ни благородным подвигом, ни красным словом <…>; если же милость кто по заслуге получил, то она уже не милость, и слово сие уменьшало бы достоинство действия; тогда бы была она только справедливость, и для того я написал: правота» (I, 359). Замечание Львова нашло свое воплощение уже в издании оды Державина в 1798 году.

Чего не может род сей славный,
Любя царей своих, свершить?
Умейте лишь, главы венчанны,
Его бесценну кровь щадить.
Умейте дать ему вы льготу,
К делам великим дух, охоту,
И правотой сердца пленить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь мир себя заставить чтить. (I, 358 – 359)

Поэт, испытавший все тяготы военной жизни, наставляет императрицу и дает ключ к тому, как «россами владеть», чтобы «венчанны лавром исполины» возлегли «под сению Екатерины» (I, 360). Пять строф (32 – 36), обращенных к «прекрасному и почтенному» полу, которому «днесь предлежат венцы», завершаются напоминанием о том, что

Плоды побед суть звуки славы,
Побед основа – тверды нравы,
А добрых нравов вы творцы! (I, 360)

По словам Державина, «ода сия не токмо императрице, ее любимцу, но и всем понравилась <…>. Государыня, увидев его при дворе в первый раз по напечатании сего сочинения, подошла к нему и с усмешкою сказала: «Я не знала по сие время, что труба ваша, столь же громка, как и лира приятна» (I, 335–336).

Вопрос о местоположении этого эпиграфа тоже имеет свою историю. В писарской копии «Рукописных стихотворений Державина» (1790 – 1794), хранящейся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, на полях рукописи напротив эпиграфа есть замечание, сделанное рукой Державина: «Этот диктон должен быть написан быть на предшествующей странице» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1., № 11, л. 90), то есть на

отдельном листе. Только потом, на следующей странице должно идти заглавие и текст стихотворения. Так, эпиграф оды «На взятие Измаила» сопровождался в «екатерининском» рукописном томе 1795 года[51] и в первых печатных отдельных изданиях[52] иллюстрацией. Любопытно, что Державин, готовивший рукопись к публикации, употребил вместо слова «эпиграф» (от греч. epigraphé – надпись) лексему «диктон» (от франц. dicton – изречение)[53]. Я.К. Грот в своем издании воспроизвел это стихотворение Державина с оформлением, созданным в рукописи 1795 года: эпиграф напечатан на отдельной странице под гравюрой по рисунку А.Н. Оленина, сопровождаемом в рукописях таким объяснением: «Орел российский опочивающий на полсвета, имея при себе знаки славы и храбрости непобедимой» (I, 337).

Еще раз имя М.В. Ломоносова появляется под эпиграфом в 1799 году в отдельном издании героической оды «На переход Альпийских гор»:

Где только ветры могут дуть,
Проступят там полки орлины.
Ода Г. Ломоносова[54].

---

[51] РНБ, F.XIV.16.

[52] Впервые «Песнь лирическая Россу по взятии Измаила» (название менялось несколько раз) напечатана тремя отдельными изданиями: в Петербурге, Москве и Тамбове в 1791 году. Описывая первый печатный экземпляр оды, Грот отмечал: «На обороте заглавного листа четырехстишие Ломоносова, сохраненное перед одою, в виде эпиграфа, и в собраниях сочинений нашего поэта. <…> Вскоре после первого появления оды, она была помещена, под тем же заглавием и с удержанием эпиграфа, в Новых ежемесячных сочинениях» (I, 336 – 337). В издании 1808 года эпиграф напечатан без рисунков на традиционном для него месте – под заглавием.

[53] Благодарю за помощь в атрибуции этого слова А.О. Демина и А.А. Левицкого.

[54] Переход в Швейцарии чрез Альпийские горы, Российских Императорских войск, под предводительством Генералиссима; 1799. СПб., 1800.

На этот раз Державин воспользовался строками из оды «На взятие Хотина» (6 строфа; 1739). В державинской рукописи № 2 (л. 102) эпиграф перед текстом стихотворения отсутствует, в № 7 (писарская копия с поправками Державина, ч. III, л. 141) он есть. Начиная с издания «Сочинений» 1808 года, ода публиковалась без эпиграфа (Ч. 2. С. 101).

Эпиграф на титуле отдельного издания – продолжение традиции, идущей от Ломоносова, и появление такого эпиграфа у Державина в 1799 году было уже вторым опытом, первым же стало в 1792 году отдельное издание стихотворения «Памятник герою» (1791), посвященного князю Николаю Васильевичу Репнину, «последнему победителю Турок и первому устроителю мира с Турецкою державою»[55]. Эти обстоятельства и стали поводом для его написания. Вот этот эпиграф:

Друг человечества! Войною
Быть громким может и злодей,
Но славою блестят прямою
Подобны души лишь твоей.

Стихотворение было напечатано без подписи, так же, как и в «Московском журнале» (1791. № 10. С. 46), где публиковалось впервые со следующим примечанием Н.М. Карамзина к заглавию: «Сочинитель не хочет быть известен, подражая, может быть, скромной добродетели героя, в честь которого сооружен им сей памятник. Да и в самом деле имена писателей не столько нужны для потомства, сколько изображаемые ими современников своих знаменитые добродетели, которые долженствуют озарять грядущие племена в деяниях их» (I, 431). Эпиграф, вероятнее всего, принадлежит перу самого Державина и является стилизацией торжественных од Ломоносова. Ломоносовская мысль

[55] РНБ, F.XIV.16. Л. <393 об.>. См. также: Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 1. С. 428.

«Иной прославился войною, / Но жизнью мир порочит злою…» («Ода на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1748 года», строфа 14) находит прямой отзвук в стихах «Войною / Быть громким может и злодей…». Вторая же часть эпиграфа о прославлении души связана со строками из той же оды Ломоносова: «И славе свет да удивится / Твоих великодушных дел». Эта открытая перекличка с Ломоносовым не оставляет сомнения в авторстве Державина.

Проблема подлинности и мнимости героизма, поднятая Ломоносовым, у Державина решена однозначно: героем не может быть человек, погубивший тысячи людей в угоду своим честолюбивым замыслам. В тексте оды поэт раскрывает качества «друга человечества»:

Прямой герой страстьми недвижим,
Он строг к себе и благ ко ближним;
К богатствам, титлам, власти, славе
Внутри он сердца не привержен;
Сокровище его любезно —
Спокойный дух и чиста совесть (I, 433 – 434).

Эпиграф, появившийся позже этих строк, аккумулирует в себе идею стихотворения, изначально противопоставляя человечность злодейству.

В издании «Сочинений Державина» 1808 года встречается еще один эпиграф, сочиненный Державиным, о котором он в 1809 году в «Объяснениях на сочинения Державина относительно темных мест в них находящихся» в особом примечании к этому стихотворению написал: «Второй эпиграф написал автор с намерением, дабы Павел познал, что примечено публикою его недоброжелательство к Суворову из зависти, для чего сия ода холодно и была принята» (III, 677). Вот этот эпиграф, напечатанный на обороте титульного листа:

«Великий дух чтит похвалы достоинствам, ревнуя к подобным; малая душа, не видя их в себе, помрачается

завистью. ТЫ, ПАВЕЛ! Равняешься Солнцу в Суворове; уделяя ему свой блеск, великолепнее сияешь».

Конечно, подобные замечания не могли понравиться императору. Как указал Грот, в черновой рукописи оды «На переход Альпийских гор» «после 32-й строфы была еще одна, которая потом зачеркнута и обращена в эпиграф» (II, 298). Приведем эту последнюю, несостоявшуюся строфу:

Великая душа лишь знает,
О Павел! Дать хвалу другим;
Душ малых зависть помрачает
И солнце не блистает им.
Монарха блеск, светила мира,
Чрез отлияние порфира
Прекрасней нам своим лучем.
Он от морей, от капль сверкает
Сияньем взоры восхищает:
Так ты – в Суворове твоем (II, 299).

Эти строки, оставленные в общем корпусе стихотворения, пусть даже и в его финале, могли иметь более мягкое звучание. Державинское решение перенести собственное стихотворное сравнение-поучение во главу произведения, можно расценивать как своеобразный подвиг, сравнимый с подвигом Суворова. Прозаический эпиграф сразу обращал на себя внимание, он выбивался из привычного жанра панегирической военной оды. Как следствие – ода вызвала недовольство Павла.

На этом фоне хочется обратиться еще к двум, по определению Грота, «замечательным» (I, XXIV) эпиграфам, посвященным царственным особам.

Первый том Сочинений Державина 1808 года открывается посвящением Екатерине Великой и эпиграфом[56] о ее правлении:

---

[56] Эпиграф напечатан после посвящения на отдельной странице. Державин одним из первых в русской литературе авторов употребил эпиграф к тому своих сочинений (впервые это сделал И.И. Дмитриев в

«О время благополучное и редкое, когда мыслить и говорить не воспрещалося; когда соединены были вещи несовместные, владычество и свобода; когда при самом легком правлении общественная безопасность состояла не из одной надежды и желания, но из достоверного получения прочным образом желаемого. *Тацит*»[57].

В черновой вариант подносной рукописи эпиграф внесен Державиным дважды и имеет несколько иной, усеченный вид: «О! времен редкого благополучия, когда не воспрещалось мыслить и что мыслишь говорить свободно. Тацит. Книга 2»[58]. По мнению Грота, этой цитатой Державин намеревался заключить свое поэтическое посвящение императрице (I, 805), что подтверждается рукописью: приведенные строки под посвящением зачеркнуты и на следующем листе рукой Державина написано: «О редкого времени благополучие, когда не воспрещалось мыслить и что мыслишь говорить свободно. Тацит, книга 2»[59].

Поэт вынес цитату на отдельный лист, превратив ее в эпиграф. Здесь можно наблюдать, как шла работа Державина над переводом из Тацита.

В одном из первых сборников «Рукописных стихотворений Державина», хранящемся в Пушкинском Доме[60], и в подносной рукописи 1795 года эпиграф, написанный после посвящения, оформлен уже практически как в издании «Сочинений» 1808 года, за исключением

сборнике «И мои безделки» в 1795 году). Эпиграф использован Державиным и в рукописном «екатерининском» томе 1795 года. Однако в Сочинениях 1798 года он отсутствует. Возможно, это произошло по недосмотру издателя: не смотря на то, что «сочинителю желалось было первую часть напечатать в таком точно порядке, как она блаженной памяти покойной Государыне Императрице поднесена была», сочинения были «безо всякого разбора размещены», «притом с такими неисправностями, что вовсе бы лучше не издавать» (Сочинения. 1798. С. III).

[57] Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 1. М., 1798.

[58] ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 4, л. 2 об.

[59] ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 4, л. 3.

[60] ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 1.

измененной подписи под эпиграфом («Из разных мест Тацита») и его начальных слов («О времени редкого и благополучного <…>»)[61]. Таким образом, вплоть до издания 1808 года с уже окончательно оформившимся эпиграфом, Державин работал над этой цитатой, все-таки оставив под ним только имя автора: «Тацит». Я. Грот, поместивший в первом томе «Сочинений» специальное примечание к этому эпиграфу Державина, установил, что строки действительно охватывают два произведения Тацита: «Историю» (кн. 1, гл. 1) и «Жизнь Агриколы». В 1795 году Тацит еще не был издан на русском языке, поэтому Грот предположил, что Державин, знавший латинский язык со времени обучения в казанской гимназии, пользовался текстом «или в подлиннике, или в немецком переводе» (I, 805). Вскоре, в 1798 году, в Москве появляется перевод «Жизни Агриколы» И. Горина, а в 1807 году в Петербурге выходит «История Тацита» в переводе Ф. Поспелова. Приводя отрывки процитированных в эпиграфе мест из этих переводов, Грот заключает: «Нет надобности говорить, насколько Державин лучше обоих переводчиков Тацита понял и выразил мысль римского историка» (I, 806). Такой «объединенный» и вследствие этого получивший некую «объемность» эпиграф прекрасно передает характер общественной атмосферы во время правления Екатерины II[62].

Вторая часть сборника сочинений 1808 года, посвященная уже Александру I, сопровождалась эпиграфом из Плиния, характеризующим первые годы александровского царствования:

---

[61] ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 1, л. 6. В писарской копии «Рукописных стихотворений Державина» с поправками поэта (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 5) этот эпиграф значительно расширен, но две дополнительные строки тщательно зачеркнуты.

[62] Показательно, что А.Н. Радищев в «Песне исторической» (1802), говоря о временах императора Траяна, приводит эти же слова Тацита: «Век счастливой наш, где можно / Мыслить то, что мыслить хочешь, / И вещать, что ты помыслишь» (Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. М.; Л., 1938 – 1952. Т. 1. С. 117).

«Мы не намерены ласкать ему нигде, яко существу Высочайшему, или яко некоему Божеству; ибо говорим не о тиране, но о Гражданине, не о Государе, но об Отце Отечества, который почитает себя нам равным; но тем паче нас превышает, чем более равняет себя с нами. *Плиний* в слове Императору Траяну»[63].

Эпиграф дан в переводе А.А. Нартова, изданном в Петербурге в 1777 году. Однако Державин несколько правит перевод, точнее выстраивая с грамматической точки зрения его финальную часть. У Нартова: «Он почитает себя равным нам; и тем паче превышается, что равняет себя с нами»[64]. У Державина фраза построена грамматически правильнее.

Имя Плиния не появляется здесь неожиданно. Оно возникает у Державина еще в 1786 году в «Речи, говоренной в 22 день сентября 1786 при открытии в Тамбове главного народного училища…». Этот опыт в ораторской прозе отозвался в письме к Е. Р. Дашковой (16 ноября 1786 года), где он ссылается на Плиния в отзыве о Ломоносове: «Думаю, ежели б он (Ломоносов – *И. К.*) доныне жив был, то бы, без сумнения, стихи его трогали сердце для того, что бы мы в них усматривали более истин, нам приятных и нас пленяющих, подобно как у Плиния в похвале Траяна» (V, 639). В эпиграфе, говорящем «приятные» и «пленяющие» «истины», Державин проводит параллель Александр I – Траян: правление обоих отличается активной реформаторской деятельностью, а заключенное Александром в 1807 году Тильзитское соглашение с Наполеоном в данном контексте воспринимается как намек на военные успехи римского императора. Присутствие в эпиграфе авторского «я» («Мы не намерены ласкать ему нигде...») настраивает на откровенный

---

[63] Державин Г.Р. Сочинения: в 5 ч. Ч. 2. СПб., 1808. Эпиграф напечатан на отдельной странице после стихотворного обращения к Монарху перед «Оглавлением второй части».

[64] Слово похвальное императору Траяну, говоренное Каием Плинием Цецилием Вторым / пер. А. Нартова. СПб., 1777. С. 2. В предисловии ко второму тому «Сочинений Державина» Я. Грот приводит в подлиннике соответствующую эпиграфу цитату из Плиния (II, VIII).

разговор с читателем: сборник будет вещать одну истину, «с которой и после меня история будет согласна» (V, 639).

Следующий ряд державинских эпиграфов имеет одно общее свойство: они взяты из христианских источников православной веры. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

Стихотворение «На кончину благотворителя» (1795) открывается эпиграфом из «Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова»:

«Прежде неже умерши ты, добро твори другу … и освяти душу твою, яко несть во аде взыскати сладости. Сирах. гл. 14, ст. 13, 16, 17»[65].

В рукописях[66] эпиграф подписан «Сирах. гл. 14, ст. 13 и 14». Вероятно, Державин, всегда отличающийся точностью в обозначении строк из христианских книг, цитировал «Книгу Премудрости» по памяти, поэтому первоначально приблизительно пометил источник фразы, а соответствующее уточнение мог внести уже перед изданием. Поэт опустил несколько строк, не отражающих особенностей деятельности благотворителя, оставив только: «Прежде, нежели умрешь, делай добро другу, и утешай душу твою, ибо в аде нельзя найти утех»[67].

Слова из библейского источника имеют особое звучание: Иван Иванович Бецкой, которому посвящено это произведение, президент Академии художеств, был

---

[65] Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 2. С. 156.

[66] ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 4, л. 170; № 2, л. 141 об. Во второй из этих писарских копий (ед. хр. № 2) переписчик пропустил эпиграф, который был вписан карандашом на полях с пометой «NB» человеком, очевидно, готовящим рукопись к изданию.

[67] Полный текст отрывка из 14 главы второканонической книги Ветхого завета (курсивом здесь выделена часть, отсутствующая у Державина): «[13] Прежде, нежели умрешь, делай добро другу, и по силе твоей простирай твою руку и давай ему. [14] Не лишай себя доброго дня, и часть доброго желания да не пройдет мимо тебя. [15] Не другим ли оставишь ты стяжания твои и плоды усилий твоих для раздела по жребию? [16] Давай и принимай, и утешай душу твою, [17] ибо в аде нельзя найти утех».

учредителем воспитательных домов для детей, рожденных вне брака, и Смольного монастыря для благородных и мещанских девиц. Державин отмечает, что этот человек «жил для всех», и всю жизнь «спасал, хранил, учил, питал» (I, 706). Поэт, перелагая строки «Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова», завершает стихотворение призывом от лица небесной истины:

«О смертные! добро творите
И души ваши освятите,
Доколе не прешли сей свет;
Без добрых дел блаженства нет» (I, 708).

Такое возвращение к эпиграфу в финале произведения связывает его со структурой произведения в целом.[68]

Как продолжение этой темы звучит и эпиграф стихотворения «Монумент милосердию» (1805):

«Блажени милостивии, яко тии помиловани будут»[69].

Эта фраза из 5 главы Евангелия от Матфея, строка 7, что было отмечено Гротом, который в этом стихотворении добавляет подпись под словами эпиграфа: «(Матф. V, 7)» (II, 521). Эта тенденция к уточнению источника в тексте самого эпиграфа будет свойственна издателю и в других случаях.

Стихотворение написано в память о генерал-майоре Егоре Александровиче Наумове. Как главный судья в петербургской государственной конторе, он добился указа Екатерины II об отмене пыток и пристрастных допросов. По словам Державина, этим указом императрица освободила «человечество от чудовища, или тиранства, алкавшего крови не по чему иному, как по невежеству или по ослепленной злости» (III, 695).

В тексте стихотворения Державин снова поэтически обыгрывает евангельские строки:

---

[68] Подобным приемом пользовались и другие поэты, например, В.К. Тредиаковский («В крайностях терпение пользует», 1755), Н.М. Карамзин («Надежда», 1796; «Записка о древней и новой России», 1811).

[69] Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 2. С. 213.

Тут, облеченное лучами,
Явилось божество с весами
И, меч и ветвь держа рукой,
Рекло – глас громы повторили: –
«Блажени милостивы были:
Помилованы будут мной!» (II, 522).

Эпиграф освещает строение стихотворения: автор сначала говорит о милосердных, которых ждет божье прощение, и о гордецах, чей удел – забвение. В числе первых Державин перечисляет Елизавету, уничтожившую смертную казнь, Петра III, закрывшего тайную канцелярию, Екатерину II, ограничившую пытку (II, 523), и, конечно же, Егора Александровича Наумова:

Наумов! и тебя в их хоры
Велела Милость поместить (II, 523).

Ко вторым поэт относит «победителя вселенной» — Петра Александровича Румянцева, чья «дивная пирамида», то есть памятник, воздвигнутый в его честь[70], со временем должна исчезнуть. «Одою в честь Наумова» поэт хотел сказать, что «такие монументы милосердия угоднее Богу, чем те пышные памятники, которые удовлетворяют только людской гордости <…>» (II, 521). Собственно к созданию своего «Монумента» «человеколюбивому подвигу» (III, 695) Державина побудило разрешение Александра I выставлять на время панихид конвой у могилы Румянцева, оплачиваемый его родственниками[71].

В стихотворении «Слава» (1810) следующий эпиграф:

---

[70] В 1799 году в Петербурге на Марсовом поле был установлен памятник П.А. Румянцеву, представляющий собой черную стелу с надписью «Румянцева победам». Сейчас он находится в Румянцевском сквере на Университетской набережной.

[71] См. подробнее: Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 2. С. 520 – 521.

«День дню отрыгает глагол, и нощь нощи возвещает разум»[72].

Как и в рукописной копии, эта фраза в издании 1816 года написана без указания на источник. Его уточняет Грот, вновь самостоятельно подписывая: «(псал. 18, 3)» (III, 47).

«Толкования на псалмы» святителя Афанасия Великого дают такую трактовку 18 псалма[73]: «Настоящий псалом содержит в себе первоначальное учение, предлагаемое язычникам от лица Апостолов; потому и говорится, что и небо, и солнце, и прочие стихии, у язычников почитавшиеся великими богами, песнословят Творца своего»[74]. О третьей строке святитель Афанасий пишет: «День и ночь, <…> чинно и стройно уготовляют течение друг другу, и самым делом проповедуют Создателя своего». Поэт размышляет о судьбах земных царей, подразумевая под ними Наполеона и Александра, относящихся к разным типам правителей[75]. Первый, «в надменье» мечтающий Богом «быть в себе», — тиран и «убийца народов», прославленный беззаконием, повергнутыми престолами, храмами и городами. Это гнусная, мнимая слава. Второй, «хранящий строги нравы», — «отец семейств, законодатель», не помышляет о славе, а строит храмы, заботится о подданных. По Державину, «Бессмертная, прямая слава / Есть цепь цветущих вечно благ» (III, 47). В финале стихотворения поэт «песнословит» именно такого царя, признающего одного истинного Бога:

Так, доблесть токмо превосходна

---

[72] Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 5. СПб., 1816. С. 67.

[73] Афанасий Великий (ок. 298 – 373) – один из греческих отцов церкви, принадлежавший к александрийской школе патристики; архиепископ Александрийский, энергично отстаивавший догмат о единстве естества Бога Отца и Сына и названный поэтому отцом православия.

[74] Афанасий Великий, святитель. Творения: в 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 157.

[75] Об отношении Державина к Александру I и Наполеону и об отражении политических взглядов поэта в его произведениях см.: Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 65 – 70.

Должна поправде славной быть:
Благотворителя народна
Долг сердцем и устами чтить.
Се солнце Творческой державы
Вещает силу, бездн сквозь тму:
«Бог благ, – один Он Царь есть Славы,
И все поклонятся Ему». (III, 50)

Среди произведений религиозного характера эпиграфом открывается духовная ода «Идолопоклонство» (1810):

«Аз есмь Господь Бог твой, да не будут Тебе Бози ини…»[76].

В писарской копии карандашом вычеркнуты последние слова первой заповеди: «разве меня»[77]. Как нам кажется, это ошибка переписчика, который механически мог написать всю заповедь целиком, а затем вычеркнуть лишнее. Эпиграф отражает авторскую позицию, вступая в полемические отношения с заглавием: Державин изначально заявляет, что «нигде, ни в ком себе кумира / И не творил и не творю». Поэт даже «в хижине безвестной» был бы доволен своей долей. Перечисляя все, что «сочли за Бога мы!»: роскошь, красоту, злато, славу, он призывает:

Бесчисленны суть наши страсти,
Крамольники мы вышней власти.
О Росс! беги сей тмы. (III, 55)

С эпиграфа начинается еще одно произведение 1810 года – «К молодому Злобину»:

«Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? Еванг<елие>»[78].

Возможно, что эпиграф в первоначальном замысле отсутствовал: в рукописи он вписан Державиным с подписью

---

[76] Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 5. С. 55.

[77] В русском переводе заповедь полностью звучит так: «Я Господь Бог твой, да не будет у тебя никаких других богов, кроме Меня».

[78] ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 10, л. 42 об.

«Еванг.». Здесь же и название стихотворения обрело свой окончательный вид: сверху вписано слово «молодому». Подобные поправки наводят на мысль, что это не был пропуск переписчика, а действительная доработка автора. Грот, впервые публикуя это стихотворение, традиционно отредактировал его источник: «Матф., 16. 26» (III, 445).

Державин был знаком с Константином Васильевичем Злобиным, сыном миллионера-откупщика В.А. Злобина, по работе в министерстве юстиции (см.: III, 446). Константин Васильевич увлекался литературой, опубликовал несколько своих стихотворений. Державин, видимо, чувствовавший в молодом человеке борьбу двух совершенно разных стремлений, написал о нем: «Поэт душой, купец породой, — / Двояк в себе с твоей свободой» (III, 447). Строка из «Евангелия от Матфея» предупреждает державинского героя о том, что богатство и плотские наслаждения губят душу: «Какая польза человеку, если мир весь приобретет, душе же своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Евангелие от Матфея. Гл. 16, ст. 26). Чтобы душа не стала мертвой, автор послания советует молодому Злобину отдать себя поэзии, а не торговле:

Достаток нужный и спокойство
Удержишь век свой при себе,
Скажи тогда, на что решишься?
Души ли, злата ль отщетишься?

Решись, оставь свое разгласье:
Сомненья к благу не ведут.
Нет! Гении когда и счастье,
Сложась, тебе дары дают,
Дерзай: будь чудо-феникс в мире!
Не игрывал Мидас на лире (III, 448).

В писарской копии рукописного сборника «Сочинения Державина. Часть VI» есть эпиграф, который был вычеркнут, как нам кажется, все-таки Державиным. Это строки из

Евангелия от Луки (гл. 12, ст. 9), предполагавшиеся в качестве эпиграфа для стихотворения «Истина» (1810):

«Аще кто мене отвержется пред человеки и аз отвергнуся его пред Ангелами Божиими»[79].

В русском переводе строка звучит так: «А отвергнувший Меня пред людьми, будет отвергнут пред ангелами Божиими». В публикации стихотворения 1811 года была оставлена первая часть фразы[80], а уже в 1816 году Державин отказывается от нее окончательно.

Поэт заявляет, что от советов Истины не отступит нигде, он ее «провозвестник, друг, поборник» (III, 66). Державин объявляет Истину своим Богом и в финале обращается к ней с просьбой: «Как к тебе на суд явлюся, / Не отвратися от меня» (III, 67). Слова эпиграфа в этом контексте должны персонифицированно восприниматься как идущие от Истины. Однако это слова знаменитой проповеди Иисуса перед фарисеями и своими учениками. Одной из причин, побудивших Державина отказаться от эпиграфа, могло стать это смещение акцента, это «несоответствие» истине.

Эпиграф появляется и в одном из последних крупных произведений поэта, в «самом значительном из духовных стихов Державина»[81] позднего периода – поэме «Христос» (1814):

«Никтоже приидет ко Отцу, токмо мною. Иоан. гл. 14, ст. 6»[82].

В примечаниях к этому произведению, составленных поэтом и состоящих только из ссылок на библейские источники, под № 55 Державин снова воспроизводит приведенную выше строку из Евангелия от Иоанна[83],

---

[79] ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 10, л. 53 об.

[80] «Аще кто отвержется мене пред человеки…». Сочинения и переводы, издаваемые Российскою Академиею. 1811. Ч.V. С. 160.

[81] Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. С. 83.

[82] Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 5. С. 8.

[83] Полный вариант 6-й строки 14-й главы: «Аз есмь путь, и истина, и живот: никто же приидет ко Отцу, токмо Мною».

поскольку ей соответствуют следующие строки поэмы «Христос»:

Так, без Него никто к Отцу
Его приближиться не может.
Без Сына дверь наград к венцу
Таинственную не проторжет (III, 203)

Поэт, осмысливая в этой духовной оде фигуру Иисуса, дважды обращается к одной фразе, растолковывает ее, тем самым фиксируя мысль о том, что к Богу можно придти, только постигнув Иисуса. Это можно назвать основополагающим моментом в размышлении Державина о значении Христа в формировании основ нравственности. В заключении указывается на сокровенность процесса постижения Спасителя:

Христа нашедши, все находим,
Эдем свой за собою водим,
И храм Его – святы сердца (III, 207).

Л.Ф. Луцевич назвала Державина одним из «наиболее последовательных православных поэтов XVIII века»[84]. В поэме «Христос» как нигде прослеживается сконцентрированность на символике и образах православной веры. Библейские эпиграфы у Державина предваряют не только произведения религиозного характера, но и оды, посвященные почившим: Е. А. Наумову и И.И. Бецкому, напоминая об их заслугах, и оды, посвященные здравствующим: императорам Наполеону и Александру I, коллежскому советнику К.В. Злобину.

Эпиграф появился в творчестве Г. Р. Державина в 1790 году, что было связано с продолжением традиций панегирической военной оды. Постепенно он становится

[84] Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 443.

более частым спутником его стихотворений и сборников сочинений: среди выявленных тринадцати случаев употребления эпиграфа семь приходится на последнее десятилетие жизни поэта, из которых четыре – на 1810 год. Конечно, это связано с развитием все большего интереса к эпиграфу в русской литературе. Отметим, что Державин подхватывал многие новые веяния, связанные с употреблением эпиграфа (эпиграф к собранию сочинений, использование собственных строк в качестве эпиграфа), а также продолжал традиции предшественников (эпиграфы к отдельным изданиям стихотворений). Среди авторов цитат дважды встречается имя М.В. Ломоносова, дважды – имена античных классиков (переводные эпиграфы из Тацита и Плиния), семь являются строками из христианских книг. В трех эпиграфах, посвященных русским монархам, представлен своеобразный взгляд на историю России конца XVIII – начала XIX столетия. По сохранившимся рукописным источникам мы можем судить о том, как трепетно относился Державин к эпиграфам. Особо выделим тот факт, что только у него есть к ним рисунки. Державин, как показали наблюдения, значительно чаще, чем другие поэты XVIII столетия, употреблял эпиграф в качестве структурного компонента произведения.

С.Д. Дзюбанов

Родственное окружение Е.Я. Бастидон (первой супруги Г.Р. Державина)

Романтическую историю знакомства с будущей супругой Екатериной Яковлевной Бастидон Г.Р. Державин изложил в своих записках[85]. Впервые Гаврила Романович увидел свою избранницу 30 августа 1777 года, наблюдая из окна за крестным ходом в память святого Александра Невского. Вскоре, при содействии П.И. Кириллова, управлявшего тогда Ассигнационным банком, он познакомился с интересовавшим его семейством.

Побывав в гостях у Бастидонов, Державин заключил, что они «простые и небогатые, но честные и благочестивые и хороших нравов и поведения», а Екатерина Яковлевна «не по одному прелестному виду, но и по здравому рассуждению ему понравилась, а более еще и тем, что сидела за работою и не была ни минуты праздною, как другие ее сестры[86] непрестанно говорят и хохочут, кого-либо пересуживают, желая показать остроту свою и уменье жить в большом свете»[87]. На следующий день Кириллов сделал от имени Державина предложение Бастидон. После того, как положительную характеристику Державину дал И.В. Яворский (общий знакомый Гаврилы Романовича и Бастидон), согласие на брак было получено.

После помолвки Державин вместе с будущей тещей был представлен Павлу Петровичу. Наследник престола «ласково наедине принял в кабинете мать и зятя, обещав хорошее приданое, как скоро в силах будет»[88].

---

[85] См.: Державин Г.Р. Записки. Полный текст. 1743 – 1812. М., 2000. С. 83 – 86.

[86] Под словом «сестры» Державин подразумевает здесь молодых девушек вообще.

[87] Державин Г.Р. Записки. С. 85.

[88] Там же. С. 86.

Венчались в церкви Вознесения господня, что в Адмиралтейских слободах (в приходской церкви невесты). В метрической книге в разделе о бракосочетавшихся за апрель 1778 года была сделана запись: «Сенатского экзекутора Гаврил Романов <сын> Державин умершего придворного камердинера Якова Леонтьева <сына> Бастидона с дочерью девицей Екатериной Яковлевой 22 апреля. Поручители: сенатский обер-прокурор Иван Гаврилов <сын> Резанов. Генерал-майор Перфилов»[89].

Поручителем по жениху был его непосредственный начальник Резанов, а по невесте – Степан Васильевич Перфильев (1734 – 1793), в 1764 – 65 годах состоявший при цесаревиче Павле.

Отец Екатерины Яковлевны Яков Бенедикт Бастидон, португалец по происхождению, прибыл в Россию из Голштинии с великим князем, будущим императором Петром III, и поступил в придворное ведомство. 14 декабря 1748 года он был утвержден в должности придворного камердинера. Бастидон служил в Москве, затем был переведен в Санкт-Петербург. 13 августа 1754 года «Ея Императорское Величество изволила указать именным Своего Императорского Величества указом камердинеру Своего Императорского Величества Якову Бенедикту Бастидону дать обывательскую квартиру от полицмейстерской канцелярии, как он и в Москве таковую ж обывательскую квартиру имел»[90].

За тот же год сохранился счет придворного ведомства, в котором упоминался Бастидон: «Камердинеру Бастидону за сделанные парички 1754 года июня с 8-го по 9-е число декабря уплачено 53 рубля»[91].

---

[89] Так в документе. ЦГИА СПб, ф.19, оп.11, д. 84, л. 127 об. Метрическая книга церкви Вознесения Господня за 1778 год.

[90] РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 88, л. 207. Высочайший указ по придворному ведомству.

[91] Грот Я.К. Жизнь Державина. Т. 1 – 2. СПб, 1880 – 1883. Т. 2. С. 89 – 90.

В списке придворных чинов и служителей 1756 года о Бастидоне сделана следующая запись: «Яков Бенедикт Бастидон. Оклад 400 руб пожалован по именному за подписанием Ея Императорского Величества собственныя руки указу, данному каморцалмейстерской конторе 1748 декабря 14 дня, с жалованьем по 250 руб, а февраля 21 дня 1753 года по именному за подписанием Ея Императорского Величества собственныя руки указу, данному той же конторе, учинена прибавка 150 руб»[92].

14 ноября 1757 г. Бастидон женился на кормилице Павла Петровича Матрене Дмитриевне. Для жениха это был первый брак, для невесты – второй. Свадьба состоялась при дворе.

«Ея Императорское Величество именным Своего Императорского величества указом изволила указать для свадьбы камердинера Якова Бастидона с кормилицею Его Императорского Высочества Великого князя Павла Петровича, которая будет при дворе Ея Императорского Величества сего ноября 14 дня, и для оной свадьбы столовые припасы питье, канфекты и прочее на оное 14-е число при дворе Ея Императорского Величества на тридцать персон употреблять. Да в дом его, Бастидона, на оное 14-е число на брауцкамеру канфекты и питье, також на другой день кушанье и питье и канфекты, отпустить от двора Ея Императорского Величества по рассмотрению придворной конторы. Того ради придворная контора во исполнение оного Ея Императорского величества именного указа приказали к отпуску для помянутой свадьбы столовым припасам наряд на первой день на тритцать персон ко употреблению при дворе Ея Императорского Величества на средней кухне , а на другой день в дом оного Бастидона метердотелю Ягану Фуксу, також о конфектах кондитеру Фейзеру, а о питье обер-муншенку господину Гастееву, також о убирании столов тафельдекарям, а о столах и стульях и ливрейных служителях дежурным гоф-фурьерам и протчим, кому надлежит объявить, чтоб ни в чем остановки быть не могло»[93].

---

[92] РГИА, ф. 469, оп. 14, д. 5, л. 12 – 13.

[93] РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 93, л. 56 – 57.

В свадебном торжестве принимала участие и сама Елизавета Петровна: «Маршалов свадьбы, форшнейдера и шаферов, также и балдахинов над столом не было (невеста венчалась вторым браком); стол продолжался без музыки. Императрица танцевала, когда после стола новобрачные выведены в галерею»[94].

У четы Бастидонов было трое детей: Елизавета, Екатерина и Александр. В 1758 году родилась первая дочь Елизавета, которая умерла 5 января 1759 года. В то время семья жила в приходе церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, что на Моховой улице. В апреле и августе того же года Бастидон был восприемником при крещении в этой церкви:

«24 апреля. У дьячка Ивана Алекс. Тамаринского сын Яков. Восприемники: придворный камердинер Яков Леонтьев Бастидон и придворного музыканта Стефана Нижевича жена Агафья Васильева.

24 августа. Санкт-Петербургского купца Ивана Тимофеева Седельникова дочь Наталья. Восприемники: придворный камердинер Яков Леонтьев, придворного камердинера Александра Иванова Дебресана жена Анна Матвеева»[95].

Из этих документов можно сделать вывод, что Яков Леонтьевич Бастидон уже к 1759 году перешел в православие. Для этого, как известно, католикам или лютеранам достаточно было пройти обряд миропомазания.

В 1760 году Бастидон был восприемником при крещении в церкви Семеновского полка: «Тайной канцелярии подканцеляриста Петра Серебрякова дочь Анна родилась 30 октября и крещена 4 ноября. Восприемники: Ея Императорского Величества камердинер Яков Бастидон, да тайной канцелярии секретаря Степана Шишковского жена Елена Петровна»[96]. Что связывало Бастидона со служителем

---

[94] Грот Я.К. Жизнь Державина. Т. 2. С. 91.

[95] ЦГИА СПб, Ф. 19, оп. 111, д. 46 ч. 1, л. 382 – 389. Метрическая книга церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы за 1758 год.

[96] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 48, л. 114 об. Метрическая книга церкви лейб-гвардии Семеновского полка за 1760 год.

тайной канцелярии? Во всяком случае, не соседство, так как церковь не была приходской для Якова Леонтьевича. Заметим, что к кругу знакомств Бастидона принадлежал упоминавшийся выше П.И. Кириллов, который был коротко знаком с Яковом Леонтьевичем и называл его своим другом[97].

Вторая дочь, Екатерина, родилась у Бастидонов 8 ноября 1760 года, а ее брат Александр 28 июня 1762 года. По-видимому, их крестили в церкви Спаса Нерукотворного, что при Зимнем дворце, по которой метрические книги за эти годы не сохранились.

Вплоть до дворцового переворота 1762 года Бастидон был любимым камердинером императора Петра III. Он был также и самым высокооплачиваемым камердинером при дворе с окладом 400 рублей в год, тогда как прочие камердинеры получали по 200-300 рублей. После переворота Бастидон обратился к императрице с прошением об отставке от должности:

«В службе при дворе камердинером 16-й год. А ныне по слабости здоровья просит увольнения от двора и за службу его, и за восприятие веры греческого исповедания об определении в Москву в собственную вотчинную контору на место полковника Свешникова с таким же рангом и жалованьем, а на том месте по смерти оного Свешникова никого поныне не имеется»[98].

Бастидон был отправлен в отставку с полным окладом по 400 руб. ему и его жене, а также награжден чином полковника (в 1764 году Матрена Дмитриевна упоминалась, как жена полковника). Одновременно с четой Бастидонов в отставку с окладом 50 руб. была отправлена Ефросинья Емельяновна (род. около 1721 года), служившая с 10 декабря 1748 года в должности придворной карлицы. Впоследствии она долгие годы жила в доме М.Д. Бастидон и неоднократно упоминалась в державинской переписке. Яков Леонтьевич

---

[97] См.: Державин Г.Р. Записки. С. 84.

[98] РГИА, ф. 466, оп.1, д. 106, л. 17.

Бастидон умер около 1765 года. В исповедной росписи 1766 года М.Д. Бастидон, которая проживала тогда с детьми в своем деревянном доме на Садовой в приходе церкви Вознесения господня, уже названа вдовой[99].

Из какой семьи происходила Матрена Дмитриевна? Кто был ее первым мужем? Ответы на эти вопросы, заданные еще Я.К. Гротом[100], до последнего времени не удавалось получить. Как оказалось, отец Матрены Дмитриевны Дмитрий Алексеевич Чеканаев был солдатом. В конце 1720-х годов он был уволен от военной службы и переведен в штат служителей Царского Села, которое было тогда вотчиной цесаревны Елизаветы Петровны и относилось к Копорскому уезду Санкт-Петербургской губернии. В реестре служителей 1724 года Чеканаев отсутствует, а в реестре служителей, которым нужны мундиры, составленном тогдашним управителем Царского Села Федором Марковым 23 августа 1729 года, в числе прочих присутствует и солдат Дмитрий Чеканаев[101]. Год его рождения можно приблизительно установить по исповедной росписи за 1737 год царскосельской церкви Знамения Пресвятой Богородицы:

«Дмитрий Алексеев Чеканаев 56 лет, жена его финской нации Магрита Кириллова 40 лет. Дети: Василий 10 лет, Ефрем 8, Иоаким 1, Мария 13, Ирина 7, Анна 3, Матрона 2»[102].

Из документа можно сделать вывод, что Дмитрий Алексеевич родился около 1681 года. Этот год приблизительно соответствует и исповедным росписям последующих лет, за исключением последних лет жизни Чеканаева, когда он был уже в преклонном возрасте. Жена Дмитрия Алексеевича Маргарита (Магрита, Магрета)

---

[99] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 191, л. 889.

[100] См.: Грот Я.К. Жизнь Державина. Т. II. С. 90.

[101] РГИА, ф. 487, оп. 1, д. 271, л. 2.

[102] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 2, л. 138. Исповедная роспись Знаменской церкви Царского Села за 1737 год.

Кирилловна была на 16 лет моложе (род. около 1697 года). В исповедные росписи за более поздние годы Чеканаева не вносилась, или указывалось, что она «финской нации, лютеранского закону» без указания имени и возраста.

В 1734 году Дмитрий Алексеевич записан караульным солдатом в Царском Селе с денежным окладом 7 руб. 20 коп. в год и с хлебным по 6 четвертей ржаной муки (всего около 344 кг) и 3 четверика круп (21,5 кг)[103]. Существенным подспорьем для семьи было дополнительное хлебное жалованье – 2 четверти ржаной муки жене Чеканаева.

«Указ нашей вотчинной канцелярии.

Обретающимся при дворе нашем в Селе Царском солдатам Дмитрию Чеканаеву, Федору Закусееву и Григорью Соколову повелеваем к определенному им ныне хлебному жалованью прибавить еще женам их муки ржаной по две четверти каждой на год не в образец другим. Понеже означенные их жены в Царском Селе в саду полют и в палатах пол моют. И на сей 1734 год и впредь повсегодно выдавать им, записывая в расход с распискою. Дан в Санкт-Петербурге августа 2 дня 1734 года. Елизавета»[104].

Супруга Чеканаева, как финка-лютеранка, ходила на исповедь в лютеранскую кирху, которая, по-видимому, находилась на мызе графа Скавронского[105]. По лютеранским приходам за то время не сохранилось ни метрических книг, ни исповедных росписей. В ведомостях на выдачу хлебного жалованья она обычно указывалась как солдатская жена, без упоминания фамилии мужа, исключение – февральская ведомость 1739 года, по которой «солдатской жене Дмитрия Чеканаева Магрете Кирилловой» выдавалось хлебное жалованье за сентябрьскую треть 1738 года. В реестре

[103] РГИА, ф. 466, оп. 1 (36/1629), д. 25, л. 83 об.

[104] РГИА, ф. 466, оп. 1 (36/1629), д. 25, л. 116.

[105] Сохранилось письмо пастору Славянской кирхи Андреасу Цетреусу о женитьбе крестьянина ведомства Царского Села Петера Иоганова в 1739 году (РГИА, ф. 487, оп. 11, д. 23, л. 284).

служителей Царского Села 1744 года она записана как солдатская жена «Маргрета, она же Матрена Кириллова»[106].

В те годы (до воцарения на российском престоле Елизаветы) штат дворцовых служителей Царского Села был немногочисленным, и Чеканаеву приходилось выполнять поручения, которые едва ли можно было отнести к обязанностям караульного солдата. Так например, когда появился след в деле об украденных в феврале 1735 года деньгах и вещах кабатчика Тита Степанова из кабачка, принадлежащего купчине Ивану Куленину, сыскная в составе Чеканаева и счетчика Терентия Лазарева была направлена 27 октября того же года в Новославянскую слободу, откуда они доставили в приказную избу Царского Села крестьянина Василия Гаврилова для допроса. По результатам допроса сыскная с Чеканаевым снаряжалась туда же для доставки новых свидетелей и подозреваемых 17 и 18 ноября, 2, 5 и 10 декабря. 12 декабря Чеканаеву был поручен обыск крестьян Новославянской слободы, который он исполнил, при этом часть похищенного была обнаружена. Перед каждой поездкой Дмитрию Алексеевичу выдавался письменный приказ: «Память солдату Дмитрию Чеканаеву, счетчику Терентию Лазареву. Ехать вам вотчины Ея Высочества благоверной государыни цесаревны Елизаветы Петровны ведомства оного Села Царского в Новославянскую слободу 12 декабря 1735…»[107].

В мае 1736 года Чеканаеву было поручено освидетельствовать место для постройки мельницы:

«Память солдату Дмитрию Чеканаеву.

Сего мая 1736 году в поданном в селе Царском вотчинного правления в приказной избу Пулковской слободы крестьянина Герасима Соколова прошении написано: осмотрел де он, Соколов, в вотчине Ея Высочества ведомства Села Царского под деревнею Рысь под кабачком на речке Славянке местечко, на котором удобно построить мельницу с одним поставом, и чтоб ему указом Ея

[106] РГИА, ф. 487, оп. 21, д. 124, л. 149.

[107] РГИА, ф. 487, оп. 11, д. 23, л. 420.

Высочества повелено было на показанном местечке построить мельницу, а ко оной мельнице велеть ныне определить земли для всякого мельничного способу на двести сажен. И тебе, солдату Дмитрию Чеканаеву, по получении сей памяти идти на вышеписанное показанное местечко и, пришед, взять с собою того места ближних деревень крестьян, сколько человек пристойно, и оную, требованную показанным просителем во владение землю, освидетельствовать: оная земля Ея ли Высочества, или при том живущих крестьян, сенные ли покосы, или пахотная земля. Потом, учиняя при посторонних людях подлинное свидетельство, подать вотчинного правления в приказную избу письменное известие немедля.

Мая дня 1736 года.
Управитель
Андрей
Удолов»[108].

Подобные документы, казалось бы, неопровержимо свидетельствуют о грамотности Чеканаева, однако не удалось обнаружить ни одного его подлинного автографа. Даже в ведомостях на выдачу денежного и хлебного окладов, вместо Дмитрия Алексеевича, по его просьбе расписывались другие люди. Так, например, в получении жалованья в 1745 года по третям за него расписывались служитель Федор Алексеевич Саблуков и копиист Григорий Муравьев[109].

В 1743 – 1744 годах управитель Андрей Удолов составлял реестры с кратким указанием обязанностей служителей Царского Села. Относительно Чеканаева он сделал следующие записи:

«Дмитрий Чеканаев у наряду у понуждения маймистов к отправлению конных и пеших казенных работ. <…>. Солдат Дмитрий Чеканаев бывает в посылках у понуждения конных и пеших маймистов и принуждения для платежа оброчных денег»[110].

---

[108] РГИА, ф. 487, оп. 2, д. 218, л. 1 – 2.
[109] РГИА, ф. 487, оп. 17, д. 1, л. 253, 302, 332.
[110] РГИА, ф. 487, оп. 21, д. 124, л. 191, 285 об.

Кто такие упомянутые в документе маймисты? По данным переписи 1732 года в Копорском, Шлиссельбургском и Ямбургском уездах около 17 % составляли русские «переведенцы», около 10% «старожилы русские, которых деды и отцы в Ингерманландии жили до шведского владения», 24% ижоры. Это было православное население. Лютеране (около 38%) были представлены главным образом ингерманландскими финнами и латышами[111]. Местные угро-финны в те годы русским языком почти не владели и на задаваемые им вопросы нередко отвечали: «ma ei mȯista», что на слух воспринималось, как «маймиста», а в переводе на русский язык означало: «я не понимаю». По-видимому, поэтому их в народе прозвали маймистами, некоторое время это название было официальным и употреблялось в документах. Среди маймистов выделялись две основные группы: эвремейсет и савакот. В окрестностях Царского села, по-видимому, жили преимущественно представители группы савакот (выходцы из финской провинции Саво-Карьяла). В документах Царскосельского архива ижоры не упоминались, выделялись только русские, маймисты (иногда их называли также чухонцами), латыши и новокрещеные персияне.

Нам пока неизвестно откуда был родом Чеканаев. Обычно в те годы солдаты, увольняемые с военной службы, направлялись для жительства в ту вотчину, из которой их набирали в рекруты, или в другую вотчину того же владельца. Так, например, капрал Петр Второв, служивший в Царском Селе после отставки от военной службы, был взят в рекруты из Мытищ, подмосковной вотчины Елизаветы Петровны[112].

Специфика обязанностей Чеканаева требовала хорошего знания местного диалекта финского языка. Трудно предположить, что солдат, призванный, например, из

---

[111] Выскочков Л.В. Об этническом составе сельского населения северо-запада России // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 113 – 131.

[112] РГИА, ф. 487, оп. 11, д. 23, л. 56.

подмосковной вотчины, оказавшись в Царском Селе, в короткие сроки освоил трудный для изучения финский язык. Вероятнее всего, он был изначально местным жителем, тем же маймистом. В православную веру Чеканаев мог перейти во время службы в армии, тогда же мог и получить фамилию (далеко не все царскосельские жители в те годы имели фамильные прозвания). В пользу версии о местном происхождении говорит и его женитьба. В 1720-е годы, когда женился Чеканаев, браки русских с маймистами были еще редкостью, вероятно, не столько из-за различия вероисповеданий, сколько из-за языкового барьера. Чеканаев был единственным православным служителем Царского Села, женатым на финке-лютеранке.

В сентябре 1743 года Чеканаеву увеличили денежное жалованье, одновременно уменьшив хлебное, и пожаловали мундир истопника:

«Ея Императорское величество самодержица всероссийская всемилостивейшая государыня по поданному от собственной Ея Императорского Величества вотчинной канцелярии докладу именным своего императорского величества указом сего сентября 1 дня изустно соизволила указать обретающимся в селе Царском гарнизонным солдатам четырем человекам да прежде имеющемуся одному производить годового жалованья а именно Тарасу Сысоеву против солдата ж Ивана Еремеева денег по пятнадцати рублев, муки по шести четвертей, круп по два четверика, Трофиму Милешеву, Филату Истомину, Семену Клементьеву, да прежнему Дмитрию Чеканаеву денег по десяти рублев хлебного: муки по три четверти, круп по полтора четверика. Из оных Истомина и Клементьева из полку выключить. А быть им в том селе Царском для подлежащих служб. Им же всем солдатам, Еремееву и Сысоеву, шести человекам, да обретающемуся в том же селе служителю Илье Урванову сделать мундиры зеленого сукна, каковы делаются придворным истопникам. И сей Ея Императорского величества именной указ в канцелярии записать в книгу. И во исполнение оного Ея Императорского величества именного указу оным солдатам с вышеписанными оклады написать в служительской список, а о выключке означенных солдат Истомина и Клементьева из полку- в государственную военную коллегию послать промеморию. А какие мундиры придворным

истопникам делаются, о том справеж взять у закройщика Филимона Афонасьева. Известие, что на дело означенным солдатам и служителю потребно сукна и прикладу и предложить немедленно. Сентября 2 дня 1743»[113].

Мы не располагаем, информацией о последних годах жизни Чеканаева. Престарелых, неспособных выполнять свои обязанности служителей полагалось от должности отставлять и выплачивать им жалованье, «а чтоб они праздны не были, употреблять их к той должности, к какой они желания свои объявили»[114]. Старики доживали свой век в семьях детей или в богадельне, имевшейся в Царском Селе. Богаделенные питались при богадельне и получали небольшое денежное жалованье, позволяя себе иногда даже некоторые излишества:

«Ея Императорское Величество известна, что в Царском Селе богаделенки ходят на кабаки и пьянствуют: того для вам, оным богаделенкам, объявить, чтоб таких поступок худых чинить не дерзали и от пьянства удерживались, а ежели кто из них в таком непостоянстве усмотрится, таких отрешать.

Марта 15 дня 1745»[115].

Чеканаева в богадельню не помещали. Относительно Маргариты Кирилловны мы не можем этого уверенно утверждать, но, по всей видимости, она также в богадельне не была, так как ее дочь Матрена Дмитриевна могла вполне ее содержать, после того, как стала кормилицей цесаревича Павла.

Дмитрий Алексеевич Чеканаев умер, по-видимому, около 1757 года. Он включен в исповедную роспись 1756 года, а в росписи 1757 года отсутствует[116].

---

[113] РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 64, л. 72.
[114] РГИА, ф. 487, оп. 16, д. 417, л. 4.
[115] РГИА, ф. 487, оп. 17, д. 1, л. 262.
[116] ЦГИА СПБ, ф. 19, оп. 112, д. 125, л.322 – 353; д. 140, л. 87 – 130.

В семье Чеканаевых было восемь детей. Мы располагаем крайне скудной информацией о некоторых из них. Точные даты их рождения и смерти нам неизвестны из-за существенных пробелов в метрических книгах церкви Царского Села. По всей видимости, тех из них, кто не упоминался в исповедных росписях, уже не было в живых. В 1720 – 1730 годы служительские сыновья, повзрослев, поступали учениками или подмастерьями к служителям или мастеровым Царского Села. Многие осваивали отцовские профессии. Так сын печника Григория Иванова (род. около 1677 года) Филипп (род. около 1700 года) также стал печником, он и его дети получили фамильное прозвание Печниковы. Сыновья кузнеца становились кузнецами, сыновья конюха, как правило, становились конюхами и т.д. Исключения, впрочем, были не так уж редки. Так например сын конюха Алексей Ермолаев просил в сентябре 1747 года перевести его «за малосильством из конюхов в конфетные ученики»[117] , а дети конюха Ивана Рассадина, помещенного в богадельню, Алексей и Афанасий в сентябре 1735 года просили перевести их в крестьяне на оброк в деревню Киска, относившуюся к ведомству Царского Села[118].

Дети служителей обучались грамоте при царскосельской церкви. В 1720 – 1730-е годы учились лишь немногие. А к середине 1740-х обучалось уже большинство служительских детей. В 1746 году было организовано некое подобие школы, и для учеников даже была введена школьная форма:

«В прошлом 1746 года апреля 28 дня по полученному от собственной вотчинной канцелярии указу велено обучающимся в Селе Царском служительским и других чинов малолетним детям российской грамоте устроить мундиры одинакого цвету против гарнизонной школы учеников на каждого в три года: шубу овчинную нагольную под крышкою сурового холста , шапку красную суконную с околышем черным и с исподом овчинным, круглое и шерстяное

[117] РГИА, ф. 487, оп. 17, д. 2, л. 78.
[118] РГИА, ф. 487, оп. 11, д. 23, л. 439.

цветное с кистью; да в год: галстук, две рубахи с портами, башмаков, пряжку и чулков по две пары»[119].

Из всех детей Чеканаева только одному Екиму Дмитриевичу довелось обучаться грамоте.

Дочери царскосельских служителей оставались, как правило, в Царском Селе. Они обычно выходили замуж за служителей или мастеровых, значительно реже за крестьян ведомства Села Царского.

Старшая дочь Чеканаевых Мария Дмитриевна родилась около 1725 года.

Она упоминалась в исповедной росписи 1739 года[120]. В исповедной росписи 1744 года отсутствует[121].

Ее брат Василий Дмитриевич родился около 1727 года. В ревизской сказке 1744 года указан возраст 17 лет[122]. В апреле 1745 года он состоял при шкипоре Федоре Ивановиче Томилине (1688 – 1748). Василий Дмитриевич получил тогда разовое пособие «для вспоможения служительских детей» в размере 50 коп. В получении денег вместо него расписался писчик Василий Бесов[123]. В 1753 году Чеканаев числился столярным учеником. В январе 1753 года он был поручителем по сестре Матрене Дмитриевне при ее венчании. Василий Дмитриевич упомянут в исповедной росписи 1756 года[124]. В исповедной росписи 1757 года он отсутствует.

Ефрем Дмитриевич Чеканаев родился около 1729 года. В 1744 году он был определен подмастерьем к царскосельскому стекольщику Гавриле Андреевичу Кирсантьеву (род. около 1680). В ревизской сказке 1744 года он записан как «оконнишник», возраст 15 лет[125]. В феврале

---

[119] РГИА, ф. 487, оп. 16, д. 417, л. 8.
[120] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 16, л. 798 об.
[121] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 59, л. 3.
[122] РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1482, л. 786 об.
[123] РГИА, ф. 487, оп. 17, д. 1, л. 295.
[124] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 125, л. 235 об.
[125] РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1482, л. 787.

1745 года Ефрем Дмитриевич требовал выдать положенное ему жалованье:

«Обретающийся в оном селе Царском при оконишнике Гавриле Кирсантьеве в оконишной науке ученик солдатский сын Ефрем Чеканаев требует о выдаче определенного ему от оной вотчинной канцелярии жалованья денежного на сентябрьскую 1744, хлебного на январскую сего 1745 трети того ради, чтоб из оной вотчинной канцелярии повелено было оному Чеканаеву показанное жалованье выдать, чтоб он не претерпел в том нужды.

Февраля 5 дня 1745 года»[126].

В 1745 году в получении жалованья за него расписался копиист Григорий Муравьев[127]. Ефрем Дмитриевич умер 27 июня 1750 года. К тому времени ему исполнился 21 год[128].

Ирина Дмитриевна Чеканаева родилась около 1730 года. Упомянута в исповедной росписи 1748 года[129]. В исповедной росписи 1749 года она отсутствует[130].

Анна Дмитриевна Чеканаева родилась около 1733 года. Упомянута как девка в исповедной росписи 1749 года. В 1751 году Анна Дмитриевна вышла замуж за царскосельского кузнеца Дмитрия Яковлевича Липняговского (род. в 1727), сына кузнеца Якова Михайловича Липняговского (род. около 1669) и Екатерины Панкратьевны (род. около 1703). 2 октября 1752 года у них родился сын Яков, который был крещен 8 октября:

«Царскосельского кузнеца Дмитрия Липняговского сын Яков. Восприемники: слесарь Иван Ермолаев и солдата Дмитрия Чеканаева дочь девка Матрона»[131].

---

[126] РГИА, ф. 487, оп. 17, д. 1, л. 257.
[127] РГИА, ф. 487, оп. 17, д. 1, л. 256.
[128] ЦГИА СПБ, ф. 19, оп. 124, д. 373, л. 275.
[129] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 75, л. 302.
[130] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 87, л. 269 об.
[131] ЦГИА СПБ, ф. 19, оп. 124, д. 374, л. 264 об.

1 февраля 1755 года у Липняговских родилась дочь, которая была крещена 2 февраля:

«Царского Села кузнеца Дмитрия Липняговского дочь Анна. Восприемники: слесарного дела подмастерье Иван Ермолаев и кузнеца Михайлы Липнягова жена Марья Кондратьевна»[132].

Анна Липняговская, по-видимому, умерла во младенчестве.

В исповедной росписи по Царскому Селу 1763 года Анна Дмитриевна упомянута с мужем, сыном Яковом и дочерью Татьяной 1 года[133]. В 1800 году она упомянута в исповедной росписи Входоиерусалимской церкви, что у Лигова канала в Санкт-Петербурге, вместе с сестрой Матреной Дмитриевной Бастидон[134]. Сообщенные генеалогом П.Н. Петровым Я.К. Гроту сведения об Анне Дмитриевне[135] не точны, они относятся не к 1788 году, как указано в публикации, а к 1800 или 1801 году.

Яким (Еким, Иоаким) Дмитриевич Чеканаев родился 7 сентября 1736 года. Крещен 9 сентября:

«Села Царского у солдата Дмитрия Алексеева сын Иоанн. Крестил священник Козьма <Васильев>. Кто восприемники: того ж Села Царского ткач Михайла Анисимов с ткачевой Петровой женою Иванова сына Родивилова[136] Агафьею Федоровой дочерью»[137].

В метрической книге была допущена ошибка (возможно, при переписывании книги с церковного экземпляра в консисторский), вместо Иоанн должно быть Иоаким. В исповедной росписи 1737 года Иоаким указан с возрастом 1 год, а Иоанн отсутствует. Дата рождения

---

[132] ЦГИА СПБ, ф. 19, оп. 124, д. 375, л. 1.

[133] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 174, л. 11 об.

[134] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 469 ч.1, л.457 об.

[135] См.: Грот Я.К. Жизнь Державина. СПб, 1883. Т. 2. С. 90 – 91.

[136] Петр Иванович Родивилов (род. около 1687 года) и Михаил Анисимов (род. около 1704 года) состояли «у ткания салфеток и скатертей».

[137] ЦГИА СПб, Ф. 19, оп. 124, д. 561, л. 324 об.

соответствует последующим исповедным росписям, в которых упоминался Яким (Иоаким), а также реестру служительских детей, составленному в июле 1745года[138]. Кроме того, именно 9 сентября, в день крещения ребенка, православной церковью отмечается память святого Иоакима, благочестивого родителя Пресвятой Богородицы.

В сентябре 1747 года Якиму, вместе с другими малолетними сыновьями служителей Царского Села, обучающимися российской грамоте, было назначено хлебное жалованье: муки по 2, круп по 1/8 четверика[139]. После обучения с 1756 года Яким Дмитриевич был служителем в Царском Селе. 31 октября 1760 года Чеканаев был определен придворным лакеем с жалованьем 30 руб. в год[140]. В 1765 году он был произведен в камер-лакеи по ходатайству цесаревича Павла. «14 сентября после ужина просил его высочество Никиту Ивановича Панина о произведении в камер-лакеи брата кормилицы его Якима Чеканаева»[141].

В 1774 году Яким Дмитриевич был уволен от придворной службы по именному высочайшему указу:

«Ея императорское величество именным своего Императорского величества указом соизволила высочайше указать камер-лакея Якима Чеканаева по прошению его из службы от двора Ея Императорского Величества уволить с награждением за долговременную ево службу чином придворного мунтшенка. Того ради, во исполнение оного Ея Императорского Величества имянного указа, придворная контора приказали означенного пожалованного мунтшенка Якима Чеканаева привесть к присяге и дать ему Чеканаеву от придворной конторы надлежащий паспорт и имя его из придворного списку выключить, о чем для ведома и о отобрании, что есть у него казенного от статс-ливрей и прочего, камер-фурьеру Герасиму Крашенинникову <…> дать ордер. А о взыскании с него,

[138] РГИА, ф. 487, оп. 17, д. 1, л. 346.

[139] РГИА, ф. 487, оп. 17, д. 2, л. 100.

[140] РГИА, ф. 469, оп. 14. д.5, л.93 – 94.

[141] Порошин С.А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб, 1882. С. 429.

Чеканаева, в силе указов 1727 и 1746 годов, за повышение чина с годового ныне получаемого им жалованья окладу на лазарет за месяц, також за печатные пошлины с накладными и за гербовую бумагу денег, справясь, что надлежит, комиссару Илье Кизьякову дать указ.

Генваря 25 дня 1774
года»[142].

Позднее Яким Дмитриевич служил экзекутором в коммерц-коллегии, еще до того, как ее возглавил Державин, с 1785 года служил в Санкт-Петербургском надворном суде судьей 3-го, затем 2-го департамента. В чин надворного советника был произведен 31 декабря 1791 года[143]. В 1794 году Яким Дмитриевич присутствовал на похоронах своей племянницы Екатерины Яковлевны Державиной[144]. В 1796 году служил в должности асессора верхнего надворного суда в Санкт-Петербурге. О семье Якима Дмитриевича мы пока не располагаем сведениями, но, вероятно, что Катерина Чеканаева, написавшая в 1817 году письмо Д.А.Державиной (см. приложение 2), была его женой или дочерью.

Младший сын Чеканаевых Александр Дмитриевич родился около 1739 года. Упоминался в исповедных росписях 1744 и 1745 годов, а также в реестре служительских детей, составленном в июле 1745года[145]. В исповедной росписи 1746 года он отсутствует[146].

Младшая дочь Чеканаевых Матрена Дмитриевна родилась в 1734 году.

8 октября 1852 года она была восприемницей при крещении племянника Якова Дмитриевича Липняговского. 31 января 1753 года Матрена Дмитриевна вышла замуж за царскосельского мастерового Матвея Исааковича.

---

[142] РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 135, л. 6.

[143] Список, находящимся в статской службе чинам на 1795 г. СПб, 1795. С. 139.

[144] ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 37, л. 44 об.

[145] РГИА, ф. 487, оп. 17, д. 1, л. 346.

[146] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 59, л. 556 об.

Поручителем по ней при венчании был брат Матрены Дмитриевны Василий:

«Царского села оконничного дела ученик отрок Матвей Исаков того ж Царского Села отставного солдата Дмитрия Чеканаева с дочерью его девкой Матреной. Кто поруками подписались: того ж села служитель Алексей<Дмитриевич> Гомановский, столярный ученик Василий Чеканаев»[147].

Отец Матвея Исааковича, царскосельский нарядчик Исаак Андреевич, упоминался в реестре служителей еще в 1716 году[148]. Он был включен в реестр служителей 1742 года[149]. В ревизской сказке 1744 года Исаак Андреевич указан умершим, там же перечислены его сыновья: Матвей 14 лет, Густав 9 лет, Адам 6 лет и Карл 4 лет[150]. Из этого документа следует, что Матвей Исаакович родился около 1730 года. Исаак Андреевич и его семья были лютеранами и, скорее всего, маймистами, как и большинство лютеран Царского Села. В июле 1745 года сыновья Исаака Андреевича были включены в реестр служительских детей:

«Бывшего нарядчика Исаака Андреева дети: Матвей 12 лет, обучается оконнишному мастерству, до определения жалованья выдается провиант; Густав 10 лет; Адам 7 лет»[151].

Если основываться на этом документе, то получается, что Матвей Исаакович родился во второй половине 1732 или в первой половине 1733 года. Матвей Исаакович обучался ремеслу стекольщика вместе с братом Матрены Дмитриевны Ефремом у царскосельского стекольщика Гаврилы Андреевича Кирсантьева. Грамотой он, по-видимому, не владел, поэтому в получении жалованья в

---

[147] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 120, д. 157, л. 6 об.
[148] РГИА, ф. 487, оп. 1, д. 9, л. 2.
[149] РГИА, ф. 487, оп. 21, д. 121, л. 63.
[150] РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1482, л. 785.
[151] РГИА, ф. 487, оп. 17, д. 1, л. 357.

1745 году вместо него расписывался персиянин Василий Иванов[152].

24 мая 1753 года в Царском Селе Матрена Дмитриевна была восприемницей при крещении дочери слесаря:

«22 мая родилась и 24 мая крещена слесаря Софрона Иванова[153] дочь Федосья. Восприемники были: садовник Трифон Ильин и оконничного дела ученика Матвея Исакова жена Матрона Дмитриева»[154].

20 июля 1754 года у Матвея Исааковича и Матрены Дмитриевны родилась дочь, которую крестили 27 июля:

«Оконенного ученика Матвея Федорова дочь Анна. Восприемниками были: лепного дела ученик Григорий Макаров и придворного канцеляриста Ивана Софронова жена Евдокия Силина»[155].

Нет сомнений в том, что речь в записи идет именно о дочери Матвея Исааковича, поскольку в Царском Селе не было другого женатого подмастерья стекольщика, не было и второго по имени Матвей. Почему же в метрической книге указан Матвей Федоров, а не Матвей Исаков, как в других документах? Можно предположить только две возможности: во-первых, в записи могла быть ошибка, а во-вторых, что более вероятно, Федоров – это фамильное прозвание Матвея Исааковича, которое редко использовалось.

20 сентября 1754 года родился цесаревич Павел Петрович, и кормилицей к нему была назначена Матрена Дмитриевна, которая к тому времени ровно 2 месяца кормила грудью свою дочь Анну. Анна Матвеевна умерла,

---

[152] РГИА, ф. 487, оп. 17, д. 1, л. 256.

[153] Слесарного дела ученик отрок Софрон Иванов венчался в Царском Селе 20 января 1752 года с дворцовой прачкой Татьяной Ильиной (ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 124, д. 374, л. 265).

[154] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 120, д. 157, л. 3.

[155] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 573, л. 7.

по-видимому, в младенчестве. В исповедной росписи 1762 года она не значилась[156].

Матвей Исаакович Федоров(?) умер, очевидно, до ноября 1757 года. Едва ли Матрена Дмитриевна выходила замуж за Бастидона, будучи разведенной, а не вдовой, так как разводы в те годы были очень редки.

Мы не знаем, как долго Матрена Дмитриевна кормила грудью Павла, но доподлинно известно, что и после прекращения кормления она продолжала бывать у цесаревича. В дневниковых записях состоявшего при Павле С.А. Порошина за 1765 год читаем: «27 марта. Кормилица приходила»[157].

Императрица Елизавета Петровна сразу после рождения Павла отобрала его у Екатерины. С детства лишенный материнской ласки Павел, по-видимому, привязался к кормилице, которая, вероятно, в какой-то мере заменяла ему родную мать. Упомянутое выше назначение Якима Чеканаева камер-лакеем состоялось именно потому, что Павел хотел сделать приятное своей кормилице. В 1764 году Бастидон озаботилась определением на учебу своего малолетнего сына Александра. И снова на помощь пришел цесаревич: «10 октября 1764 года. Воскресенье. <…> После стола просил его высочество графа Ивана Григорьевича <Чернышева>и потом его превосходительство Никиту Ивановича <Панина> весьма усильно и прилежно, чтоб для сына кормилицы его, коему пять лет от роду[158], сделать какое-нибудь счастье, определить его во флот или в иное какое место. Его превосходительство Никита Иванович обещал доложить ее величеству, чтоб указано было оного мальчика определить в Морской кадетский корпус, хотя он и

---

[156] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 167, Л. 795 об.

[157] Порошин С.А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича // Русский архив.1869. Кн.. I. С. 7.

[158] Александру Бастидону было тогда только два года. Матрена Дмитриевна, по-видимому, полагала, что чем раньше ее сына запишут в службу, тем лучше.

не дворянин[159], однако во уважение того, что мать его была кормилица его высочества. Мы все весьма радовались, приметя таковые в государе великом князе чувствия благодарности»[160].

У Екатерины II Матрена Дмитриевна была на дурном счету. Императрица говорила о ней А.В. Храповицкому: «Она самая негодница и доходила до кнута. Но так оставлено за то только, что была кормилицей великого князя», говорила также, что Матрена Дмитриевна «злобна и ни к чему не годна». По мнению Екатерины Бастидон дурно влияла на Г.Р. Державина, который «принимает все прошения о деньгах, готов принять миллион, это работа его тещи»[161].Такие отзывы императрицы были вряд ли справедливы. Согласимся с мнением Я.К. Грота: « Прекрасные свойства Катерины Яковлевны дают нам право усомниться, чтобы мать такой благочестивой девушки была лишена всяких достоинств»[162]. С душевной теплотой и благодарностью относилась к Матрене Дмитриевне мать Павла Юрьевича Львова (1770 – 1825) Софья Ивановна, урожденная княжна Ухтомская[163], что легко усмотреть из ее письма Бастидон от 2 мая 1788 года из Москвы (см. приложение 1 к настоящей статье).

Матрену Дмитриевну нередко приглашали крестить детей, что тоже является свидетельством уважения и доброго отношения к ней окружающих.

Вот несколько примеров крестин, когда Бастидон была восприемницей:

---

[159] Я.Л. Бастидон в 1764 году был в обер-офицерском чине, что давало право на потомственное дворянство. По-видимому, он не успел к тому времени оформить надлежащие документы. Не исключено, что сложности были связаны с тем, что чин был получен им не на действительной службе, а при отставке.

[160] Порошин С.А. Записки. С. 57 – 58.

[161] Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота: в IX т. СПб, 1864 – 1883. Т. VI. С. 633.

[162] Грот Я.К. Жизнь Державина. Т. 1. С. 244.

[163] См.: Рындин И.Ж. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2010. Т. 10. Вып. 5. С. 99.

1764 год. Сергиевская церковь.

«24 апреля. У шпалерной мануфактуры комиссара Михаила Петровича Баженина сын Петр. Восприемники были: действительный статский советник и Императорской шпалерной мануфактуры директор Александр Иванович Дебресан и при дворе полковника Якова Бастидонова жена Матрена Дмитревна»[164].

1769 год. Вознесенская церковь.

«2 июля. Кабинетского секретаря Ивана Федорова Севастьянова дочь Надежда. Восприемники были оного секретаря сын Николай Иванов, бывшего камердинера Якова Бастидонова жена вдова Матрена Дмитриевна»[165].

1778 год. Вознесенская церковь.

«7 мая. Его высочества кормилицы Матрены Дмитриевны Бастидонши у служителя Никиты Флорова сын Федор. Восприемники были Преображенского полку капитан-поручик Петр Петров и оная Бастидонша»[166].

1797 год. Церковь Преображенского полка.

«11 июня. Отставного придворного гребца Андрея Иванова сын Петр. Восприемники были Петропавловского собора священник Алексей Иванов и Его Императорского величества кормилица Матрена дочь Дмитриева Бастидонша»[167].

В 1785 году в Вознесенской церкви Бастидон участвовала в обряде крещения вместе с зятем:

«20 декабря. Коллежского советника Василия <Степановича>Голохвастова дочь Анастасия. Восприемники: статский действительный советник Гаврила Державин, Его

[164] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 56, л. 367.
[165] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 66, л.194.
[166] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 84, л.112.
[167] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 122, л.76.

Императорского Высочества Павла Петровича кормилица Матрена Дмитриева Бастидонша»[168].

Павел I не забыл о своей кормилице и после того, как в 1796 году стал императором, он пожаловал ей имение с 200 душами крепостных крестьян. Но, будучи занятым государственными делами, Павел не проследил за тем, чтобы Бастидон назначили конкретное имение. Напомнить об этом взялся Г.Р. Державин, который в то время уже был женат вторым браком на Дарье Алексеевне, но не забывал о матери своей первой жены. Он решил действовать через князя А.Б. Куракина:

«Милостивый государь мой, князь Алексей Борисович!
Матери покойной жены моей вдове Бастидоновой Его Императорское Величество соизволил пожаловать деревню. Она желает иметь означенную в прилагаемой при сем записке. Я хотел с покорнейшей моею просьбою лично оную вручить вашему сиятельству, но вы заняты делами и я швейцаром не принят[169]. В рассуждении чего, чтоб не упустить время, решился сим утрудить вас письмом. Пребывая впрочем с истинным почтением и таковой же преданностию вашего сиятельства милостивого государя моего покорнейший слуга Гавриил Державин.

2 января 1797 года»[170].

В прилагаемой к письму записке содержались сведения о том, где конкретно хочет получить имение Бастидон:

«Его императорское величество всемилостивейше пожаловать соизволил вдове Матрене Бастидоновой 200 душ. Вследствие оного назначает она те души Санкт-Петербургской губернии в Софийском уезде в деревне Усть-Ижоре, в коей числится по ревизии около 200 душ, а в недостающее к тому число той же губернии в Лужском уезде в Смердовской дворцовой волости в деревне Пустошке 18 душ,

---

[168] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 769, л. 228.

[169] В документе эти слова подчеркнуты.

[170] РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 347, л. 249. Письмо написано рукой Державина.

на которые и покорнейше просит вашего сиятельства исходатайствовать высочайший указ.

Вместо вдовы Бастидоновой по ее прошению невестка ее Марья Бастидонова руку приложила»[171].

Софийским тогда назывался Царскосельский уезд, Усть-Ижора находилась в окрестностях Царского села, неподалеку от Рыбной слободы, входившей в ведомство Царского Села. Если бы это назначение состоялось, могла сложиться любопытная ситуация. Часть местности, откуда Бастидон была родом, и где вполне могла быть ее крестьянская родня, стала бы ее владением, а жители - крепостными Матрены Дмитриевны. Но на это пожелание был получен отказ: «Деревни Усть-Ижоры по Софийскому уезду в числе дворцовых нет. Лугского уезда Смердовской отчины деревня Пустошка показана. В ней 18 душ»[172].

Окончательно за Бастидоншей было утверждено имение в Лужском уезде Петербургской губернии:

«Указ нашему Сенату.

Указом нашим в 21 день сего генваря всемилостивейше пожаловали мы вдове Бастидоновой в вечное потомственное владение двести душ, в число которых назначаем к отдаче Санкт-Петербургской губернии Лугского уезда дворцовой Вшельской волости в деревнях Теребуни и Малаховой, да в деревне Барановой 59 и Смердовской вотчины деревню Пустошка, в коих всего 207 душ с принадлежащими по дачам к оным селениям на число душ землями и угодьи. повелеваю Сенату нашему изготовить на сие имение положенную грамоту и представить к нашему подписанию.

Подписано 29 генваря 1797»[173].

В имении было около 1900 десятин земли. Погост Вшели, к которому относилось поместье Бастидонши, находился по левую сторону дороги Луга – Новгород

[171] Там же, л. 250.
[172] РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 347, л. 251 об.
[173] РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 347, л. 252.

поблизости от города Сольцы. В настоящее время это Солецкий район Новгородской области.

В архиве Державина есть несколько писем Бастидон, но все они написаны не ее рукой. Матрена Дмитриевна так и не освоила российскую грамоту. Письма, возможно, за нее писала бывшая придворная карлица Ефросинья Емельяновна, затем невестка Мария Бастидон, вероятно, что и кто-то из дворовых Бастидон был грамотным. 7 января 1802 года Матрена Дмитриевна составила завещание, которое вместо нее по ее просьбе подписал «за неумением грамоте» священник Входоиерусалимской церкви и духовный отец Бастидонши иерей Калистрат Иванов. 27 января того же года Калистрат Иванов допрашивался в духовной консистории о том, «в полном ли уме она в то время находилась», когда составляла завещание[174]. Матрена Дмитриевна умерла 17 января 1805 года. Бастидон прожила около 70 лет и пережила как своих детей, так и выкормленного ею Павла. Похоронена она на Волковом православном кладбище в Санкт-Петербурге[175].

О Екатерине Яковлевне Державиной опубликовано множество материалов. Подробные биографические сведения о ней можно найти в «Записках Державина», в труде о Г.Р. Державине Я.К. Грота[176], характеристики ей давали современники: Д.Б. Мертваго[177], И.И. Дмитриев[178], С.П. Жихарев[179]. Сведения о занятиях Екатерины Яковлевны изобразительным искусством содержатся в статье Н.П. Морозовой[180].

---

[174] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 4, д. 308, л. 1.

[175] Петербургский некрополь. Т. 1. С. 156.

[176] См.: Грот Я.К. Жизнь Державина. Т. 1. С. 241 – 246, 678 – 681; Т. 2. С. 165, 233.

[177] См.: Мертваго Д.Б. Записки (1760 – 1824). СПб, 2006. С. 224 – 225.

[178] См.: Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 61 – 63.

[179] См.: Жихарев С.П.Записки современника. М. – Л., 1955. С. 107.

[180] См.: Морозова Н.П. Из истории державинского быта // Г.Р.Державин и его время. СПб, 2009. Вып. 5. С. 67 – 79.

О ее брате Александре мы располагаем более скудными и отрывочными сведениями. Он поступил в Морской кадетский корпус в 1776 году. В 1780 году был произведен в гардемарины, а 1 мая 1782 года – в мичманы.

В 1782 – 84 годах на фрегате «Слава России» в составе эскадры вице-адмирала Чичагова Александр Яковлевич был в дальнем походе от Кронштадта до Ливорно и обратно. В начале 1786 года мичман Бастидон получил отпуск с помощью Державина[181]. Находясь в отпуске, он подал прошение об отставке и отправился к Державину в Тамбов. Отправляя сына из Петербурга, Бастидонша писала Державину 16 февраля 1786 года: «Александра Яковлевича поручаю в полную вашу власть и точно такую, какову я над ним имею. Вы с ним, как изволите, поступайте. И наставляйте его, чтоб он мог увидеть себя благополучным, и содержите его построже»[182].

У Александра Бастидона были серьезные проблемы с поведением, что вызывало серьезные опасения его матери, 30 марта того же года она писала Державину: «А что пишете об Алексаше, что вы довольны, то вы ему не верьте, а смотрите за ним покрепче, а то вас обманет, затем я довольно им обманута, но и по отъезде всего мне не сказал, а еще осталось на нем много долгу, которые меня, приходя, беспокоят»[183].

В письме от 19 октября того же года Бастидон вновь напоминала Державину о необходимости контролировать своего сына: «…я вам всегда и пишу, чтоб вы как можно держали построже Алексашу, как собаку, он достоин оного, когда он не заслужил себе ничего хорошего, а только старался меня всегда обманывать»[184].

В Тамбове Державину удалось пристроить Бастидона на должность: в 1788 году он был назначен стряпчим казенных

---

[181] 16 марта 1786 года в письме гр. И.Г. Чернышову Державин благодарил его за предоставление отпуска шурину.

[182] Державин Г.Р. Сочинения. Т. V. С. 420.

[183] Там же, С. 457.

[184] Там же, С. 603.

дел 2-го департамента Верхнего земского суда Тамбовского наместничества. Однако прослужил в Тамбове Бастидон недолго. Во время русско-шведской войны 1789 – 90 годов Александр Яковлевич на корабле «Америка» принимал участие в Красногорском и Выборгском сражениях. 5 ноября 1890 года Бастидон был пожалован в лейтенанты флота[185]. А.В. Суворов упоминал Бастидона в письме к Д.И. Хвостову в сентябре 1792 года: «Чудно мне, я не знал, что Бастидон – супруга Гавриила Романовича. Брат ее лейтенант в Вильманштранде был в драке. Спешит к следствию, к моему огорчению, бывши прежде под судом. Я его не видел»[186].

25 мая 1795 года лейтенант флота Александр Бастидон венчался в Петрозаводске с Марией Феофилактовной , дочерью титулярного советника Феофилакта Ивановича Петрова[187]. Мария Феофилактовна родилась около 1772 года. Ее отец Ф.И. Петров служил секретарем воеводы в Вытегре до 1776 года. С 1777 года он был секретарем верхней расправы в Петрозаводске[188]. В 1790 – 1793 годах Петров в чине титулярного советника служил заседателем 1 департамента верхнего земского суда[189].

После смерти Екатерины Яковлевны Державиной Александру Яковлевичу, как ее родному брату, полагалась в наследство значительная сумма, так как собственницей петербургского дома Г.Р. Державина формально была его жена. Державин договорился в 1794 году с Бастидоном, что причитающиеся ему деньги будет выплачивать постепенно.

Александр Яковлевич Бастидон умер 24 июля 1796 года. Обстоятельства его смерти нам известны из письма

---

[185] Общий Морской список. СПб, 1890. Часть III. С. 139.

[186] Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 238.

[187] НАРК, ф. 25, оп. 22, д. 4, л. 169 об. Автор выражает глубокую признательность Т. Мошиной (Петрозаводск) за любезное предоставление этих сведений.

[188] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1793. СПб, 1777. С. 241.

[189] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1793. СПб, 1793. С. 260.

Державина И.И. Дмитриеву от 5 августа 1796 года: «Другая неделя тому, как шурин мой Александр Яковлевич Бастидон, зашибши роспусками[190] весьма легко ногу, но в 24 часа, получив антонов огонь, скончался»[191]. Бастидон похоронен на Волковом православном кладбище рядом с матерью[192].

У Александра Яковлевича и Марии Феофилактовны была единственная дочь Екатерина (род. в 1796 году).

После смерти мужа Мария Феофилактовна проживала с дочерью в доме Бастидонши в приходе Входоиерусалимской церкви. В 1806 году она вышла замуж за Якова Андреевича Галинковского. Сохранилось разрешение на брак, выданное жениху, которое подписал А.Н. Оленин:

«Свидетельство

Служащему в канцелярии Государственного Совета по хозяйственной экспедиции господину коллежскому асессору Якову Андрееву сыну Галинковскому в том, что он действительно состоит по спискам той канцелярии холостым, а потому и может он по желанию его вступить в законный брак.

Июля 5 дня 1806 года»[193].

Яков Андреевич Галинковский, ставший в декабре 1811 года «непременным секретарем» «Беседы любителей русского слова»[194], – фигура, хорошо известная историкам русской литературы. Ему посвящено обстоятельное исследование Ю.М. Лотмана, опубликованное в 1959 году[195].

---

[190] Род повозки.

[191] Державин Г.Р. Сочинения. Т. VI. С. 54.

[192] Петербургский некрополь. Т. 1. С. 155.

[193] РГИА, ф. 1162, оп. 7, д. 209, л. 1.

[194] См.: Десницкий В.А. Из истории литературных обществ начала XIX века. 1. Журналы «Беседы любителей русского слова» // Десницкий В. Избранные статьи по русской литературе XVIII – XIX вв. М.; Л, 1958. С. 124, 129 – 130.

[195] Лотман Ю.М. Писатель, критик и переводчик Я.А. Галинковский // XVIII век. Сб . 4. М.; Л., 1959. С. 230 – 256; см. также: Лотман Ю.М. Галинковский Я.А. // Русские писатели 1807 – 1917. Биографический

Яков Андреевич родился 6 октября 1777 года. Он происходил из малороссийских дворян, был сыном Прилуцкого полкового писаря. В 1785 – 1787 годах учился в Киево-Могилянской академии, далее в пансионах в Прилуках и Переяславле, в благородном пансионе при Московском университете (1797) и затем в самом университете. Владел латинским, французским, английским и немецким языками.

Галинковский был зачислен с 13 лет в службу в лейб-гвардии Конный полк ефрейт-капралом (17 марта 1790 года). 15 апреля 1797 года его перевели в Кавалергардский полк. По расформировании полка был выпущен в Кирасирский гр. Салтыкова 2-го полк эстандарт-юнкером (9 ноября 1797 года), а по именному высочайшему повелению был отставлен на собственное пропитание с тем же чином 2 октября 1798 года.

22 марта 1799 года Галинковский поступил на службу в Межевую канцелярию, где был переименован в губернские регистраторы. 11 октября 1800 года он уволился и поступил на службу в главную Соляную контору, где 4 декабря того же года был произведен в городовые секретари. 5 августа 1801 года Галинковский поступил в канцелярию главного директора почт, в которой служил по 31 мая 1805 года. 18 сентября 1801 года Галинковский был произведен в коллежские секретари за отличие. 31 декабря 1804 года Высочайшим именным указом он был пожалован в коллежские асессоры. По высочайшему повелению 31 мая 1805 года Яков Андреевич был определен в канцелярию Государственного Совета на вакансию письмоводителя[196].

Галинковский познакомился с Г.Р. Державиным, вероятно, еще до 1806 года, а после женитьбы на Марии

словарь. Т. I. А – Г. М., 1989. С. 515 – 516; Лотман Ю.М. Галинковский Я.А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. (А – И). Л., 1988. С. 192 – 194.

[196] РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 7, л. 19 – 21.

Бастидон он стал принадлежать еще и к его родственному окружению.

В 1808 году освободилась вакансия смотрителя народных училищ Лужского уезда. Эта должность была весьма привлекательна для Галинковского. В Лужском уезде было только одно уездное училище в Луге, в котором обучалось 35 учеников, приходских училищ не было ни одного. Смотритель мог проживать в Петербурге и приезжать в Лугу раза два в год. За выполнение столь необременительных обязанностей полагалось жалованье 400 рублей в год. Но главным, что так привлекало в этой должности Галинковского, конечно же, было то, что появлялась возможность регулярно бывать в собственном имении, которое жена Галинковского и его падчерица получили в наследство от М.Д. Бастидон. Яков Андреевич мог присматривать за имением, а одновременно отдыхать от городской суеты и без помех заниматься литературным трудом. Но Галинковскому не хотелось лишаться должности в канцелярии Государственного Совета. Яков Андреевич подал прошение о назначении его смотрителем училищ с сохранением прежней должности (см. приложение 3). Ходатайство Галинковского было необычным: в качестве основного аргумента он выдвигал свои литературные заслуги. Но это прошение было вполне в духе времени, оно достигло желаемого результата: 13 июля 1808 года Яков Андреевич был утвержден в должности смотрителя училищ. Если изначально речь шла о двух поездках в Лугу в год, то в докладе И.А. Ведемейера императору уже о трех, а в прошении о предоставлении очередной отлучки Галинковский писал уже о четырех поездках в год:

«1808 13 июля последовало высочайшее соизволение на помещение меня в смотрители училища с сохранением места моего при канцелярии Г. Совета. О сем объявлено было в тоже время г. Министру просвещения через г. правителя оной канцелярии. Вследствие чего и выдаваны мне были паспорты на проезд на 28 дней каждый раз, и я имел позволение отлучаться 4 раза в год по

новой моей должности. Но с 1809 июля 4 дня не был я в Луге, почему ныне и желаю получить просимый мною отпуск»[197].

Летом 1811 года Галинковский не ограничился обычными 28 днями и просил продлить отпуск еще на 28 дней, причем отпускной паспорт просил прислать ему в город Сольцы, находившийся поблизости от имения:

«Объявитель сего служивший по бывшей канцелярии Г.Совета письмоводителем надв. сов. Галинковский, исправляющий дела по Г.Канцелярии и занимающий по высочайшему соизволению место смотрителя училищ Лужского уезда по должности сей отпущен в показанный уезд от нижеписанного числа впредь на 28 дней июня 26 дня 1811.

Подписал Статс-секретарь Оленин.

Об отпуске надв. сов. Галинковского вторично.

<…> по увольнении его от 26 июня в отпуск на 28 дней не успел он по должности смотрителя покончить всех дел в оный срок и что в училищном деле производятся ныне перестройки и починки, требующие личного его присутствия, почему и просит о продолжении ему отпуска еще на 28 дней впредь от 26 июля и о присылке оного к нему в Лугу или Сольцу, где он ныне пребывание имеет»[198].

Упомянутый список литературных трудов Галинковского, включенный им в текст прошения о назначении на должность смотрителя училищ, позволил установить, что Яков Андреевич в начале 1800-х годов перевел несколько пьес А. Коцебу, опубликованных без указания имени переводчика: «трогательную драму» «Недовольные мужья»[199], комедии «Вертопрах»[200], «Родственники»[201] и драму «Пожертвование собою»[202].

---

[197] РГИА, ф. 1162, оп. 7, д. 209, л. 15.

[198] РГИА, ф. 1162, оп. 7, д. 209, л. 18 – 19.

[199] Коцебу А. Недовольные мужья. Трогательная драма. Пер. с немецкого [Я.А. Галинковского]. Смоленск: При Губернском правлении, 1802. Посвящение переводчика «Любезному моему другу! Сестре С** М** Ю** в воспоминание» с датой и подписью: «Г*** Ноября 20 дня 1801 года». Подстрочные примечания частично подписаны «Перев. Г***».

В 1811 с момента основания общества «Беседа любителей русского слова» Галинковский «стал членом-соревнователем 2-го разряда, где председателем был Г.Р. Державин, и ему назначено было “делать извлечения из общего круга литературы”, а в 1812 году он становится секретарем общества»[203].

23 декабря 1811 года «за ревностную службу» Галинковский был награжден орденом св. Владимира 4 степени. В декабре 1812 года Яков Андреевич изъявил желание дополнительно к занимаемым должностям служить еще и в Провиантском департаменте. 15 декабря 1812 года Н. Лаба испрашивал согласие на это назначение у А.Н. Оленина. Согласие было получено, и 30 января 1813 года Галинковский был определен сверх занимаемых должностей в Провиантский департамент, где 7 марта 1813 года получил за отличие нашивки.

Яков Андреевич Галинковский скончался 18 июня 1815 года. А.Н. Оленин докладывал об этом императору:

«Всеподданнейшее донесение о смерти чиновника надворного советника Галинковского.

Служивший в Государственной Канцелярии в числе чиновников надворный советник Галинковский по воле божьей скончался сего июня 18 числа от простуды. О чем я долгом моим поставляю, как отправляющий должность государственного

---

[200] Коцебу А. Вертопрах. Комедия в трех действиях. Пер. с немецкого [Я.А. Галинковского]. Смоленск: При Губернском правлении, 1803. В 1812 году вышло второе издание этого перевода.

[201] Коцебу А. Родственники, Комедия в пяти действиях. Пер. с немецкого [Я.А. Галинковского]. М.: В тип. С. Селивановского, 1803. Повторно напечатана в 1825 году. Вошла в состав издания: Театр августа фон Коцебу. М., 1803. (Ч. 7. С. 1 – 131).

[202] Пожертвование собою, Драма в трех действиях. Пер. с немецкого [Я.А. Галинковского]. М.: В тип. С. Селивановского, 1803. Повторно напечатана в 1824 и 1825 году. Вошла в состав издания: Театр августа фон Коцебу. М., 1802. (Ч. 13. С. 139 – 251).

[203] Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 305.

секретаря, всеподданнейше Вашему императорскому Величеству донести»[204].

Яков Андреевич был похоронен на Волковом кладбище. Детей у Галинковского не было.

Вдова Галинковского Мария Феофилактовна получила свидетельство «для свободного жительства, где пожелает». В 1823 году она обратилась с прошением о назначении пенсиона:

«Его превосходиткельству исправляющему должность государственного секретаря тайному советнику и разных орденов кавалеру Алексею Николаевичу Оленину. От вдовы надворной советницы Марьи Галинковской.

Покорнейшее прошение.

Муж мой надворный советник и ордена св. Владимира 4 ст кавалер Галинковский, продолжая службу с 1790 года первоначально в Кавалергардском и Кирасирском полках, а потом по статской части в разных местах, принадлежащих ведомству Министерства юстиции, финансов, народного просвещения, военного, главного директора почт и преимущественно письмоводителем в канцелярии Государственного Совета скончался в 1815 году. В течение сего 25-ти летнего беспрерывного деятельного и отличного служения его, о котором могут свидетельствовать начальства, неусыпные труды, сопряженные с отправлением им в одно и то же время с 1808 двух, а с 1813 трех особых должностей при других ученых его занятиях переводами и собственными сочинениями, изданными в свет, преждевременно ослабили его здоровье и ускорили его смерть.

Поражена будучи сею потерей я в терпеливом молчании переносила горестную мою участь дотоле, пока имела способы к безнуждному себя содержанию и не дерзала взывать о милости. Но с продолжением времени, возвысившего цены на жизненные потребности, способы сии истощились, и обстоятельства заставили меня испытывать самые уже нужды со всеми тяготными их последствиями.

В сем затруднительном положении осмеливаюсь ныне прибегнуть к Вашему превосходительству со всенижайшей просьбою о исходатайствовании мне в уважение заслуг мужа моего,

[204] РГИА, ф. 1162, оп. 7, д. 209, л. 22.

окончившего жизнь на службе в канцелярии Государственного Совета всемилостивейшего от монарших щедрот пенсиона.

Вдова надворная
советница
Марья
Глинковская.
Февраля 1823
года.
Жительство имею Московской части 1 квартала в
доме»[205].

В апреле 1839 года Галинковская составила завещание (см. приложение 4), по которому имение в Лужском уезде предназначалось ее внуку Аполлону Федоровичу Сеславину. По-видимому, она считала своего внука человеком легкомысленным, поэтому в декабре того же года сделала к завещанию дополнение, которым запрещала наследнику продавать имение до достижения 30-ти летнего возраста.

Мария Феофилактовна Галинковская умерла 6 января 1842 года. Похоронена на Волковом кладбище.

Единственная дочь Марии Феофилактовны Екатерина унаследовала от Г.Р. Державина по его завещанию 9000 рублей. Эти деньги представляли собой невыплаченную Державиным часть долга ее отцу Александру Бастидону по их взаимным расчетам по наследству после Екатерины Яковлевны Державиной. По завещательному распоряжению Гаврилы Романовича его вторая жена Дарья Алексеевна указанную сумму должна была «заплатить в течение своей жизни или в наследство по себе оставить»[206]. Однако Дарья Алексеевна, выплатив часть суммы сразу, обязалась погасить долг в течение всего 3-х лет, причем с процентами. Это было оформлено распиской от 23 января 1817 года, по которой Державина будто бы взяла 7000 рублей в долг у Бастидон. На обороте расписки в 1818 и 1819 годах Екатерина Александровна расписалась в получении как Бастидон, а в феврале 1820 года - как подполковница

[205] РГИА, ф. 1162, оп. 7, д. 209, л. 25.
[206] Русский архив. 1911. Кн. 2. № 6. С. 208.

Екатерина Сеславина, урожденная Бастидон[207]. Следовательно, Екатерина Александровна вышла замуж около 1819 года. Ее мужем был Федор Никитич Сеславин, сын Ржевского городничего Никиты Степановича Сеславина (1756 – 1827), владевшего 56 душами крепостных в сельце Есемове Ржевского уезда Тверской губернии. Он родился около 1783 года, воспитывался во 2-м кадетском корпусе, откуда был выпущен в 9-й артиллерийский полк подпоручиком. В этом же полку, переименованном в Сибирскую артиллерийскую бригаду, Сеславин был произведен в чин поручика 12 апреля 1806 года. В 1807 году с 12 ноября по 6 декабря он принимал участие в боевых действиях против киргизов в Сибири. В 1811 году Федор Никитич был переведен в 1-ю резервную бригаду с производством в штабс-капитаны. Он участвовал в сражениях против французов в 1812 году: 19 – 20 июля при Клястицах(награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость»), 30 июля при д. Свально, 5 – 6 августа при Полоцке, 6 – 8 сентября при взятии штурмом Полоцка(награжден орденом св. Владимира 4 степени с бантом), 15 – 16 ноября при реке Березине(награжден чином капитана). В 1813 году Сеславин принимал участие в боевых действиях за пределами России: 27 апреля в Саксонии при г. Мильберге, в главном сражении при Бауцене (награжден орденом св. Анны 2 класса и прусским орденом «За заслуги»), 11 августа под Берлином (вторично награжден чином капитана и прусским орденом Красного орла), 25 августа при Деневице, 17 – 19 сентября при Виртемберге, 6 – 7 октября при Лейпциге (получил высочайшее благоволение). В сентябре 1813 года Сеславин был переведен в 21-ю бригаду, которая в октябре 1814 года была переименована в 9-ю. В 1814 году он участвовал в боевых действиях во Франции: 18 февраля при взятии крепости Соассон, 25 и 27 февраля при Лайоне, 20 марта при штурме крепости Компьеня и до окончания кампании при Париже.

[207] ОПИ ГИМ, ф. 281, оп. 2, д. 35, л. 38.

10 июня 1816 года Сеславин был уволен по прошению по болезни от военной службы подполковником с мундиром и состоял в отставке в течение 4-х лет. 1 мая 1820 года он был назначен присутствующим в гоф-интендантской конторе, а 20 июля того же года переименован в коллежские асессоры. 9 декабря того же года произведен в чин надворного советника[208]. В 1821 году у Федора Никитича и Екатерины Александровны родился сын Аполлон.

Во время пребывания в гоф-интендантской конторе Сеславин «должность исправлял с особым рвением»[209]. Но болезнь помешала ему продолжить службу. 17 июня 1823 года Федор Никитич был освидетельствован на предмет годности к службе по состоянию здоровья:

«Гоф-интендантской конторы советник г. надворный советник Сеславин, несколько уже лет страдая геморроидальными припадками и обструкциями внутренностей, впоследствии получил гипохондрию и впал в нервическую сухотку. От сих болезней хотя при долговременном нашем лечении и получал несколько раз облегчение, но ежедневные занятия в должностях усиливают оные, так что обезнадеживают его к скорейшему выздоровлению, а потому и службы Его Императорского Величества продолжать ныне не может. В чем и свидетельствуем:

Доктор медицины и хирург надворный
советник
Богдан
Ганн.
Штаб-лекарь статский советник и
кавалер
Петр
Чернивецкий»[210].

3 августа 1823 года Сеславин был уволен по прошению по болезни с обращением в пенсион полного жалованья.

Екатерина Александровна Сеславина умерла не позднее 1739 года. 30 октября 1839 года Федор Никитич с сыном

---

[208] РГИА, ф. 470, оп. 4, д. 32, л.12 – 15.
[209] РГИА, ф. 470, оп. 4, д. 133, л. 16.
[210] РГИА, ф. 470, оп. 4, д. 133, л. 10.

составили между собой раздельный акт, по которому разделили имение, оставшееся после смерти Екатерины Александровны в Лужском уезде. Федору Никитичу досталось 28, а его единственному сыну Аполлону 97 ревизских душ крестьян.

Федор Никитич Сеславин умер 27 апреля 1858 года. Похоронен на Волковом кладбище рядом с Я.А. Галинковским[211].

О сыне Сеславиных Аполлоне Федоровиче известно немного. 18 декабря 1829 года ржевский уездный предводитель дворянства выдал справку о том, что Аполлон – законный сын своего отца. В апреле 1830 года дворянское депутатское собрание Тверской губернии утвердило внесение его в дворянскую родословную книгу, о чем было выдано свидетельство[212].

В 1839 году Сеславин был юнкером Короля Прусского полка. В 1853 году он был уже отставным штабс-капитаном. После смерти отца Сеславина бывшее имение Бастидонши в Лужском уезде, разделенное было между несколькими владельцами, снова сосредоточилось в одних руках. За прошедшие полвека оно не только не уменьшилось, но даже заметно увеличилось за счет приобретений у соседей. В имении было около 300 ревизских душ и 2772 десятины земли. Как землевладелец в Лужском уезде, Сеславин хотел быть внесенным еще и в дворянскую родословную книгу Санкт-Петербургской губернии, о чем подал прошение 22 апреля 1854 года. Внесение в книгу позволило бы ему участвовать в дворянских собраниях уезда и в дворянских выборах. К своему прошению Сеславин не приложил никаких доказательств дворянского происхождения, но обещал представить документы в скором времени, однако слова своего не сдержал, и дело о его дворянстве было сдано

[211] Петербургский некрополь. Т. 4. С. 66.

[212] РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 22752, л. 56 – 58. Гербовое дело Сеславиных.

в архив в декабре 1860 года[213]. Помимо лужского имения Аполлону Федоровичу принадлежали сельцо Боково Московской губернии и небольшая часть сельца Есемово, Сеславино тож, Тверской губернии.

К моменту отмены крепостного права на имении Сеславина числился большой долг сохранной казне, были также и частные долги с недоимками по ним и недоимки по податям. Стараясь выжать из имения в Лужском уезде максимум возможного, Сеславин перевел крестьян на смешанную повинность: помимо выплаты оброка они должны были еще трудиться на барщине. Крестьяне соглашались платить оброк, но были категорически против барщины. К маю 1862 года они взбунтовались и полностью вышли из повиновения. Для усмирения крестьян в имение была направлена 7-я рота лейб-гвардии Литовского полка. По прибытии роты в Бараново крестьяне сразу пришли в повиновение.

Сеславин был женат на Евгении Петровне, за которой не получил никакого приданого. Детей у них не было. 8 марта 1866 года Евгения Петровна получила от мужа по купчей деревню Пустошка с пустошью Обла, в которых было 33 ревизских душ крестьян и 591 десятина земли[214]. Прекратив супружеские отношения с мужем и получив более половины его состояния, Евгения Петровна продолжала требовать с него деньги. 20 февраля 1868 года поверенный от Евгении Сеславиной Моисей Лейбович Аскназий подал исковое прошение в Санкт-Петербургский окружной суд, при котором представил расписку Сеславина на 10000 рублей, написанную в июле 1864 года. Сеславин в подтверждение того, что ничего не должен Евгении Петровне представил ее расписку:

«1865 октября 28 дня. Я, нижеподписавшаяся жена штабс-капитана Аполлона Федоровича Сеславина Евгения Петрова выдала настоящий квитанционный документ при

---

[213] ЦГИА СПб, ф. 536, оп. 6, д. 2394, л. 1. Дело о дворянстве Сеславина.

[214] РГИА, ф. 577, оп. 35, д. 741, л. 16 – 17.

нижеподписавшихся свидетелях мужу моему в том, что по случаю отлучки для излечения болезни на продолжительное время я по взаимному соглашению со своим мужем в видах обеспечения своего содержания и расходов на лечение получила от своего мужа на сей предмет часть движимого и недвижимого имущества всего на сумму двадцать тысяч рублей сер. Все могущие открываться долги мои я за получением означенной части должна брать на себя, равно как и долги мужа моего я принимать на себя ни в коем случае не должна. Так как я получила от мужа моего как выше уже сказано всего на сумму в двадцать тысяч рублей серебром, то я обязуюсь из собственно ему принадлежащего имения движимого или недвижимого до смерти его более не требовать»[215].

Сеславин не спешил составить выкупной договор с крестьянами, но 31 октября 1869 года мировой посредник 2-го участка Лужского уезда подверг имение обязательному выкупу за долг сохранной казне. [216]. По выкупному акту Сеславин оставил за собой 1097 десятин, в том числе 5 десятин относилось к усадьбе, пашни 155 десятин, 445 десятин покоса, леса 484 десятины, дорог и рек 6 десятин[217].

Аполлон Федорович Сеславин умер до 1888 года. 9 февраля 1888 г недоимка, числившаяся за Сеславиным по податям за дворовых крестьян в с. Сеславине, была удержана из выкупной ссуды по сельцу Боково. Ссуда предназначалась наследникам госпожи Вильдгрубе, которой Сеславин завещал свое недвижимое имение. Вильдгрубе тогда уже не было в живых, ее имуществом распоряжались опекуны Клейзер и Грегор[218].

Аполлон Сеславин был последним из потомков Якова Леонтьевича и Матрены Дмитриевны Бастидон, после его смерти эта линия пресеклась.

---

[215] Решения гражданского кассационного департамента 1869 – 1870. СПб, 1870. Т. 2. С. 1467.

[216] ЦГИА СПб, ф. 190, оп. 2, д. 289, л. 1 – 45.

[217] ЦГИА СПб, ф. 190, оп. 9, д. 716, л. 38.

[218] ЦГИА СПб, ф. 190, оп. 9, д. 716, л. 140.

Приложение

I

С.И. Львова – М.Д. Бастидон

«2 мая 1788 года. Москва.

Милостивая государыня моя Матрена Дмитриевна.

За все Ваши ласки и одолжения ко мне и к детям моим приношу мою благодарность. Матушка, я к вам 2 письма по приезде моем в Москву писала.

При сем посылаю двух мальчиков сыну моему Афанасию[219]. Покорно прошу, моя милая, приказать принять в Ваш дом их, и что при них есть, да 1 рубль денег, а ямщика принять на пищу им, покудова сын мой будет из Кронштадта для принятия их и принесет вам благодарность, а письмо покорно прошу, моя милая, не удержать вернейшее переслать к нему. Как скоро он получит письмо мое, так скоро и не умедлит быть для взятия от вас мальчиков . Впрочем остаюсь, свидетельствуя мое искреннее почтение вам, моя мать и милостивой государыне моей Афросинье Амельяновне[220], и прошу о содержании меня с детьми в вашей непременяности милостивые государыни. Благодарю и вас матушка Афросинья Амельяновна за ваши ласки ко мне и детям моим.

Милостивые государыни, покорная вам
Софья Львова.

На Николае[221] моем прошу не взыскать, милостивые государыни, что он не пишет к вам. Его у меня нет, а живет в университете. Покорно прошу мое почтение засвидетельствовать милостивые мои государыни

---

[219] Афанасий Юрьевич Львов (род. в 1771 году) заканчивал тогда Морской кадетский корпус.

[220] Бывшая придворная карлица.

[221] Николай Юрьевич Львов (род. в 1773 году).

милостивым государыням Анне Ивановне, Лизавете Алексеевне, Мавре Алексеевне, Максиму Дмитриевичу, Марье Андреевне, Осипу Ивановичу, Афанасию Ивановичу[222] и Катерине Яковлевне[223]»[224].

II

Катерина Чеканаева – Д.А. Державиной

«Ваше высокопревосходительство

Милостивая государыня, Дарья Алексеевна.

Почитая истинно и совершенно любя и помня благодеяние и милости почтенного моего благодетеля[225], посему поставляя долгом себе и удовольствие поздравить вас, милостивая государыня, со днем вашего рождения и наступающим днем ангела вашего, желаю искренне вам всякого благополучия и совершенного здоровья и множество лет, равно и с наступающим праздником святыя пасхи, желаю благополучно встретить и провести, надеюсь, что сии строки найдут вас еще в Петербурге. Впрочем, препоручая себя в ваше расположение, милостивая государыня, честь имею быть с истинным почитанием и совершенною преданностию вашего превосходительства покорная слуга Катерина Чеканаева

От 16 марта 1817 года.

Москва.

Не почтите в невежество, милостивая государыня, а покорнейше вас прошу доставить приложенную записочку, чем чувствительно обяжете»[226].

---

[222] Вероятно, Афанасий Иванович Усов, женатый на сестре С.И. Львовой Марии.

[223] Е.Я. Державина.

[224] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 1, д. 14041, л. 11.

[225] Подразумевается Г.Р. Державин.

[226] ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 288, л. 1.

III

Записка о службе и сочинениях к. асессора Галинковского

«К. асессор Галинковский в службу вступил из дворян в конную гвардию ефрейт-капралом 1790 года и, продолжая оную, поступил при императоре Павле 1797 года в кавалергарды, откуда, по уничтожении сего корпуса перешел с прочими в армию и, наконец, переменяя службу, принят секретарем к первому члену Межевой канцелярии его превосходительству Волчкову 1799 года. Происходил чинами постепенно; потом находился в Соляной конторе и из оной переведен в канцелярию главного директора почт 1801 августа 5. И того же года при коронации за отличие и ревностную службу высочайшим именным указом произведен в чин коллежского секретаря. Из Почтовой переведен в канцелярию Государственного Совета 31 мая 1805 года, а в настоящем чине к. асессора состоит с 31 декабря 1804. Женат, от роду ему 30 лет. Кроме жалованья доходов не имеет.

Учился сперва в Киевской академии, потом в Московском университетском пансионе и в самом университете.

Имея часто свободное время от должностей весьма маловажных и принятых им по случаю: от должностей, которые по худым его обстоятельствам, по неимению никакого покровительства и состояния совершенно не соответствовали его способностям, употребил он незанятые руки к обрабатыванию отечественной словесности и упражнялся до сего времени в разных переводах и сочинениях.

Из оных следующие изданы в свет и напечатаны:

I. Маленький роман под именем: Часы задумчивости, печатан в Москве, 1798 года, 1 том в 12-ю д[227].

II. Красоты Стерна, перевод с аглицкого[228], поднесенный государю императору в день коронации 1801 года с следующим, Его Величеством одобренным письмом:

«Подлинник сих Красот Стерна был поднесен Иосифу II Римскому императору как образец британской литературы. Я осмеливаюсь посвятить его человеколюбивой кроткой душе Вашего Императорского Величества как сокровище, достойное и другого ковчега Дариева, и другого Александра. Великий монарх! Не по изяществу дарований автора, которые были бы все еще маловажны, чтоб достигать высоты престола, но по чистоте сердца, благоговеющего к вам, примите сию малую жертву. Мои музы ни счастливы, ни богаты, но я не желаю сокровищ, а одного милостивого, благосклонного вашего взора».

III. Переводы из Коцебу:

1. Комедия Родственники[229].
2. Пожертвование самим собою[230].
3. Вертопрах[231].
4. Недовольные мужья. Драма[232].

---

[227] Галинковский Я.А. Часы задумчивости. Новый роман, изображающий мысли влюбленного человека, со всем энтузиазмом страсти и чувствительности. Ч. 1 – 2. М.: В Сенатской тип. у В. О., 1799.

[228] Стерн Л. Красоты Стерна, или Собрание лучших его патетических повестей и отличнейших замечаний на жизнь для чувствительных сердец. Пер. с английского [Я.А. Галинковского]. М.: Сенатск. тип., 1801.

[229] Коцебу А. Родственники, Комедия в пяти действиях. Пер. с немецкого [Я.А. Галинковского]. М.: В тип. С. Селивановского, 1803.

[230] Коцебу А. Пожертвование собою, Драма в трех действиях. Пер. с немецкого [Я.А. Галинковского]. М.: В тип. С. Селивановского, 1803.

[231] Коцебу А. Вертопрах. Комедия в трех действиях. Пер. с немецкого [Я.А. Галинковского]. Смоленск: При Губернском правлении, 1803.

[232] Коцебу А. Недовольные мужья. Трогательная драма. Пер. с немецкого [Я.А. Галинковского]. Смоленск: При Губернском правлении, 1802.

и проч. безделки, правленые им и переведенные для книгопродавцев.

IV. Корифей, или ключ литературы[233].

Издание периодическое в 12 томах, из коих 11 вышли в публику.

Печатан в СПб 1802 – 1807. В нем содержатся между прочими следующие ученые статьи:

I. Курс прозы: грамматика-логика-искусство ораторства, или о красноречии вообще[234].

2. Рассуждение об истории[235].

3. Номенклатура классических авторов для всех наук вообще[236].

4. Опыт истории наук и художеств[237].

5. Археология или познание изящности в древних художествах[238].

II. Курс стихотворства:

Трагедия – комедия – опера – драма и проч. роды[239].

---

[233] Корифей, или Ключ литературы. Ч. 1 – 3. Кн. 1 – 11. СПб: В тип. Шнора, 1802 – 1807.

[234] Галинковский Я.А. Курс прозы // Корифей, или Ключ литературы. 1804. Ч. 2. Кн. 8. С. 3 – 216.

[235] Галинковский Я.А. История // Там же. 1802. Ч. 1. Кн. 1. С. 47 – 186.

[236] Галинковский Я.А. Краткая энциклопедия или Номенклатура известнейших a) основателей и b) классических авторов для каждой науки, показанной в нашей Таблице// Там же. 1802. Ч. 1. Кн. 1. С. 204 – 208; 1803. Ч. 1. Кн. 2. С. 161 – 163; 1803. Ч. 1. Кн. 3. С. 141 – 150; 1803. Ч. 1. Кн. 4. С. 118 – 121; 1803. Ч. 1. Кн. 5. С. 96 – 102. Публикация не была завершена.

[237] Галинковский Я.А. Картина просвещения или Краткая история наук и художеств, новых веков // Там же. 1802. Ч. 1. Кн. 1. С.187 – 203; 1803. Ч. 1. Кн. 2. С. 145 – 160; 1803. Ч. 1. Кн. 3. С. 133 – 139; 1803. Ч. 1. Кн. 4. С. 121 – 128; 1803. Ч. 1. Кн. 5. С. 68 – 79.

[238] Галинковский Я.А. Археология словесности и художеств // Там же. 1805. Ч. 2. Кн. 9.

[239] Галинковский Я.А. Введение во всеобщую словесность // Там же. 1802. Ч. 1. Кн. 1. С. 17 – 20. О разделении словесности // Там же. 1802. Ч. 1. Кн. 1. С. 27 – 44. Опыт словесности // Там же. 1803. Ч. 1. Кн. 2. С. 3 – 28; 1803. Ч. 1. Кн. 3. С. 3 – 35. Трагедия // Там же. 1803. Ч. 1. Кн. 2. С. 31 – 145. Комедия // Там же. 1803. Ч. 1. Кн. 3. С. 36 – 126. Продолжение

III. Полный трактат об эпопее или Опыт о славнейших эпических творениях в 3-х томах[240].

Здесь рассматриваются со всею подробностию лучшие и славнейшие, древние и новые поэмы. Статьи Гомер и Вергилий составляют с приложениями 1-й том. Камуэнс и Тасс том 2-й. Мильтон 3-й.

Его Императорское Величество по прочтении программы сего издания, представленной докладчиком его превосходительством Трощинским, изволил повелеть печатать оное на счет Кабинета, а издателю при поднесении 1-й книжки всемилостивейшее пожалован перстень бриллиантовый. Но, как выданной из кабинета на сие издание суммы оказалось недостаточно, то 12-я книга, в коей помещено будет помянутого опыта окончание, до сего времени не вышла.

V. Тайная история нового фр. Двора[241]. Перевод с французского, с пополнениями, поправками, примечаниями и критикою переводчика на многие бывшие в прошедшую французскую кампанию весьма дурно переведенные политические отрывки, печатанные из корыстолюбия книгопродавцев. В 2-х томах. Печатана в С.П-бурге, 1806 г. в 8-ку в Императорс. Академич. Типографии.

VI. Утренник прекрасного пола или всегдашний дамский календарь[242]. Сочинение, содержащее сии отделения:

словесности: Опера // Там же. 1803. Ч. 1. Кн. 4. С. 100 – 117. Продолжение опыта словесности: Ода // Там же. 1803. Ч. 1. Кн. 5. С. 79 – 96. О стихотворстве вообще // Там же. 1803. Ч. 1. Кн. 6. С. 131 – 136.

[240] Галинковский Я.А. Эпопея//Там же. 1803. Ч. 1. Кн. 6. С. 143 – 156. Опыт о славнейших эпических стихотворцах: А. Древние // Там же. Ч. 2. Кн. 7. С. 3 – 296. Б. Новые // Там же. 1805. Ч. 2. Кн. 10. С. 3 – 232. Продолжение опыта об эпопее. Мильтон // Там же. 1807. Ч. 2. Кн. 11. С. 3 – 220. Публикация не завершена.

[241] Тайная история нового французского двора и любопытные анекдоты, относящиеся до Сент-Клудского кабинета в Париже. Ч.1 – 3. Пер. с французского [Я.А. Галинковского]. СПб.: при Академии наук, 1807.

[242] Галинковский Я.А. Утренник прекрасного пола. СПб.: Тип. Императорского театра, 1807. В одном из экземпляров этого издания,

1. Сочинения прозаические о славнейших женщинах[243] – повесть Сидония, взятая из Нового Русского Романа, сочиненного им же Г.[244].

2. Сочинения стихотворные: Послания Саффы и Фаона в стихах без рифм[245].

3. Хронологические любопытные познания и проч.[246].

Печатан 1807. 1 т. в 12 долю. Сочинение сие поднесено было Ея Величеству Государыне Императрице Елизавете Алексеевне, за которое сочинитель удостоился получить перстень.

Означенный Галинковский сверх сих сочинений имеет многие не изданные, как то:

1. Историческое исследование о древних нравах и просвещении предков наших[247].

2. Национальный русский роман под именем Глафира, или прекрасная валдайка в 10 ч. и пр[248].

Он просит о милостивом и начальническом воззрении на 18-ти летнюю службу его и сии труды в словесности; и по примеру многих ученых людей, так щедро Монархом

хранящемся в РНБ (шифр 18.231.1.14), имеется дарственная надпись: «Его превосходительству Петру Корнильевичу Сухтелену, почтеннейшему любителю наук, художеств и словесности в знак истинного почтения и преданности сей малый памятник трудов своих посвящает Сочинитель. В Санкт-Петербурге, Января 20 дня. 1808».

[243] Галинковский Я.А. Славные женщины // Там же. С. 1 – 36.

[244] Галинковский Я.А. Сидония или невинное вероломство, отрывок из нового Русского романа // Там же. С. 104 – 199.

[245] Галинковский Я.А. Памятник нежной Саффе, или Любовные письма ея и Фаона (называемые Героидами) в стихах // Там же. С. 37 – 103.

[246] Галинковский Я.А. Отделение II. Некоторые необходимые гражданские сведения // Там же. С. 191 – 229. Отделение III. Любопытные познания о счислении времени // Там же. С. 230 – 278.

[247] Это сочинение Галинковского, по-видимому, не было опубликовано.

[248] Отдельные письма из этого романа были опубликованы в журнале «Северный Меркурий» (СПб: [В.Ф. Вельяминов-Зернов], 1805. Кн. 1. С. 60 – 74). Отрывок из романа под названием «Сидония, или Невинное вероломство» впервые был опубликован в книге «Утренник прекрасного пола» (С.104 – 199).

награжденных, не оставить и его в забвении, исходатайствовав ему Высочайшее соизволение Государя Императора на занятие желаемой им вакансии уездного смотрителя училищ в Луге с сохранением нынешнего его жалованья и места»[249].

IV
Завещание М.Ф. Галинковской

«Во имя Пресвятой Троицы Отца и Сына и Святаго Духа аминь.

Помышляя о неизбежном часе смерти и призвав Всемогущего Творца в помощь, я, нижеподписавшаяся вдова надворная советница Мария Феофилактовна дочь по первому мужу Бастидонова, а по второму Голенковская , будучи в здравом уме, совершенном рассудке и полной памяти, желая при жизни своей распорядиться собственным моим благоприобретенным движимым и недвижимым имуществом, заблагорассудила постановить к непременному исполнению по смерти моей се мое духовное завещание в нижеследующем:

1.Святые иконы, три образа, один спасителя, другой Божьей матери, и третий Иоанна Крестителя в серебр ризах с вызолоченными венцами отдать в ту церковь, при которой предано будет бренное тело мое земле , животворящий крест с изображением на другой стороне Казанской божьей матери на круглой серебряной доске с серебряной цепочкой и образ божьей матери в серебряном окладе с жемчужной ризой внуку моему юнкеру Короля Прусского полка Аполлону Федоровичу Сеславину. Киоту красного дерева, домашнюю мебель, посуду и прочие мои вещи равно 6 серебряных столовых ложек, 6 серебр чайных и серебряную лампадку и ситечко чайное живущей при мне девице Надежде Исаевной

[249] РГИА, ф. 1162, оп. 7, д. 209, л. 6 – 9.

Неволиной – дочери умершего чиновника 14 класса, серебряные сахарницу и 2 солонки внуке моей – девице Ольге Тукмачевой дочери умершего надворного советника, серебряный ковшик в церковь десятинского девичьего монастыря что в Новгороде, перстень бриллиантовый солитер – внуку моему Аполлону Сеславину.

2. Деревни мои СПб губернии в Лужском уезде Малахово и Бараново с крестьянами сколько по последней ревизии значится со вновь рожденными обоего пола детьми, принадлежащими землями, пустошами, всеми угодьями и крестьянским имуществом завещаю в вечное и потомственное владение вышеупомянутому внуку моему Аполлону Сеславину с тем, чтобы он со вступление во владение сих деревень выдал из доходов с оных единовременно 2000 рублей родному моему племяннику майору Александру Андреевичу Лебедеву сроков в 2 года непременно, кроме того, обязан он, Сеславин, из доходов же завещанных ему деревень выдать ежегодно родной племяннице моей вдове надворной советнице Татьяне Петровой Тукмачевой по 200 рублей до смерти ея, а также по 100 рублей ассигнациями другой племяннице моей титулярной советнице Елизавете Андреевне Знаменской ежегодно по смерть ея.

3. В случае смерти (от чего Боже храни) внука моего Аполлона Сеславина, и если не будет от него законных наследников, то в таком разе завещанные ему Сеславину образ Божьей матери в жемчужной ризе отдать племяннице моей Татьяне Петровне Токмачевой, крест на круглой серебряной доске племяннику моему майору Александру Лебедеву, бриллиантовый перстень солитер племяннице моей Елизавете Знаменской. Деревни же с крестьянами, землями, пустошами в вечное потомственное владение: деревня Баранова племяннику моему майору Александру Андреевичу Лебедеву но с тою обязанностью, чтобы он со вступление во владение выдавал еще из доходов с оной сестре своей, а моей племяннице Елизавете Андреевне Знаменской ежегодно по 200 руб по день ее смерти, деревня

же Малахова племяннице моей Татьяне Петровне Тукмачевой также в вечное и потомственное владение.

4. Живущей при мне крепостной женщине Ирине Ивановой дать отпускную на волю.

5. Купленный мною в Новгороде деревянный дом в Софийской части с принадлежащею к нему землею и строением отдаю в вечное и потомственное владение отпущенному от меня на волю дворовому человеку Даниле Игнатьеву, которому и выдать имеющуюся у меня купчую крепость.

6. Когда постигнет воля божия и прекратится моя жизнь , то бренные остатки мои предать земле при церкви на Волковом кладбище, на что, а равно и на другие могущие быть издержки по этому завещанию употребить 2000 рублей имеющиеся в билете на положенные мною в Государственный заемный банк.

7. Волю сего духовного завещания предоставляю исполнить упрошенных мною и принявших сию христианскую обязанность гг действительных статских советников Алексею Сергеевичу Ахлопкову, Николаю Евстигнеевичу Тукмачеву и Григорию Ивановичу Кузьминскому.

8. Но если при жизни моей встретятся какие-либо непридвидимые обстоятельства и нужно будет сделать перемены в этом завещании, то предоставляю себе право, уничтожа оное сделать вновь по моему усмотрению. 1839 года апреля дня.

К сему духовному завещанию вдова надворная советница Мария Феофилактова дочь по второму мужу Голенковская руку приложила.

Что сие духовное завещание учинено самою завещательницею Мариею Феофилактовою Голенковскою в здравом разуме, в свежей памяти и по собственному желанию и собственною ея рукой подписано, в том свидетельствую отец ея духовный Благовещенской церкви, что на Васильевском острове старший священник и кавалер Иоан Васильев сын Долоцкий апреля 22 дня 1839 года. При

сем завещании свидетелем был и руку приложил статский советник Петр Евстигнеев сын Тукмачев разных орденов кавалер.

При сем завещании свидетелем был и руку приложил подполковник и кавалер Николай Павлов сын Чертов. Духовное завещание сие по просьбе надворной советницы Марии Феофилактовны Голенковской переписывал титулярный советник Михаил Завенейской. Вскрыто в присутствии гг. действительных статских советников Охлопкова, Тукмачева и Кузьминского

13-го января 1842 года».

Дополнительное завещание М.Ф. Галинковской

Во имя Пресвятой Троицы Отца и Сына и Святаго Духа аминь.

1839 года декабря дня нижеподписавшаяся вдова надворная советница Мария Феофилактовна дочь, по первому мужу Бастидонова, а по второму Голенковская, представила сего года мая 18 дня Императорского Воспитательного дома в Санкт-Петербургский Опекунский совет учиненное мною на случай смерти духовное завещание в распределение моего имения движимого и недвижимого после смерти моей поменованным в завещании лицам. Исполнение такового завещания упросила я г действительных статских советников Алексея Сергеевича Ахлопкова, Николая Евстигнеевича Тукмачева и Григория Ивановича Кузьминского. Рассудив ныне сделать некоторое дополнение ко второму пункту сего завещания, которым назначала я из недвижимого имения моего в Санкт-Петербургской губернии в Лужском уезде деревни Малахово и Бараново с крестьянами, сколько по последней ревизии числится, в вечное и потомственное владение внуку моему Аполлону Сеславину, служившему юнкером в полку Короля Прусского я желаю, чтобы сии завещанные деревни Малахово и Бараново с крестьянами, принадлежащими

землями и всеми угодьями оставались в роде нашем, не могли быть им, внуком моим Аполлоном Сеславиным, проданы, заложены или отпущены кто-либо из крестьян на волю до того времени, пока исполнится ему от роду тридцать лет, после чего он может уже располагать своим имением по собственному своему произволу. Об исполнении сего дополнения к духовному завещанию моему, внесенному мною в С.Петербургский Опекунский совет для хранения, я прошу гг душеприказчиков моих представить и сие дополнение воли моей в Опекунский Совет для приобщения к прежде поданному и выполнению оного. Дополнение это переписывал титулярный советник Михаил Завенейской. К сему дополнительному духовному завещанию моему вдова надворная советница Мария Феофилактовна Голенковская руку приложила. Что сие дополнение к духовному завещанию учинено завещательницею надворною советницею Мариею Феофилактовою Голенковскою и ея рукой подписано в здравом уме, свежей памяти и по собственному ея желанию в том свидетельствую: отец ея духовный Благовещенской, что на Васильевском острове, церкви протоиерей кавалер Иоанн Васильев сын Долоцкий. Декабря 2-го дня 1839. У сего дополнительного завещания свидетелем был и руку приложил статский советник кавалер Петр Тукмачев. У сего дополнительного завещания свидетелем был и руку приложил подполковник и кавалер Николай Гертов»[250].

[250] ЦГИА СПб, ф. 190, оп. 9, д. 716, л. 121 – 126.

С.Ю. Измайлова

Мемориальный комплекс Г.Р. Державина в Национальном музее Республики Татарстан

Гавриил Романович Державин (1743 – 1816), великий поэт и крупный государственный деятель, «потомок мурзы Багрима» родился в Казани. В Казанской гимназии он получил образование, которое в сочетании с «огнем души» позволило ему стать одной из самых ярких личностей второй половины XVIII – начала XIX века.

Казанцы всегда высоко ценили своего соотечественника, трудами и стараниями достигшего высоких титулов и литературной славы.

Вопрос о том, как сохранить память о нем, волновал земляков знаменитого поэта еще при его жизни. В 1815 году казанское Общество любителей отечественной словесности избрало Державина почетным членом, а он в знак внимания и благодарности прислал свой портрет и «Сочинения» (Ч.1 – 5. СПб., 1808 – 1816)[251].

Еще один важный шаг был сделан в год смерти Державина, когда члены этого же общества провели в Казанском университете собрание, посвященное памяти поэта[252]. Оно состоялось 24 сентября 1816 года и включало не только траурные выступления и чтение стихов Державина, но и представление материалов, отражающих связь поэта с Казанским краем. В зале был выставлен портрет Державина, подаренный им обществу. Портрет был завешен черным крепом, перевязанным белыми лентами. Под портретом на возвышении, устланном черным ковром, поставлен был стол, покрытый весь до полу черным сукном. На столе лежали произведения Державина, переписка его с обществом и устав общества. По сторонам стола стояли две

[251] См.: Панаев В.И. О Державине. Из моих воспоминаний // Братчина. СПб., 1859. Ч. 1. С. 117 – 128.

[252] Казанские известия. 1816. № 79.

мраморные пирамиды как памятники Державину, за одною из них лежала лира, покрытая черным крепом. Слева от портрета висел гравированный портрет Державина, справа – ландкарта Казанской губернии, планы и виды городов губернии, картина с видом развалин Болгар, вид усадьбы Державина близ Новгорода на Волхове. Стояли часы, стрелка которых показывала второй час, когда скончался Державин, и под часами подпись – 1816 с 8 на 9 июля.

В выступлениях участников прозвучали предложения о возведении в Казани памятника поэту, изготовлении особого ковчега для хранения творений Державина, присланных Казанскому обществу любителей отечественной словесности.

Следующим шагом в сохранении памяти о знаменитом земляке стало решение о создании памятника, который бы показал «уважение России к одному из первейших ее поэтов и, с тем вместе, служил бы украшением довольно важного города в Империи, какова Казань»[253].

В 1828 году общество ходатайствовало о разрешении открыть памятник в Казани, и 5 декабря 1831 года такое разрешение было получено. Первые объявления о подписке по сбору денежных средств были даны в журналах «Заволжский муравей» и «Казанский вестник», издаваемых при университете[254].

Подписка волной прокатилась по всей России. В «Списке чиновников и другого звания лиц, сделавших пожертвования на сооружение памятника Г.Р. Державину»[255], можно увидеть, что взносы в рублях и копейках поступали от титулярных советников и писарей, от истопников и судей, от городничих и купцов, от профессоров и студентов, учителей и гимназистов, священников и крестьян.

---

[253] Казанские известия. 1816. № 79.

[254] Национальный архив РТ. Ф. 977, оп. «Ректор», д. 236, л.1; Заволжский муравей. 1832. Ч. II. С. 571 – 573.

[255] Национальный архив РТ. Ф. 92, оп. 3, д. 548, 549. Подписные книги на сооружение памятника Державину.

Открыть памятник предполагалось к 30-летию со дня смерти Г.Р. Державина – в 1846 году, однако из-за задержки с его транспортировкой открытие состоялось только 22 августа 1847 года. Оно сопровождалось криками: «Вот приехала Держава!» и «Державин родился у нас!»[256]. Это был первый в России памятник «отцу русских поэтов» и один из первых памятников человеку не царского происхождения.

С названной памятной датой связан и ряд благотворительных акций, в результате которых именно Казань стала обладательницей уникального мемориального комплекса Державина – первого «музейного памятника». История его формирования начинается с 1845 года, когда в Императорский Казанский университет пришло письмо сенатора К.М. Бороздина, душеприказчика Д.А. Державиной, второй супруги поэта. В письме выражалось желание увековечить память знаменитого поэта на его родине, в Казанской губернии, и «сохранить оставшиеся после него письменный стол, чернильницу и кресло для воспоминания почитателям его гения». Именно Казанский университет, по мнению автора письма, мог стать тем учреждением, где «цель сия лучше могла быть достигнута»[257].

Судя по архивным документам, мемориальные вещи Державина прибыли в Казань в начале 1846 года. Подтверждением является письмо проректору Казанского университета от 4 марта 1846 года о доставке душеприказчиком г. Бороздиным вещей для Казанского университета[258]. По предписанию ректора университета Н.И. Лобачевского они были переданы в библиотеку, и уже в письме от 18 марта библиотекарь сообщает проректору об их размещении в читальном зале.

---

[256] См.: Открытие памятника Державину в Казани // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. Ч. LV. Отд. VII. С. 29 – 35. (Перепечатка из «Казанских губернских ведомостей» (1847. № 38 – 47).

[257] Национальный архив РТ, ф. 977, оп. «Ректор», д. 566, л. 4.

[258] Национальный архив РТ, ф. 977, оп. «Ректор», д.566, л.3.

На столе была установлена памятная бронзовая табличка с надписью: «Письмянный столъ чернилица и кресло Державина принесенные въ даръ душеприказщиками покойной супруги его Императорскому Казанскому Университету. 1845 г.». В рамку под стекло поместили письмо сенатора К.М. Бороздина.

От сенатора К.М. Бороздина в университетскую библиотеку поступила также рукопись «Анакреонтических песен», переплетенная в красный сафьян, с золотым тиснением. На лицевой стороне была изображена лира, внутренняя сторона обложки обтянута муаром, на первой странице красивым почерком сделана надпись: «Императорскому Казанскому университету Автографы Державина приносит в дар Почетный член Университета Константин Бороздин. С-Петербург. 31 марта 1847 года»[259].

Позднее, в музей Отечествоведения секретарем Сенатского архива Н.А. Мурзановым были также переданы 19 автографов Державина. Все они относятся к официальной переписке поэта 1801 – 1803 годов, и в настоящее время хранятся в Отделе редких рукописей и книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета.

Комплекс личных вещей стал одним из главных элементов празднества по случаю открытия во дворе университета памятника Державину. Была продолжена мемориально-торжественная направленность, заданная в 1816 году. Предметы были выставлены в зале, и кроме чернильного прибора на столе лежал один из томов его

[259] Ильинский Л. Музейные памятники о Державине в Казани. С. 440. В настоящее время эта рукопись хранится в Пушкинском Доме (см. Ионин Г.Н. Творческая история сборника «Анакреонтические песни» // Державин Г.Р. Анакреонтические песни. М., 1987 (Литературные памятники). С. 296 – 379.

произведений, стоял бюст Державина, был выставлен и его портрет[260].

По воспоминаниям и изобразительным материалам известно, что при жизни Гавриила Романовича письменный стол и кресло находились в кабинете петербургского дома Державиных на набережной реки Фонтанки. Сохранился контракт со «столяром-краснодеревцем» Иоганном Кристофом Гратцем от 22 января 1792 года на изготовление ряда предметов мебели для кабинета поэта, в том числе «бюро с подъемным налоем», т. е. письменного стола[261]. В контракте Державин отметил, что мебель необходимо было сделать так, как он «договаривался с Николаем Александровичем Львовым». Кресло в контракте не названо.

Можно предположить, что при изготовлении технических чертежей мебели были учтены пожелания самого Державина. Ежедневно на протяжении всей своей жизни он проводил многие часы за письменным столом, будучи не только поэтом, но и крупным государственным деятелем – служил государству в должности губернатора и сенатора, государственного казначея и министра юстиции. Вероятно, именно поэтому самые необходимые предметы кабинетной мебели – письменный стол и кресло – были сделаны с максимальными удобствами и многочисленными техническими приспособлениями.

Как отмечал впоследствии Л.К. Ильинский, один из авторов юбилейного номера «Вестника образования и воспитания», посвященного памяти Державина, «удобства и замысловатость устройства указывают уже на большой опыт кабинетного работника, для которого этот стол делался»[262]. В то же время можно отметить, что внешне стол полностью

---

[260] Карташева Е.И. Г.Р. Державин в музейном экспозиционном осмыслении: опыт и возможности// Державин глазами XXI века. Казань, 2004. С. 83.

[261] ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 38, л. 25, № 12.

[262] Ильинский Л. Музейные памятники о Державине в Казани // Вестник образования и воспитания. Научно-педагогический журнал, издаваемый при Казанском Учебном округе. Казань, 1916. С. 464.

соответствовал английскому образцу письменного стола того времени[263].

Долгое время мемориальные вещи Державина находились в читальном зале университетской библиотеки и привлекали к себе внимание. В конце 40-х годов XIX века студент Вагнер их зарисовал. Рисунки были опубликованы в журнале «Иллюстрация», но без какого-либо описания[264]. Тем не менее, это один из единственных рисунков, который зафиксировал наличие навесной рамы на спинке кресла.

В 1851 году П.А. Артемьев стал первым, кто составил подробное описание стола, кресла и чернильного прибора поэта. Оно было помещено в «Журнале Министерства народного просвещения»[265]. Описание включало достаточно подробные сведения, позволяющие представить внешний вид и технические особенности предметов: «Стол – длиною 2,5 , шириною 1,5 аршина сделан из красного дерева, с крышкою, оклеенною сверху кожею. Он имеет четыре подставки-тубика с выдвижными ящиками на лицевых сторонах. Всех ящиков в столе 16, все они с бронзовыми ручками изящной работы. С боковых сторон между тубиками сделаны полки для книг. Верхняя доска стола не цельная. Часть ее поднимается и под ней есть раздвижной постамент (складной штатив), благодаря чему из этой части стола можно сделать конторку, как для занятий сидя, поставив штатив наполовину, так и стоя, подняв весь штатив»[266]. Было отмечено своеобразие конструкции стола, позволявшей развернуть подъемную часть поверхностью внутрь столешницы, тогда «образуется своего рода изголовье, а стол может служить кушеткой».

Артемьев подробно описал также и кресло: «Кресло похоже на нынешние вольтеры, но отличается многими

---

[263] См., например, илл. в кн.: Грашин А.А. Краткий курс стилевой эволюции мебели. М., 2007. С. 203.

[264] Иллюстрация. 1848. № 32. С. 120 – 121.

[265] Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Ч. LXXII. С. 5 – 6.

[266] Там же.

затеями, не встречающимися ныне: спинка его, при одном движении ключами в поручнях, откидывается назад, под ногами также выдвигается доска, и кресло превращается в покойную кровать. К спинке еще приделана была рама, которую, в случае надобности, можно было накинуть наперед, над головою сидящего; далее от этой рамы опускается под острым углом еще другая маленькая рама, заменявшая пюпитр. По бокам кресла есть карманы. Кресло обито голубым сукном; спинка и карманы вышиты красивым узором из вырезанного черного бархата»[267].

На протяжении многих лет мемориальные вещи Державина находились в открытом виде и при свободном доступе в читальном зале библиотеки университета, что сказалось на их сохранности. С течением времени они были убраны из читального зала и скитались по различным помещениям библиотеки, до коридора включительно[268].

Тем не менее, в XIX веке мемориальный комплекс Державина входил в ряд исторических достопримечательностей Казани и имел широкую известность. Он упоминается в книге М.Н. Пинегина «Казань в ее прошлом и настоящем», вышедшей в 1890 году в Петербурге и ставшей одним из наиболее известных путеводителей по достопримечательностям города. Автор, будучи историком и членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, включил мемориальный комплекс Державина, находящийся в библиотеке университета, в число важнейших исторических памятников[269].

При описании мемориальных предметов Пинегин неоднократно ссылается на сведения Артемьева, но ценность его комментариев состоит в том, что он отметил изменения, связанные с открытым бытованием державинского комплекса. Так, описывая «чернилицу» поэта, исследователь отмечает: «Представляет она из себя деревянный из красного

---

[267] Там же.

[268] Ильинский Л. Музейные памятники о Державине в Казани. С. 463.

[269] Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. СПб., 1890. С. 381.

дерева ящик, квадратной формы, с отрезанной по наклону передней частью, где находятся три гнезда. В двух крайних гнездах – стеклянные чернильницы (крышки не сохранились), среднее гнездо – свободно и служило, вероятно, для складывания мелких вещей из письменных принадлежностей. Посредине ящика, на верхней его части, установлен медный штатив, к которому прикреплены раздвижные рамки с подсвечниками. Для предохранения глаз имеется железный зонт, выкрашенный снаружи зеленой краской, прикрепленный к рожкам на особом штативе. Зонт передвигается снизу вверх по штативу. По словам П. Артемьева, при надавливании головки основного штатива выдвигается потайной ящик с боку прибора. Но в *настоящее время эта пружина не действует, и ящик плотно не входит на свое место, – он остается незакрытым*»[270].

Несмотря на столь подробные описания державинского комплекса, в его истории есть и загадки. Существует несколько рисунков, представляющих кабинет Державина, на которых имеются изображения письменного стола и кресла. Однако, если изображения стола совершенно аналогичны, то виды кресла на рисунках отличаются друг от друга.

На рисунке П.А. Кожевникова[271], относящемуся к началу XIX века, кресло изображено с высокой спинкой и открытыми ножками. Л.К. Ильинский в связи с этим предположил, что чехол на кресле появился в 1813 году, после «возобновления» Д.А. Державиной кабинета своего супруга. В качестве аргумента автор статьи приводит строки из стихотворения Ф.П. Львова (двоюродного брата архитектора Н.А. Львова) «На возобновление кабинета Державина в 1813 году», в которых речь идет о Д.А. Державиной и где упоминается «покрывало», связанное, по мнению исследователя, с креслом поэта:

---

[270] Там же.

[271] Рисунок хранится в Литературном музее ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. ПД-И-5883.

Не ей ли сердце приказало,
Накинуть светло покрывало
На беззатейный твой приют?
Чтобы часы твои бесценны
Любуясь – на убор отменный
Легли, забывшись, отдохнуть[272].

В первоначальной редакции этого стихотворения приведенные строки выглядят так:

Не ей ли сердце приказало
Накинуть ново покрывало
На свой домашний скромный труд?
Чтоб вкруг тебя цветы дышали,
И дни твои бы протекали,
От солнца как лучи текут[273].

В обоих случаях слова «светло покрывало» являются, безусловно, метафорой, означающей новый нарядный вид кабинета («беззатейного приюта») в целом, где цветами были украшены фарфоровая люстра и ковер. Непосредственно к креслу относятся лишь следующие строки:

Лазурна цвета мягки креслы
К восточной неге клонят дух!

Во время обновления кабинета мог быть изменен не только внешний вид кресла, но и его конструкция, то есть именно в это время могли появиться не зафиксированные на раннем рисунке приспособления (откидная рама, штатив и др.). В то же время они могли быть сняты после смерти

[272] Львов Ф.П. Г.Р. Державину по случаю возобновления его кабинета 13 апреля 1813 года // Львов Ф.П. Часы свободы в молодости. СПб., 1834. С. 59.

[273] Львов Ф.П. На возобновление кабинета Державина в 1813 году // Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение 16. СПб., 1815. С. 51 – 54.

Державина, поскольку на рисунке кабинета поэта, относящемуся к 1835 году[274] кресло вновь имеет простой вид. Вместе с тем указанные изобразительные источники носят условный документальный характер.

В 1898 году в журнале «Иллюстрация» были напечатаны два рисунка с изображениями чернильницы (или чернильного прибора) Державина.

В конце XIX века не только университет обладал коллекцией мемориальных вещей Державина. В 1895 году был открыт Казанский городской научно-промышленный музей (ныне Национальный музей РТ). Уже за несколько лет до открытия в его фонды стали поступать предметы, связанные со знаменитым уроженцем Казанского края. В 1892 году в составе собрания казанского коллекционера и ученого А.Ф. Лихачева в музей поступили золотые часы, которые в «Описи вещей Лихачевского музея. Часть II. Различные вещи» названы часами Г.Р. Державина. Они описаны следующим образом: «Старинные золотые карманные часы, овальной формы, в эмалевом футляре, разрисованном с боков и на задней стороне миниатюрными картинами, между которыми находится надпись. С передней стороны выпуклое стекло. Подняв это стекло, можно открыть весь механизм часов, на котором читается надпись: «Totegux. London». Внутренняя поверхность тоже покрыта разрисованной эмалью. Кроме того, часы вкладываются в особый кожаный, отделанный внутри бархатом, футляр. С наружной стороны этот футляр украшен узором из золоченой проволоки»[275]. К часам относится и медный ключик для завода (по «Описи» № 491), закрепленный гербовой печатью к куску картона, на оборотной стороне которого надпись: «Часы Гавриила Романовича Державина. Куплены на аукционе 27 октября 1842 года».

---

[274] Хранится в Литературном музее ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. ПД/И-10066.

[275] Национальный музей РТ. Опись вещей Лихачевского музея. II. Различные вещи. С. 355 – 356.

Вероятно, в собрание А.Ф. Лихачева, часто бывавшего в Петербурге в 1870-х годах, они попали от какого-то лица, купившего их на аукционе, проходившем в доме Д.А. Державиной после ее смерти[276]. К часам была приложена золотая цепочка, приобретенная Лихачевым во время его путешествия в Париж, скорее всего, в 1875 году. Сама цепочка «состоит из двух звеньев, оканчивающихся каждое разрисованной эмалью. Верхняя пластинка много меньше нижней и под ними идет ряд жемчужин. Мелким же жемчугом украшена эмаль на одной из них». На синем фоне первого миниатюрного медальона изображен белый барашек. На второй миниатюре – фигура, опирающаяся левой рукой на жертвенник, украшенный жемчугами. С правой стороны от нее розовый куст, сверху – балдахин из жемчугов. «К медальону прикреплены висячие украшения – эмалевые конусы с цветами и с жемчужными и золотыми кистями. Посредине на золотой цепочке две маленькие печатки (одна отсутствует)»[277].

В 1894 году в музей от Марии Петровны Модзалевской поступил портрет Державина - поясная копия с портрета, созданного С. Тончи в 1801 году. Портрет написан на холсте и предположительно датируется первой половиной XIX века (Инв. № КП-1370, 96 х 76 см). Еще Я.К. Грот отмечал, что видел три аналогичных поясных портрета. Два в казанском имении Астраханка у А.П. Миллера (на одном из которых были указаны дата – «20 февр. 1809 г.» и имя художника: «Никифор Прасолов»), третий у А.П. Воейкова в Тамбовской губернии.

Портрет, поступивший от М.П. Модзалевской, по мнению искусствоведа Б. Денике, является старинной

---

[276] См.: Морозова Н.П. Домашний мир Державина («Распоряжения» и «Описи имущества») // Г.Р. Державин и его время. Сб. научных трудов. [Вып. 1]. СПб., 2004. С. 61 – 96.

[277] Национальный музей РТ. Опись вещей Лихачевского музея. II. Различные вещи. С. 355 – 356.

копией, «суховатой, но добросовестной»[278]. Он также отмечал, что в собрании барона Н.Е. Врангеля находился портрет Державина, очень похожий на портрет из казанский музея, но более искусной работы. Вместе с портретом М.П. Модзалевская передала «прижизненное издание сочинений поэта».

21 августа 1895 года от Софьи Павловны Скалон, жены генерал-майора, поступили в дар музею акварельный портрет Д.А. Державиной, урожденной Дьяковой (Инв. № 6284, размер 26 х 20,5 см) и ее пятиоктавная арфа (Инв. № 37728, размер 170 х 75 см). Софья Павловна Скалон по происхождению связана с семьями Капнистов и Дьяковых. Отношения Г.Р. Державина с Н.А. Львовым и В.В. Капнистом удивительны тем, что их дружба была впоследствии скреплена и родственными узами. Акварельный портрет написан неизвестным художником и изображает молодую девушку, сидящую за арфой.

Вид арфы полностью соответствует инструменту, переданному в музей. Вероятно, она была подарена или перешла во владение семьи Скалон после смерти Д.А. Дьяковой. «Арфа небольшая, очень изящная, черная, лакированная, с золотыми рисунками-украшениями. Передний столбик арфы оканчивается золоченым капителем. По самому корпусу арфы, по краям лицевой стороны, золотые цветочки. Внизу эти гирлянды с той и другой стороны оканчиваются женскими фигурами в античных костюмах. В руках одной – лира, а другой – бубны. Под фигурами надпись фирмы Longman, Clementi g C. Арфа имеет вид довольно потертый, старый, без струн, но с сохранившимися колками и ключами для них. Педали также все налицо»[279].

---

[278] Денике Б. Портреты Державина в Казани // Вестник образования и воспитания. Научно-педагогический журнал, издаваемый при Казанском Учебном округе. Казань, 1916. С. 430.

[279] Ильинский Л. Музейные памятники о Державине в Казани. С. 466 – 467.

При создании экспозиции Национального музея РТ раздела «Казанская губерния в XVIII веке» в документальном фонде было обнаружено свидетельство Императорского Общества благородных девиц о награждении малой серебряной медалью Александры Алексеевны Дьяковой, выданное в 1779 году в Петербурге (Инв. № КППи 100020; 35 х 48 см). Свидетельство написано на пергамене, текст оформлен чернилами и акварельными красками, имеется сургучная печать:

«Совет
Императорского Общества благородных девиц
сим свидетельствует

Пребывшая в сем ОБЩЕСТВЕ на двенадцатилетнем воспитании благородная девица АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА ДЬЯКОВА, как в поведении приличном благовоспитанным и в приобретении знаний, наук и рукоделий соответственных ее полу, с касающимися до нужного домоводства упражнениями своим вниманием и прилежанием достигла до отменного успеха, и прилагаемым о том попечением во время своего пребывания достойно воспользовалася в рассуждении чего и удостоена при публичном собрании бывшем 1779-го года Апреля 23-го дня СЕРЕБРЯНОЙ МЕНЬШЕЙ МЕДАЛИ, в память приобретенного чрез воспитание ею достоинства. Что собственноручным СОВЕТА ОБЩЕСТВА Благородных девиц Г. Начальницы и членов подписанием утверждается, и с приложением большия сего ОБЩЕСТВА печати, при оном же Совете сие дано; в Санктпетербурге Апреля 30 дня 1779-го года.

С. де Лафон
Иван Бецкой
Михайло Соймонов
Петр Завадовский
Секретарь Филипп Боголюбов»[280].

[280] Одну из подписей прочесть не удалось.

В семье бригадира А.А. Дьякова[281], «крупного администратора петербургского градостроительства, компетентного инженера-строителя» было три сына и шесть дочерей. В Смольный институт[282] отдали одну Александру[283]. Остальные дочери воспитывались дома, среди них и будущая вторая жена Державина – Дарья Алексеевна. Александра Алексеевна Дьякова оказалась самой образованной, но и сестры обладали умом, были добры и обходительны. Учили их и музыке, Дарья Алексеевна успешно играла на арфе. Документ происходит из старых поступлений, но, скорее всего, также поступил от С.П. Скалон.

В 1916 году, в связи со 100-летием со дня смерти Державина, научная общественность Казани вновь подняла вопрос о сохранении памяти знаменитого земляка, и было решено отвести мемориальным вещам поэта, находящимся в университете, более значительное место.

Благодаря стараниям хранителя музея, приват-доцента Б.П. Денике в помещении музея Отечествоведения был создан «уголок Державина». Из библиотеки университета сюда передали стол, кресло и чернильницу поэта. Кроме того, в этот музей постановлением Общества археологии, истории и этнографии от 2 июня 1916 года было передано подлинное письмо Державина, адресованное священнику села Егорьево о поминовении родителей[284].

---

[281] О нем см.: Дзюбанов С.Д. «Верует во Резон, как во единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Н.А. Львова) // Г.Р. Державин и его время. Сб. научных статей. Вып. 4. СПб., 2008. С. 5 – 47.

[282] О Смольном институте и его выпускницах см.: Данилова А. Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института. Биографические хроники. М., 2004; Ахметшин Ш.К. Ум. Честь. Красота. Смольный институт благородных девиц. Смолянки тюрко-татарского происхождения. СПб., 2008.

[283] Об этом см.: Дзюбанов С.Д. «Верует во Резон, как во единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы А.Н. Львова). С. 9 – 10.

[284] Впервые опубл. в журнале «Заволжский муравей» (1834. Ч. II. № 11).

В том же 1916 году вышел номер «Вестника образования и воспитания», издаваемого при Казанском учебном округе, полностью посвященный 100-летию со дня смерти Державина. В опубликованной здесь статье Л. Ильинского давалось подробное описание державинских мемориальных предметов музейного значения, которые хранились в Казани. Автор статьи с сожалением констатировал, что за время пребывания реликвий в библиотеке университета они претерпели изменения не в лучшую сторону. В частности, о кресле говорилось: «Теперь от него остался только внешний вид удобного для сиденья кресла, обитого синим сукном с накладными из черного бархата узорами, с карманами с наружной стороны ручек, но уже спинка не откидывается, нет и рам за спинкой (одна рама-штатив еще существует, но отдельно от кресла), нет выдвижной доски и т. д.»[285].

После Октябрьской революции 1917 года вместе со сменой политического строя кардинально изменилось отношение и к мемориальному державинскому комплексу, находившемуся в стенах университета, и к памятнику великому поэту, стоящему на Театральной площади. Теперь здесь стали устраиваться военные смотры и праздничные демонстрации. Памятник Державину украшали красным флагом, и вместо лиры в руке развевалось революционное знамя. С постамента стали исчезать барельефы, о чем с 1928 года тревожно писали казанские искусствоведы и историки П.М. Дульский и В.И. Егерев. В одном из писем они предлагали демонтировать уникальные барельефы, созданные скульптором С.И. Гальбергом, и передать их в Центральный музей республики[286]. По постановлению Казанского городского совета памятник Державину был демонтирован 26 – 27 марта 1931 года[287].

---

[285] Ильинский Л. Музейные памятники о Державине в Казани. С. 465.

[286] Национальный архив РТ. Ф. 3682, оп. 1, д. 1540, л. 98.

[287] Национальный архив РТ. Ф. 3682, оп. 1, д. 1691, л.9, 9 об.

7 июня 1931 года в небольшой заметке было написано: «Советское правительство низложило Державина с литературного трона и швырнуло последнего дворянина Казани на мостовую»[288]. Почти чудом сохранилась единственная деталь одного из барельефов памятника Державина – головка музы, которая была передана жителем Казани в музей в 1937 году (Инв. № КП-8364).

В 1934 году на основании приказа директора библиотеки Казанского государственного университета от 29 июня 1934 года за № 392 мемориальный комплекс Державина был передан в Центральный музей Татарской республики. В передаче предметов участвовали зав. отделом Центральной научной библиотеки Г.А. Скопин, завхоз библиотеки университета Уразаев, зам. директора Центрального музея К.Н. Насыров и заместитель заведующего историческим сектором В.А. Молчанов. В акте от 16 июля 1934 года дается описание сохранности предметов: «Стол: кожа, покрывающая верхнюю часть, сильно потрескалась и порезана ножами, в одном месте надорвана, местами залита химическими чернилами. Одна деревянная подставка сильно потрескана. От стола отодраны и поступили отдельно шесть бронзовых накладок и четыре ручки, а шести ручек нет совсем.

Кресло: Сукно на сидении, боках, нижней передней части и по краям совершенно вылиняло. Кроме того, все сукно сильно поедено молью. Нижняя задняя часть сукна и местами подкладки оторваны. Отломана доска, находящаяся в верхней части спинки.

Подсвечники: Чернильный прибор утерян. Абажур погнут, отсутствует ящичек»[289].

В 1936 году мемориальные предметы Державина были внесены в книгу поступлений – стол за № 37728, кресло за № 37729, письменный прибор за № 37730. При описании

---

[288] Фролов Ю. Памятник. Беспамятство. Памятник// Татарстан, № 7. С. 63.

[289] Документы на экспонаты, поступившие в 1934 году в ЦМРТ. Дело № 18. С. 7 – 8.

сохранности кресла указано, что оно обито синим сукном, по бокам кресла имеются два боковых кармана из того же сукна, спинка и карманы украшены аппликацией из черного бархата. Сукно кресла сильно пострадало от моли и других внешних воздействий: «сукно сильно изменилось, местами висит лоскутками. Поломаны приспособления для откидывания спинки».

В 1941 году по причине ветхости обивка кресла Державина была демонтирована, и изготовлен новый чехол из синего бархата. С этого времени мемориальный комплекс Державина находился в постоянной экспозиции музея.

В 1947 году в фонды поступило письмо Державина Александру Марковичу Полторацкому от 22 марта 1798 года (Инв. № КП-9844), которое было приобретено у А.А. Макаренко. Само письмо уже было опубликовано в 1913 году историком литературы Н.О. Лернером[290].

В 1951 году от казанского коллекционера В.П. Вилькена поступил журнал «Собеседник любителей Российского слова» за 1783 год (Ч. 1 – 2), где были опубликованы стихотворения Державина, в том числе ода «Фелица».

При создании раздела «Казанская губерния в XVIII веке» постоянной экспозиции Национального музея РТ была проведена реставрация кресла, письменного стола Державина, арфы Д.А. Дьяковой. При проведении реставрационных работ по креслу был найден фрагмент сукна сине-голубого цвета, послужившего образцом для подбора ткани. Благодаря опубликованным рисункам и фотографиям была сделана аппликация из черного бархата, восстановлены механизм откидывания спинки кресла и частично утраченная фурнитура письменного стола.

В 1916 году Л. Ильинский в своей статье писал: «<…> Казань может считаться счастливой: в ее музеях хранятся наиболее ценные и близкие предметы, окружавшие поэта

---

[290] Опубл.: Русский библиофил. 1913. № 3. Март. С 97. [Сообщ. Н.Л.].

при жизни. Остается лишь пожелать, чтобы они были более эффектно выставлены, не были разбросаны, как в городском музее, по разным комнатам, а собраны в одно место …»[291].

Мемориальный комплекс Г.Р. Державина неоднократно экспонировался на выставках, посвященных 250-летию и 260-летию со дня рождения поэта (1993, 2003), выставке «Сокровища музеев Татарстана» в Государственном историческом музее (Москва, 1999), межмузейной выставке «Тысячелетняя Казань (2000) и других.

В XXI веке эта мечта осуществилась, и ныне комплекс собран воедино в музейной экспозиции и составляет гордость не только Национального музея Республики Татарстан, но и всех соотечественников Г.Р. Державина.

[291] Ильинский Л. Музейные памятники о Державине в Казани. С. 467.

Б.А. Градова

Реликвии Г.Р. Державина в Императорской Публичной библиотеке

2 января 1814 года Г.Р. Державин с супругой Дарьей Алексеевной и ее племянницей Прасковьей Николаевной Львовой присутствовали на открытии Императорской Публичной библиотеки. Их имена отмечены в посвященной этому событию брошюре «Описание торжественного открытия Имп. Публичной библиотеки, бывшего генваря 2 дня 1814 года с читанными при оном сочинениями и различными до сего случая относящимися сведениями, к которым приобщено историческое известие о сем книгохранилище» (СПб., 1814).

Накануне открытия библиотеки по просьбе директора ей делались подношения. Среди прочих даров в Депо манускриптов поступил «Диплом императора Петра Великого, данный Волошскому господарю князю Дмитрию Кантемиру на принятие его со всем народом его в российское подданство. 13 апреля 1711 года», подлинник на русском и латинском языках. На внутренней стороне переплета сделана запись рукой А.Н. Оленина: «Сия рукопись подарена Императорской Публичной библиотеке господином действительным тайным советником Гавриилом Романовичем Державиным 1813-го года декабря … дня» (число не проставлено)[292].

Через полтора года смерть унесла *певца Фелицы.* А.Н. Оленин решает увековечить память поэта, поместив его портрет в стенах национального книгохранилища. Для этого требовалось разрешение императора или министра, за которым, по-видимому, директору Библиотеки и пришлось

[292] ОР РНБ. Присоединен к архиву Державина (фонд 247).

обратиться (документальных сведений об этом не сохранилось).

Именно с портрета Г.Р. Державина Оленин начинает создавать в Публичной библиотеке портретную галерею русских писателей.

В архиве РНБ хранится распоряжение Оленина казначею от 31 октября 1816 года: «За купленный мною для Имп. Публичной библиотеки живописный портрет знаменитого российского лирика, покойного действительного тайного советника Гаврила Романовича Державина, поручаю Вам выдать живописцу г. Базилевскому под его росписку из денег, остающихся от штатных издержек по Библиотеке, триста рублей, которые Вы имеете записать в расход по надлежащему»[293].

А.А. Васильевский (Базилевский) повторил написанный им в 1815 году, видимо, по рекомендации того же Оленина, портрет Г.Р. Державина. Портрет был представлен на сентябрьской выставке Академии художеств.

Посетив выставку, граф Д.И. Хвостов написал эпиграмму на этот портрет:

Кисть дерзновенная, маляр, в твоей руке
Нарисовала нам поэта в колпаке.
Певцу зеленый лавр… других нет украшений,
Поэт чужд старости… не знает смерти гений.

Позднее он сделал к этой эпиграмме такое примечание: «Знаменитый и почтенный Гавриил Романович Державин, представлен был на выставку в Имп. Академии художеств одним неискусным живописцем в параличном состоянии в колпаке. Автор, уловляя всегда изящную природу, ополчался на подобные безобразные списки с оной, и очень сожалеет, что во многих местах встречаются бессмертного писателя

[293] Архив РНБ. «Дело о покупке книг и других нужных пособий, служащих к удовлетворению требований посетителей Библиотеки. 1816 год» № 166, л. 15.

Фелицы бюсты в колпаке. Желая обратить художников на дорогу настоящую, он написал эту эпиграмму» [294].

Второй державинской реликвией, поступившей в Публичную библиотеку, стала грифельная доска с написанным на ней последним стихотворением поэта, переданная Д.А. Державиной по настоятельной просьбе Оленина.

В Отчете ИПБ за 1816 год извещалось: «Одним [подарком] пожертвовала Библиотеке вдова славнейшего нашего лирика господина действительного статского советника Гавриила Романовича Державина, убедясь сколько усильными просьбами начальства сего книгохранилища, столько и общеполезностью оного, согласилась она, наконец, лишением самой себя приятнейшего для нее останка умножить сокровища библиотеки следующим приношением.* Это есть аспидная доска, на которой бессмертный певец Бога и Фелицы за два дня до своей кончины оставил потомству в чертах собственной своей руки некоторые вдохновленные ему восторгом ПОЭЗИИ мысли. Вот их изображение:

Река времен в своем теченье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы

*Доставленным чрез племянника ее Леонида Николаевича Львова директору сего Книгохранилища»[295].

Доска была сразу же помещена под стекло в деревянную раму из черного дерева с металлическими

---

[294] Хвостов Д.И. Полное собрание стихотворений: в 7 т. СПб., 1828 – 1834. Т. 7. С. 278.

[295] Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1816 год <…> с прибавлением Журнала третьяго годоваго торжественнаго собрания, которое имела Библиотека 2 генваря 1817 года. СПб., 1817. С. 41.

накладками. На бронзовой выгравировали надпись: «Последние строки Г.Р. Державина собственною его рукою писанные на сей грифильной доске за два дни кончины Его последовавшей с 8-го на 9-е июля 1816-го года».

Для издания сочинений Державина Я.К Грот выписал подлинник портрета Васильевского, принадлежащий С.В. Капнисту, после описания которого указал: «С этого портрета был сделан литографированный портрет, но под грудью аспидная доска с четырьмя стихами: “Река времен…”. Подпись: “Рисовал с натуры Базилевский, литографировал Фислер”. Без даты» [296].

Более подробное описание этой литографии дано в «Словаре» В.Я. Адарюкова и Н.А. Обольянинова: «Державин Г.Р. (3 июля 1743 – 8 июля 1816). С оригинала Василевского 1815 г. В колпаке и халате, ¾ влево, в красивой резной раме, под которой доска со стихами:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей…

Рисовал с натуры Базилевскій литографировал К.А. Фислер, печатано им же в Ораниенбаумском заведении» [297].

Изображение доски со стихами под портретом свидетельствует о том, что эта литография сделана именно с портрета, находившегося в ИПБ.

Так как фамилия художника указана «Базилевский», а это ранняя форма фамлии А.А. Васильевского, то и саму литографию, вероятно, можно отнести к относительно ранним годам. Рама барочного стиля имеет элементы, сходные с рисунками в рукописном сборнике державинских сочинений (1795г.), в оформлении которого принимал участие А.Н. Оленин. Это позволяет предположить его участие и в создании интересующей нас литографии или ее заказе.

---

[296] Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота: в IX т. СПб., 1864 – 1883. Т. IX. С. 560 – 561. Далее ссылки на это издание.

[297] Адарюков В.Я., Обольянинов Н.А. Словарь русских литографированных портретов. Т. 1. А – Д. М., 1916. С. 282.

В библиотеке портрет Державина переменил несколько мест. В первом Путеводителе ИПБ сообщалось, что в «читальной … на двух средних столбах висят портреты Суворова и Державина – представителей нашей народной славы на двух путях столь разнородных... Под портретом Державина, купленного, в 1816 году, у живописца Базилевского – подаренная библиотеке вдовою его, в том же году, аспидная доска, на которой он начертал, за несколько дней до кончины, *последние* свои стихи:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья,
Народы, Царства и Царей;
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется,
И общей не уйдет судьбы.

К сожалению, эта лебединая песнь нашего великого барда, несмотря на ограждающее доску стекло, от времени и действия солнечных лучей почти совсем изгладилась, и даже знающему ее наизусть можно разобрать в ней едва лишь первые два стиха»[298].

К 1860 году на месте этих портретов были помещены картины, изображающие посещение Библиотеки Александром I, 2-го января 1812 года, и Николаем I, 13 декабря 1852 года. Портрет Державина, вместе с грифильной доской, был перенесен в Русское отделение (ныне помещение Отдела эстампов): «Над выходною дверью из русского отделения прикреплен гипсовый снимок, в уменьшенном виде, с одного из барельефов Исаакиевского собора, изображающего перевезение в Петербург, Петром Великим, мощей св. Александра Невского, а по обе стороны тех же дверей повешены прекрасные грудные портреты, масляными красками, великого поэта нашего Державина и

[298] Путеводитель по Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1852. С. 87 – 89.

русского книгопродавца и библиографа Новикова, игравшего в конце прошедшего столетия, такую важную роль в истории нашей образованности. Под портретами находятся и автографы лиц, которых изображения переданы кистью... Автограф Державина заключается в начертанных им на аспидной доске, за несколько дней до его смерти (в 1816-м году), восьми стихах» [299].

Следует обратить внимание на то, что в разных изданиях первая строка стихотворения Державина печаталась по-разному: то со словом *теченье*, то со словом *стремленье*. Окончательный ответ может дать лишь современная экспертиза почти не читаемого текста на самой доске.

В настоящее время портрет Державина кисти А.А. Васильевского и грифельная доска с последним стихотворением поэта хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

В ежегодных отчетах Публичной библиотеки печатались сведения о новых поступлениях книг, рукописей, произведений изобразительного искусства, в том числе, послуживших украшению залов. Особенно отмечались дары. Так было сообщено, что «из числа художественных приобретений Библиотеки за 1876-й год особенного упоминания заслуживает превосходный бронзированный слепок с бюста Державина, пинадлежавший графу Петру Ивановичу Капнисту, родственнику поэта, а до того служивший украшением кабинета самого Державина. Слепок этот принесен в дар Библиотеке Игн. Матв. Чайковским»[300].

В сохранившемся сопроводительном письме даются следующие сведения:

«Камергер Высочайшего двора граф Петр Иванович Капнист, оставляя Петербург, подарил бюст нашего

---

[299] Путеводитель по Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1860. С. 42.

[300] Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1876 год. СПб, 1878. С. 210.

знаменитого поэта Державина Игнатию Матвеевичу Чайковскому с тем, чтобы этот последний сделал из бюста употребление, достойное имени его знаменитого оригинала. Чайковский, исполняя желание дарителя, просит нашу сокровищницу мысли, Императорскую Публичную Библиотеку, принять в дар бюст знаменитого русского поэта. Происхождение или, лучше сказать, история это/го/ бюста следующая: Он был сделан при жизни Державина – прямо с него (имя художника неизвестно) и долгое время стоял в кабинете поэта. По его смерти бюст перешел к племяннику Державина, Семену Васильевичу Капнисту (сыну поэта Капниста Василия Васильевича и жене его, родной сестре супруги Державина), С.В. Капнистом передан сестре его Софье Васильевне Скалон, урожденной Капнист, от которой перешел к Петру Ивановичу Капнисту (ныне графу) и этим последним подарен И.М. Чайковскому, с объявленной выше целью.

Чайковский

Петербург. 19 августа 1876»[301].

Автор этой работы и время ее создания пока не установлены. Но есть основание считать, что бюст был выполнен между 1801 и 1809 годами. В 1801 году Тончи написал большой портрет Державина в шубе, в связи с которым поэт создал стихотворение «Тончию». В июне 1809 года на Званке Державин диктует Е.Н. Львовой «Объяснения» на свои сочинения. К стихотворению «Мой истукан» дается такое пояснение: «Рашет, скульптор форфоровой фабрики, о котором сказано выше. Он первый делал бюст, или полукумир автора, с непокровенной головой, а второй в шапке и шубе француз (спросить у кн. Гагарина)»[302]. Ниже примечание Грота: «В рукописи пробел для имени, которое и нам неизвестно».

---

[301] РНБ, ф. 1000, оп. 1, № 2689. И.М. Чайковский служил в это время в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий секретарем при директоре.

[302] Державин Г.Р. Сочинения. Т. III. С. 646.

Д.А. Ровинский, описывая гравированные изображения Державина, приводит сведения о портрете, выполненном с интересующего нас бюста: «<…> в овале, гравирован пунктиром <…> в шапке боярке, отороченной мерлушкой и в шубе из мерлушки, накинутой на кафтан с отложным воротником: Рис. с бюста Ф. Кинель[303]. Грав. А. Осипов. 1813. Гавр. Роман. Державин д. т. с. Из собрания портретов, издаваемых Платоном Бекетовым. Портрет остался неизданным»[304].

Грот также дает описание такой гравюры, но с уточнением: «с бюста, находящегося в Москве, в Румянцевском музее». Кроме того, в разделе «бюсты» под № 3 указано: «Сделанный по картине Тончи представляет Державина в шапке и шубе… Экземпляр находится в Московском музее, которому подарен г. Хитрово»[305].

Об экземпляре бюста Державина, находящемся с 1876 года в Отделе рукописей Публичной библиотеки, мало кому было известно. Фактически печатные сведения о нем так и оставались только в Отчете ИПБ.

---

[303] Кинель Федор Федорович (1766 – после 1832), рисовальщик, служил учителем при Московском университете.

[304] Ровинский Д.А. Подробный словарь гравированных портретов: в IV т. СПб., 1886 – 1889. Т. I. Стлб. 670 – 671.

[305] Державин Г.Р. Сочинения. Т. IX. С. 571.

Публикация посвящается памяти
Николая Николаевича Калинина

Н.П. Морозова, Е.В. Морозова

Материалы к хронике «званской жизни» Г.Р. Державина

Имение Державиных Званка всегда привлекало внимание поклонников и исследователей творчества Г.Р. Державина[306].

Целый ряд интересных работ появился в последнее время. А.Б. Никитиной опубликованы чертежи и поэтажные планы усадебного дома, выполненные А.П. Кожевниковым[307]. Его мемуары «Некоторые черты Званской жизни» напечатаны краеведом Н.Н. Калининым[308]. Е.Д. Кукушкина опубликовала полный текст записок П.Н. Львовой[309]. Л.Б. Михайлова ввела в научный оборот записки «Для немногих» А.В. Головнина, посетившего Званку в 1848

---

[306] См.: В.С. [Стоюнин В.А.]. Званка: (из путевых впечатлений) // Библиотека для чтения. 1850. Т. 104. № 11 (нояб.). С. 29 – 52; Грот Я. Званка и могила Державина // Современная летопись: Воскресное прибавление к «Московским ведомостям». 1863. № 33. Сент. С. 4 – 6; Иосиф, архим. Державинская Званка // Церковно-общественный вестник. 1879. № 94. 8 авг. С. 4 – 6; Солоухин В.А. Посещение Званки // Москва. 1975. № 7. С. 187 – 198.

[307] Никитина А.Б. Об усадьбе Г.Р. Державина Званка // Памятники культуры. Новые открытия. 1984. Л., 1986. С. 508 – 522.

[308] Калинин Н.Н. Некоторые черты Званской жизни // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994. С. 20 – 28. См. также: Калинин Н.Н. Здесь Бога жил певец // Державинский сборник – 2006. Петрозаводск, 2006. С. 31 – 43; Калинин Н.Н. История Званки. Званско-Знаменский монастырь // Державинский сборник – 2008. Петрозаводск, 2008. С. 102 – 110.

[309] Кукушкина Е.Д. «Записки» Прасковии Николаевны Львовой // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 262 – 297.

году[310]. Л.М. Солдатова изучила документы, связанные с историей строительства в имении Воскресенской церкви[311]. Яркий очерк о Званке написан А.В. Кошелевым[312]

Большое число исследований посвящено произведениям, созданным поэтом в Званке. Он написал здесь около 60 стихотворений, 5 театральных сочинений, работал над «Записками» (1812) и «Рассуждением о лирической поэзии» (VII, 516 – 627)[313], готовил издание Собрания своих сочинений, составлял «проекты по делам службы», вел деятельную переписку.

А.С. Курилов, обративший внимание на очерк «Министр, Поэт, доброй человек, Патриот (Достопамятность в моей жизни)» П.И. Шаликова, который побывал в Званке в 1810 году, пишет: «Наряду с гражданской («послужной») и творческой биографиями – основными составляющими писателеведения, есть еще одна, довольно существенная и немаловажная – *бытовая*, предмет которой – внеслужебная жизнь и внехудожественная деятельность писателя, где он предстает и раскрывается как человек, как личность, с характерными для него чертами, привычками, привязанностями, пристрастиями, манерой поведения как в

---

[310] Михайлова Л.Б. Судьба державинской Званки // Державинские чтения. Вып. 1. Сб. научн. докладов. СПб., 1997. С. 109 – 115.

[311] Солдатова Л.М. К истории храма во имя Воскресения Господня в новгородском имении Державиных Званка // Державинские чтения. Вып. 2. СПб., 2007. С. 186 – 221.

[312] Кошелев А.В. *«Лира мне больше не по силам, хочу приняться за цевницу…»* Гаврила Романович Державин (1743 – 1816) // Новгородский край в русской литературе. Новгород, 2008. С. 211 – 228.

[313] В скобках здесь и далее приводятся ссылки на «Сочинения Державина с объяснит. прим. Я. Грота» (Т. I – IX. СПб., 1864 – 1883). См.: Западов В.А. Работа Г.Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. XVIII век. Сб. 15. Л., 1986. С. 229 – 246; Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я // Там же. С. 246 – 282; Западов В.А. Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г.Р. Державина // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 289 – 290; Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я // Там же. С. 290 – 318.

домашних условиях, в семье, в кругу друзей, так и в обществе, на людях, среди знакомых и незнакомых ему лиц»[314].

Изучая «званскую жизнь» Державина, мы имеем дело одновременно с его *бытовой* и творческой биографиями.

Званка была приобретена Дарьей Алексеевной Державиной у матери, Авдотьи Петровны Дьяковой, в 1797 году и с этого времени начала играть важную роль в жизни поэта.

Уже в 1798 году он вслед за Горацием создает поэтическую «Похвалу сельской жизни» (II, 165 – 171), заменяя «римские образы подлинника чертами из русского быта» и наполняя ее автобиографизмом[315]. Тогда же в стихотворении «Цепи» (II, 165 – 171), адресованном Анне Михайловне Бакуниной, Державин скажет: «И чем в Петрополе, будь счастливей на Званке».

В 1799 году в его творчестве появляется образ таинственного, «шумящего» Волхова. Весной этого года, в Петербурге поэт создает «Пролог на рождение в Севере порфирородного отрока <…>» («на случай разрешения» от бремени великой княгини Елизаветы Алексеевны «великим князем»)[316], первому действию которого предпослана следующая ремарка: «Театр представляет лунную ночь и рощу на берегу реки Волхова. Несколько куп старых дубов.

---

[314] Курилов А.С. Начало державиноведения в России // Г.Р. Державин и русская литература. М., 2007. С. 33 – 34.

[315] См.: Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М., 2010. С. 306 – 307.

[316] 17 мая 1799 года императрица Елизавета Алексеевна родила великую княжну Марию Александровну (скончалась 27 июля 1800 года). По этому поводу Державин, находясь в Павловске, написал оду «Рождение любви». В ожидании этого же события поэт заготовил два аллегорических пролога: «На рождение в Севере любви, в одном действии» и «На рождение в Севере порфирородного отрока, почерпнутый из древнего варяго-русского баснословия, в трех действиях». Они не были «представлены от автора ко двору», а потому остались не игранными. См.: Демин А.О. К изучению «Северных прологов» Г. Р. Державина // Русская литература. СПб., 2004. № 2. С. 135 – 137.

В ближайшей из них висит с огнем лампада. Несколько скамей и арф. Сквозь шум порогов и бушующего леса слышны изредка звуки арф. Музыка соображается видимым предметам. Со стороны выходят барды, не менее пяти» (IV, 35). Такая картина была навеяна как чтением Оссиана, так, вполне возможно, и впечатлениями от реального пейзажа Званки.

До выхода в отставку поэт проводил в новгородском имении главным образом «месяц сенатских гуляний». Это не помешало ему уже в 1801 году мифологизировать Званку в оде «Тишина» (II, 367 – 368):

Не колыхнет Волхов темный,
Не шелохнет лес и холм;
Мещет на поля чуть бледный
Свет луна, и спит мой дом.

Как – я мнил в уединеньи –
В хижине быть славну мне?
Не живем, живя в забвеньи:
Что в могиле, то во сне.

Нет! талант не увядает
Вечного забвенья в тьме;
Из-под спуда он сияет:
Я блесну на вышине.

Так! пойду хотя в забаву
За певцом тииским вслед
И, снискать его чтоб славу,
Стану забавлять я свет.

Стану шуткою влюбляться,
На бумаге пить и петь,
К милым девушкам ласкаться
И в сединах молодеть.

Я пою, – Пинд стала Званка;

Совосплещут музы мне;
Возгремела балалайка,
И я славен в тишине!

В соответствие с новым амплуа летом 1802 года Державин создает здесь семь анакреонтических од, в их числе «Деревенскую жизнь» (II, 447 – 448), где объявляет:

Что нужды мне до града?
В деревне я живу.

Однако подолгу «жить в деревне» он смог, лишь выйдя в 1803 году в отставку.

Отныне к Званке обращены взоры не только ее владельца.

Летом 1804 года Д.И. Хвостов печатает в журнале «Друг просвещения» оду «К Барду», адресованную Державину в места, где «грозный Волхов зрится»:

Пускай, Кубра, мой глас стремится
С твоих приятных берегов
До мест, где грозный Волхов зрится,
Шумя среди седых валов[317].

Благодаря этим строкам в ответной оде поэта «Волхов Кубре» (II, 483 – 487) появился детально разработанный образ реального Волхова:

Хотя угрюм и важен взором
И седина на волосах,
Но редко бурями и громом
В моих бушую я лесах.

Я мирный гражданин, торговый,
И беспрестанно в хлопотах;
За старым караваном новый
Ношу лениво на плечах;

Воображение поэта, наслаждавшегося «уединением и тишиной на Званке», питали не только античность и поэзия Оссиана, но и «древнее новгородское баснословие». В марте

[317] Хвостов Д.И. К Барду // Друг просвещения. 1804. Ч. 3. № 7. Июль. С. 11 – 12.

1813 года, в Петербурге он начинает писать балладу «Новогородский волхв Злогор» (III, 181 – 186).

Главными персонажами «новгородских текстов» Державина будут: Бард, который выходит на берег Волхова и поет свои песни на «высоком холме»; погребенный под этим холмом волхв, который «на Званке днесь проказит»; «шумящий Волхов» («мирный гражданин торговый»), званское Эхо.

В 1800-е годы появляются стихотворения на отъезд и возвращение Державина из Званки. В одном из них говорится:

Как Званка тем должна гордиться,
Что удостоена тобой!
Что воздухом ее живится
Дух пламенный – Дух мудрый твой![318]

«Воздух» Званки помог поэту создать архаичные «пейзажные медитации» 1805 года («Лето» и «Осень»), в которых мы видим и слышим «званскую жизнь»:

Знойное лето весна увенчала
Розовым, алым по кудрям венцом;
Липова роща, как жар, возблистала
Вкруг меда листом.

Эта строфа, открывающая стихотворение «Лето» (II, 544 – 545) и ставшая программой для иллюстрации (заставки) к нему, соединяет в себе аллегорию с изображением реального пейзажа. В Званке до сих пор растут старые липы[319].

В стихотворении «Осень» (II, 554 – 556) мы слышим целую симфонию звуков:

Разных птиц голоса, вьющихся тучи,
Шум снопов, бег телег, оси скрипучи,
Стук цепов по токам, в рощах лай псов,

---

[318] Расторгуев Е. Стихи на возвращение Российского Аполлона в Петербург октября 12 дня 1815 года (РНБ, ф. 247, т. 31, л. 109).

[319] Известный краевед профессор Санкт-Петербургской Лесотехнической академии Н.Н. Калинин в своих экскурсиях по Званке показывал остатки липовой аллеи, спускавшейся с холма и расходившейся на две стороны.

Жниц с знамем идущих гул голосов
Слух мой пленит.

Настоящей «энциклопедией» деревенского бытия Державина стала знаменитая ода «Евгению. Жизнь Званская» (II, 632 – 645), а своеобразной сниженной параллелью к последней «Похвала Комару» (III, 401 – 411).

Результатом творческого диалога с Евгением явились ода «Эхо» (III, 92 – 93) и акварель Е.М. Аврамова «Вид Званки», с которой была выполнена гравюра, напечатанная отдельным листом в 1809 году и в уменьшенном виде в журнале «Вестник Европы» в 1810 году[320]. Званка, мифологизированная северным Бардом, обрела для его почитателей реальные очертания. Она в еще большей мере стала местом своеобразного паломничества поклонников Державина, которые стремились попасть сюда 13 июля, в день его именин. Однако иногда такие посещения становились большой проблемой. Например, в 1807 году Званка оказалась вся «в воде, так, что не было проходу лугом, ни от пристани», ни «проезду сухим путем» от села Гудалово, «разве пешему только пройти, а конному, не только в экипаже, и верхом едва ли можно»[321].

Годом ранее «погода по самые именины» поэта «так была дурна», что он «на двор шагу боялся сделать, чтоб по слабости здоровья не простудиться». Вопреки погоде именины прошли весело, была представлена комедия «Кутерьма от Кондратьев» (IV, 193 – 210).

Порой природа удивляла хозяев имения. В 1814 году «с 19 сентября напал снег выше колена» так, что «ездили на санях». Оставаясь в заснеженной Званке до конца октября, Державин пишет оперу «Эсфирь»[322], рисуя в своем

---

[320] «Вид Званки усадьбы Г.Р. Державина вниз по Волхову со стороны Нова-города» // Вестник Европы. 1810. Ч. 49. № 2 (янв.).

[321] Губерти Н. Письма Г.Р. Державина к А.С. Хвостову и И.Ф. Соломке // Библиограф. 1885. № 1. Январь. С. 5. № 8.

[322] Опубл.: Демин А.О. Оперное либретто Г.Р. Державина «Эсфирь» // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 358 – 408.

воображении «вертоград с пахучими цветами и блистающими плодами». Тогда же создает черновой вариант баллады «Северный Амур» (III, 532 – 533, прим.), возникший не без влияния окружавшей его реальности, начиная с главного персонажа и кончая картиной «строгого климата» России:

Где медведи спят мохнаты,
Скутанны в берлогах тьмой,
Волки, рыси полосаты
Рыщут век в глуши лесной
И лишь храбрый, удалой
Росс могущий, жиловатый
Ходит твердою ногой,
Иней, мраз снося косматый.

Во второй же половине сентября 1815 года «такое время прекрасное» стояло, «что летом такого не было». Однако «беседы с музами» не получалось, сколько раз поэт «ни принимался за перо, но оно из рук упадало».

«Званское лето» складывалось каждый раз по-разному. Иногда оно было отмечено необычными событиями, как, например, в 1810 году, когда Званку во время путешествия водою из Твери в Петербург посетили великая княгиня Екатерина Павловна и ее супруг принц Георгий Ольденбургский[323]. Державин приветствовал их одой «Шествие по Волхову Российской Амфитриты» (III, 37 – 41). Это лето стало для него очень плодотворным: было создано 12 стихотворных произведений.

Самым тревожным и нелегким оказалось лето 1812 года, омраченное событиями военного времени. Державин отправляется сначала во Псков, затем в Новгород, где вручает принцу Ольденбургскому «Записку о мерах к обороне России во время нашествия французов» (VII, 470 – 478), адресованную Александру I. Поэт пытается добиться постановки на сцене императорского театра своей

[323] Принц Георгий Петрович Ольденбургский (1784 – 1812) – первый супруг великой княгини Екатерины Павловны, Тверской, Ярославский и Новгородский генерал-губернатор.

патриотической трагедии «Евпраксия» (IV, 293 – 380), о чем идет речь в письмах из Званки.

Летом 1813 года Державины совершают путешествие на Украину, где гостят у своих родственников Капнистов в имении Обуховка, посещают Киев и Киево-Печерскую Лавру. В Званке ее хозяева проводят лишь осень. 12 октября «в память кончины Кутузова» поэт пишет здесь оду «Тление и нетление» (III, 176 – 178).

«Званское лето» в творческом отношении нередко оказывалось продолжением «петербургской зимы». В 1810-е годы Державин и в городе, и в деревне работал над «Рассуждением о лирической поэзии». Вероятно, для этого сочинения за два дня до смерти он написал на грифельной доске самое загадочное свое произведение – оду «На тленность» («Река времен») (III, 235 – 236), которая стала последнием созданием его лиры, умолкнувшей в Званке.

Судьба Званки сложилась печально, сбылось предсказание Державина: «Разрушится сей дом, заглохнет бор и сад…». Важно, чтобы потомки всегда помнили другие его слова: «Здесь Бога жил певец, Фелицы…».

В публикуемых ниже «Материалах», не претендующих на абсолютную полноту, собраны известные нам сегодня по печатным и рукописным источникам факты, имеющие отношение к жизни Г.Р. Державина в Званке. Цитаты приводятся по современным нормам орфографии и пунктуации, с сохранением ряда характерных особенностей языка XVIII – начала XIX века.

Список сокращений

Державин – Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. I – IX. СПб., 1864 – 1883 / Т. I: 1864; Т. II: 1865; Т. III: 1866; Т. IV: 1867; Т. V: 1869; Т. VI: 1870; Т. VII: 1872; Т. VIII: 1880; Т. IX: 1883.

Державин. Записки – Державин Г.Р. Записки. 1743 – 1812. Полный текст. М., 2000.

Державин. Рассуждение. Ч. 3 – Западов В.А. Работа Г.Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // Русская литература XVIII века в ее связях с литературой и искусством. XVIII век. Сб. 15. Л., 1986. С. 229 – 282.

Державин. Рассуждение. Ч. 4 – Западов В.А. Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г.Р. Державина // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 290 – 318.

Десницкий – Десницкий В.А. Из истории литературных обществ начала XIX века: 1. Журналы «Беседы любителей русского слова». 2. Из истории «Вольного общества любителей наук, словесности и художеств» // Десницкий В.А. Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958. С. 92 – 191.

Долгова – Долгова С.Р. Державин и его окружение в документах Российского государственного архива древних (ф. 1478, Капнист – Львовы) // Г.Р. Державин и его время. Сборник научных статей. Вып. 4. СПб., 2008. С. 187 – 217.

Жихарев – Жихарев С.П. Записки современника. М.-Л., 1955.

КФЖ – Камер-фурьерский церемониальный журнал на 1796… 1816 годы. СПб., 1897 – 1915.

Кукушкина – Кукушкина Е.Д. Стихотворные послания Державину. (По рукописным материалам Российской национальной библиотеки) // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. С. 149 – 182.

Львова. Записки – Кукушкина Е.Д. «Записки» Прасковии Николаевны Львовой // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 262 – 297.

Материалы – Морозова Н.П., Шаталина Н.Н., Егоров С.К. Материалы к описанию библиотеки Г.Р. Державина // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 235 – 287.

ОД – Объяснения Державина на его сочинения // Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т III. СПб., 1866. С. 589 – 728.

Примечания – Кононко Е.Н. Примечания о сочинениях Державина // Вопросы литературы / Республиканский межведомственный научный сборник. Львов. 1973. Вып. 2; 1974. Вып. 1; 1975. Вып. 1.

Материалы к хронике «званской жизни» Г.Р. Державина

1796

29 сентября, Петербург. В письме Г.Р. Державина давнему другу П.А. Гасвицкому[324] впервые упоминается пребывание в Званке: « <…> однако куликов твоих присылай, ибо вспоминая твою званскую стрельбу, все их мои домашние аппетитно кушать готовятся» (VI, 57).

1797

28 июня, Петербург. Державин сообщает В.В. Капнисту о намерении ехать в Званку: « <…>. Наступает месяц сенатского гулянья; то мы с Дарьей Алексеевной либо в Ревель, либо на Званку поедем» (VI, 69)[325].

7 августа. Державин обращается с письмом к генерал-прокурору Сената кн. А.Б. Куракину: «Вследствие словесного моего с вашим сиятельством объяснения, по Всемилостивейшему позволению пользоваться летними месяцами на основании Генерального регламента, отлучусь я на несколько дней, сего августа Новгородского уезда в

---

[324] О П.А. Гасвицком см.: *Державин,* VI, 454; Грот К.Я. Кто автор сатиры на первых министров Александра I ? Из материалов по изданию Державина К.Я. Грота (Предоставлено академиком П.Н. Сакулиным) // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд. Общественных наук.1931. № 1. С. 78.

[325] В Ревель Державины, видимо, не поехали; в письме В.В. Капнисту от 7 июля поэт сообщает: «Граф и графиня (Стейнбоки – *Е.М.*) доехали в Ревель благополучно <…>» (III, 70). Сестра Д.А. Державиной Екатерина Алексеевна была замужем за графом Я.Ф. Стейнбоком.

деревню мою Званку, лежащую от Петербурга во 115 верстах. О чем вашего сиятельства почтеннейше прошу в случае какой-либо непредвиденной надобности приказать дать знать в моем доме, то я немедленно явлюся» (Вестник образования и воспитания. 1916. [№ 5/6]. Май/Июнь. С. 313 – 314. Публ. Л. Ильинского).

9 августа. Державин – В.В. Капнисту: «Мы едем сегодня на Званку (на неделю), которую купили» (VI, 72).

10 – 17 августа. Державины живут в Званке.

26 октября. Совершена окончательная купчая[326] между Н.А. Дьяковым, действовавшим по доверенности от лица матери А.П. Дьяковой, и Д.А. Державиной, по которой Званка стала собственностью супруги поэта.

1798

5 июня, Петербург. Державин – П.А. Гасвицкому: «Вот, братец Петр Алексеевич, тебе письмо к губернатору. Еду на Званку <…>» (VI, 81).

Июнь, Званка. Державин создает оды:

«Арфа» (II, 189 – 194).

ОД: «Соч. на Званке 1798 Пелагее Михайловне Бакуниной» (III, 717).

П.М. Бакунина – двоюродная сестра Д.А. Державиной, хорошо игравшая на арфе. Стихотворение написано под впечатлением от исполнения ею одного из произведений, вошедших в сборник «Торжественное всерадостных и благодарных чувствований изъявление его императорскому величеству Павлу Первому <…> во время <…> пришествия <…> в царственный свой град Казань <…> подносимое от

[326] ГАНО, ф. 531, оп. 2, д.783, л. 4 – 5.

новоучрежденной Казанской академии[327] 1798 года» (М., [1798]. 34 с.)[328]. Сборник включал стихотворные сочинения на русском, латинском и греческом языках, с приложением нот. Он сохранился в архиве Державина[329].

«Цепи» (II, 195 – 197).

ОД: «Соч. на Званке 1797 по случаю потери Анной Михайловной Бакуниной[330] золотой цепочки во время езды ее на Званку» (III, 718).

В рукописи «Анакреонтических песен» указана дата: «1798» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 7, л. 150 об.). В прим. Я. Грота: «Написано в июле месяце на Званке <…>» (II, 195). Это первая ода, в которой поэт говорит о своем имении Званка: «И чем в Петрополе, будь счастливей на Званке».

«Похвала сельской жизни» (II, 165 – 171).

ОД: «Подражание Горацию, эподов второй оде; писана в Пб. 1798, напеч. в изд. 1808; соображена с русскими обычаями и нравами» (III, 666).

Точные даты пребывания Державиных в Званке в 1798 году неизвестны.

1799

Весна, Петербург. Державин пишет «Пролог на рождение в Севере порфирородного отрока, почерпнутый из древнего варяго-русского баснословия» (IV, 34 – 46), действие которого происходит на берегу Волхова.

---

[327] В конце 1797 года Казанская семинария стала академией.

[328] Дата цензурного разрешения в издании не указана.

[329] РО РНБ, ф. 247, т. 22, № 45; т. 25, № 48 – 49. См. также: Материалы к описанию библиотеки Г.Р. Державина. С. 277. № 295. В рукописях стихотворения в одном случае в дате написания указан май, в другом – июнь.

[330] А.М. Бакунина – двоюродная племянница Д.А. Державиной.

Большую часть лета (вторая половина июня – конец августа) 1799 года поэт проводит в Белоруссии, куда был командирован Павлом I (указ от 15 июня 1799 года) для разбора жалобы на владельца Шклова С.Г. Зорича.

Сведений о посещении Званки в этом году не сохранилось.

1800

4 февраля, Петербург. Державин пишет управляющему Званкой Ивану Архиповичу Обалихину письмо с хозяйственными распоряжениями относительно незаконной рубки леса «балковыми [331] крестьянами», просьбой прорубить просеки «и тем отделить нашу дачу от прочих, дабы избежать чрез то всяких ссор, по лесам и по лугам бываемых», интересуется, «не нужно ли будет <…> на Званке, сверх того, который свой вырубится, какой лес, доски и прочее <…>». (VI, 86 – 87).

12 марта. В письме к управляющему Званкой И.А. Обалихину Державин высказывает свои соображения относительно того, каких крестьян можно использовать на сезонных работах в Званке (VI, 95 – 96).

29 апреля. Г.Р. Державин в письме И.Я. Блудову просит, чтобы его пряхи напряли «несколько шерсти» для фабрики в Званке (VI, 102 – 103).

30 апреля. Державин пересылает управляющему Званкой Обалихину жалобу на последнего званских ямщиков и просит его «осторожнее быть» в своих поступках с ними (VI, 103).

---

[331] Примеч. Я. Грота: «Одним из соседей Державина по Званке был майор Николай Алексеевич Балк, у которого в 1806 году и был прикуплен участок земли на имя Дарьи Алексеевны» (VI, 857).

10 июня. Державин пишет записку в Москву «служителю графа Чернышева Филиппу Золотову», которому дает следующее поучение: «Сходи к Николаю Алексеевичу Дьякову, живущему за Красными воротами в собственном доме, и пришли от него сделанные медные для меня котлы, о коих я тебе прежде писал, и отправь их с теми извозчиками, с которыми он прикажет до Твери и вели с ними остановиться в Ямской слободе и отдать их тому человеку на руки, кому прикажет Александр Михайлович Бакунин, коего предуведомь ты прежде о посылке сих котлов и к которому числу они прибудут, адресовав к нему письмо таким образом: Его высокоблагородию Милостивому Государю Александру Михайловичу Бакунину в Торжке. Тем же извозчиком дай от себя к нему другое письмо, в котором имянно напиши, во сколько мерою котлы, окружностию и вышиною и сколько ведер в себя помещают, дабы извозчики их не переменили, а также, сколько им Николай Алексеевич задатка даст за провоз в Москве и сколько доплатить им Александру Михайловичу в Твери, обо всем его обстоятельно уведомь» (РНБ, ф. 247, т. 16, л. 1).

Г.Р. Державин – А.М. Бакунину: «Служитель графа Чернышова Филипп Золотов отправит на имя ваше в Тверь два котла медных, сделанные для меня в Москве, покорнейше прошу кому-либо из ваших приятелей или, послав нарочного человека к тому числу в Тверь, как он вас предуведомит, приказать принять их и отправить ко мне водой на Званку, лежащую на берегу реки Волхова в Новогородском уезде, на каком-либо мимо идущем судне; а что вы в задаток заплатите и за провоз доплатите по письму Золотова из Москвы прошу меня уведомить, которые с благодарностию вам возвращу» (РНБ, ф. 247, т. 16, л. 47 – 47 об.).

Державин – Н.А. Дьякову: «Благодарю вас за сделание котлов, покорно прошу нанять для свозу их извозчиков и, дав им задаток, прикажите служителю графа Чернышова

отправить их в Тверь, а остальные деньги получат они там от Александра Михайловича Бакунина, к которому я писал, сим меня обяжете» (РНБ, ф. 247, т. 16, л. 47 об.).

Большую часть лета и осени этого года поэт проводит в Белоруссии, куда был командирован императором Павлом I указом от 16 июня 1800 года (VI, 385) с целью разобраться в причинах голода и бедственного положения крестьян. Выехал Державин 19 июня (см. его письмо П.А. Палену: VI, 119), а возвратился в начале октября.

21 июня, Новгород. В письме Д.А. Державиной поэт сообщает, что в Званку он не заехал, и добавляет: «что мне там без тебя делать?» (VI, 120).

1801

1 января, Петербург. Державин пишет письмо новгородскому губернатору С.Ф. Обольянинову, в котором просит его обратить внимание «на просьбы от крестьян <…> дошедшие» (VI, 126 – 127).

Точные даты пребывания Державина в Званке в 1801 году неизвестны.

Званка. Державин пишет оду **«Тишина»** (II, 367 – 368), в которой излагает свое новое (анакреонтическое) амплуа, говоря в последней строфе: «Я пою, – Пинд стала Званка <…>».

О*Д:* «Писана на Званке 1801» (III, 720). В заставке к этой оде поэт первоначально хотел представить «ночью при луне фасад дома на Званке; перед ним в лесу Анакреон играет на лире; большая река и за нею дальность» (II, 367).

1802

Точные даты пребывания Державина в Званке в 1802 году неизвестны.

Званка. Державин пишет оды:

«К царевичу Хлору» (II, 405 – 412).

ОД: «Соч. на Званке 1802, напеч. 1803 на особых листках <…>» (III, 681).

«Гимн солнцу» (II, 413 – 418).

ОД: «Соч. на Званке 1802 и принадлежит к предыдущему сочинению; напеч. первый раз вместе 1803 <…>»[332] (III, 683).

«Лизе. Похвала розе» (II, 419 – 423).

ОД: «Соч. на Званке 1802 в честь племяннице автора Елисавете Николаевне Львовой. Подражание Анакреоновой 53-й оде. *Примечание*: Музыка должна быть для гитары и разложена так, чтоб после каждого куплета были припевом сии четыре стиха: «Лиза, друг мой милый, юный! Розе глас свой посвящай, На гитаре тихострунной Песнь мою сопровождай» (III, 719).

«Охотник» (II, 427 – 428).

ОД: «На Званке Михайле Петровичу Яхонтову[333]. <…> Г. Яхонотов увидел двух девиц, приехав в гости к автору, влюбился – и по сему случаю песнь сия сочинена» (III, 720).

«Хмель» (II, 439 – 440).

---

[332] Державин Г.Р. Послание индейского брамина и Гимн Солнцу. СПб., 1803. (Было напечатано два варианта идания: с иллюстрациями и без них, на простой бумаге). См. также: Морозова Н.П. О стихотворении Г.Р. Державина «К царевичу Хлору» // Н.А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 58 – 65.

[333] Двоюродный брат Д.А. Державиной. В его владении было село Антоньево, находившееся неподалеку от Званки.

ОД: «Соч. в Званке 1802. Подражание его (Анакреона – *Е.М*) 26-й оде» (III, 719).

«Анакреоново удовольствие» (II, 441 – 442).

ОД: «Соч. на Званке 1802; подражание Анакреоновой 36-й оде» (III, 719).

«Мореходец» (II, 443 – 444).

ОД: «Соч. на Званке 1802» (III, 719).

«Махиавель» (II, 445 – 446).

ОД: «На Званке 1802. Писано по случаю примеченных автором принятых сего писателя правил» (III, 719). Я. Грот поясняет: «Эти слова Державина обнаруживают неудовольствие, возбужденное в нем, вероятно, тем, что по возвращении из Калуги, куда он ездил на следствие, назначен был, впрочем, по собственному его желанию, комитет для поверки его действий во время этой командировки» (II, 445 – 446).

«Деревенская жизнь» (II, 447 – 448).

ОД: «Соч. на Званке 1802» (III, 720).

1803

Июнь, после 5. Державины уезжают в Званку.

«В мае месяце в том году, то есть 1803-м, путешествовал государь в лифляндские губернии <…> Державин, будучи во время отсутствия императора отпущен в новогородскую свою деревню Званку на месяц, не мог за болезнию к приезду государя возвратиться <…>» (Державин. Записки, 247 – 248).

Согласно Камер-фурьерским журналам, Державин в мае находился в Петербурге (отмечено его присутствие на различных церемониях 8, 16 и 21 мая), 5 июня он принимает участие в заседании «непременного Комитета» (КФЖ на 1803. Декабрь – июнь. С. 337, 372, 391, 428).

Июнь, Петербург. В связи с отъездом Державина в Званку А. Котельницкий пишет стихотворение «На отъезд благодетеля в деревни» (Новости русской литературы на 1803 год. М., 1805. Ч. 7. С. 45 – 47; *Кукушкина,* 163; Приложение II к наст. публикации).

Июнь, Званка. Державин в подражание Горацию пишет оду **«К Скопихину»** (II, 451 – 456).

ОД:«Писано на Званке 1804, <…> подражание Горациевой, II-й книги, оде 2-й» (III, 689 – 690). Примеч. Я. Грота: «В *Объяснениях* Державина эта пьеса отнесена к 1804 году, но на первоначальной ее рукописи ясно выставлен 1803, что согласно и с обстоятельствами, на которые указывает текст. Это единственное произведение Державина в должности министра, которую он занимал в этом году» (II, 451).

Июль, начало. Державин возвращается в Петербург.

Начиная с 7 июля он принимает участие в еженедельных заседаниях «непременного Комитета» (КФЖ на 1803. Июль – декабрь).

1804

5 июня, Петербург. Державин – И.И. Дмитриеву: «Ежели захотите, то письма свои ко мне адресуйте в Чудов Ям к почталиону, ибо я лето целое проживу в деревне, называемой *Званка*, в Новогородском уезде» (VI, 154).

Начало июня. Евграф Озеров отправляет Державину письмо со стихами на отъезд поэта в Званку (Прилож., III).

Июнь, после 16 [334] **.** Державин уезжает в Званку.

---

[334] 16 июня Г.Р. Державин в Петербурге подписывает дарственную Е.С. Миллер, жене своего двоюродного племянника П.Н. Миллера, на 20 десятин земли и крепостных крестьян в селе Астраханка Лаишевского

2 июля, «деревня Званка». Державин пишет письмо Д.И. Хвостову, в котором благодарит его за оду «К барду»[335] и обещает прислать экземпляр «Анакреонтических песен» (СПб., 1804): «Вы подлинно угадали, что по ошибке отправлявшего Анакреонтические мои песни, вам экземпляра не доставлено; но я ныне же приказал исправить ту погрешность и оный к вам отправить, который вы по почте из Петербурга получите; ибо я ныне живу в деревне в Новогородском уезде; а потому, видно, и письмо ваше умедлено ко мне доставлением» (VI, 155).

Вторая половина июля. Державины приезжают в Петербурге «для свадебных праздников императорских» (бракосочетание Марии Павловны с великим герцогом Карлом Фридрихом, состоявшееся 22 июля).

25 июля, Петербург. Г.Р. Державин посылает Д.И. Хвостову оду **«Волхов Кубре»** (II, 483 – 487)[336], написанную в Званке.

ОД: «Писана на Званке в 1804 или 1805 году, напечатана в первый раз в московском журнале <…>. Кубра, река, протекающая в деревне графа Д.И. Хвостова, который писал в похвалу автора высокопарную оду под именем волховского барда, или стихотворца; то автор и ответствовал сею одою от имени реки Волхова к реке его, Кубре» (III, 687). «К началу: При лунном свете фасад званского дома,

---

уезда Казанской губернии (РНБ, ф. 247, т. 19, л. 2). Об этом деле см.: Дзюбанов С.Д. Завещание Дарьи Алексеевны Державиной // Г.Р. Державин и его время. Сб. научн. трудов. Вып. 2. С. 214 – 215.

[335] Опубл. в журнале «Друг просвещения» (1804. Ч. 3. № 7. Июль. С. 11 – 12).

[336] Впервые опубл.: Друг просвещения. 1804. Ч. 3. № 9. Сентябрь. С. 192 – 193.

пред которым по берегу Волхова лямками тянут барку. К концу: Пастушок, играющий на свирели» (III, 688)[337].

30 июля. Державин – В.В. Капнисту: «С начала весны не мог к вам пуститься в Малоруссию, потому что со стороны моих недоброжелателей открывались некоторые шиканы по опеке покойного Зорича; а для того ждал последствия, также и по прочим внушениям; но, слава Богу и Государю, мы здоровы, веселы, прожили все лето в деревне и завтре опять туды едем до сентября, а может быть, если время будет хорошо, и долее. <…>» (VI, 155 – 156).

31 июля. Державины возвращаются в Званку.

13 августа, Званка. Державин пишет письмо А.П. Квашниной-Самариной, напоминая ей о ее долге графине Е.Я. Мусиной-Пушкиной Брюс, опекуном имений которой он был (VI, 157 – 158).

Державин в письме А.А. Саблукову напоминает ему о его долге гр. Е.Я. Мусиной-Пушкиной Брюс (РНБ, ф. 247, т. 15, л. 91).

21 августа. Державин получает два письма от гр. Е.Я. Мусиной-Пушкиной Брюс, в которых она благодарит его за «все оказанные благодеяния» (VI, 158 – 159).

22 августа. Державин сообщает министру юстиции кн. П.В. Лопухину, что гр. Е.Я. Мусина-Пушкина Брюс, возвратившаяся «из чужих краев», вступила сама, по просьбе его, в управление своими имениями (VI, 159).

29 августа, Петербург. Кн. П.В. Лопухин отправляет Державину письмо, в котором сообщает, что император

[337] Гравированные заставки по этой программе была впервые созданы Е.В. Гогенфельденом и напечатаны в «Сочинениях Державина с объяснит. примеч. Я. Грота» (II, 483, 487).

«высочайше соизволил» по желанию поэта уволить его «от попечительства над имениями графини Мусиной-Пушкиной Брюс» (VI, 160).

Губернский секретарь Семен Полидоров адресует Державину стахотворную просьбу о помощи в приискании места, которая, вероятно, была получена в Званке (*Кукушкина,* 175; РО РНБ, ф. 247, т. 27, л. 70 – 71 об.).

30 или 31 августа, Званка. Державин пишет письмо своему шурину Н.А. Дьякову, в котором сообщает о недовольстве им графини Е.Я. Мусиной-Пушкиной Брюс в связи с ее хозяйственными делами (VI, 160 – 161).

3 сентября. Державин – В.В. Капнисту: «Мне весьма приятен отзыв твой, коим ты одобряешь доклад и состав третейского суда [338]. Бог знает, какое лучше усердие можно было показать отечеству на посту моем, чтобы отправлялося скорое и беспристрастное правосудие, как не сим способом; также и организация Сената, совокупленная с обрядом канцелярским, который, было, я изготовил, много б споспешествовала к управлению государственных дел; но, видно, Богу не угодно было излечить нас от ябеды. Все ее защищают, как и на театре твою играть не дают; о чем уже я тебе писал; хотя ты и пеняешь мне, что будто я к тебе не пишу, но я и самую к тебе твою комедию послал. Мы свое дело сделали. Пусть потомство увидит, что мы, ты на моральном, а я на физическом театре шли против ябеды, хотя и не были братьями, а свояками; ибо пословица говорит; «два брата на медведя, а два свояка на кисель»; но двое друзей сто́ят двух братьев, как и ябеда сто́ит медведя, и она нас преодолела. Как быть: уши выше лба не растут. – Что касается до моих сочинений, то это весьма правда, что они в печати изгажены, изуродованы; но никто в мои

[338] «Проект Устава третейского совестного суда. 1801» (VII, 348 – 376).

хлопоты не вступился. Даю тебе честное слово, что вперед не отдам ни под чье смотрение, кроме тебя, сего дела: ежели ты вступишься в мое сиротство, то много меня одолжишь. Но я не знаю, как это сделать: тебя со мною нет, а прислать к тебе, – что ты с ними будешь делать? Ибо у вас и типографии нет, не говоря уже о граверах. Хочу послать в Лейпциг (ибо в Англии уже были), но не знаю, как это сделать и кому поручить. Уведомь меня, что ты об этом думаешь. Кроме Анакреонтических, два тома у меня готовы, начисто переписаны, а третий начал сбирать, итак с Анакреонтическими, полагая их исправить, будет четыре. <…> Мы все время <…> прожили на Званке весьма приятно; в исходе сего месяца или в октябре возвратимся в Петербург, а там посмотрим и расположим, где будущее лето жить. <…>» (VI, 161 – 162).

В 1804 году Державин пишет в Званке оды:

«Весна» (II, 478 – 482), «в некоторых частях своих, особливо же вначале представляет подражание Горацию» (II, 478), «написана по случаю приглашения к Львову [339] в загородный дом 1-го мая» (II, 480).

ОД: «Соч. в Званке 1805 <…>» (III, 693). В рукописях эта ода, по сообщению Я. Грота, датирована 1804 годом, под которым им и напечатана.

«Маневры» (II, 488 – 491).

Примечания: «Писана сия ода в 1804 году по случаю военных экзерциций при императоре Александре <…>» (1975, 1,118).

ОД: «Писано на Званке 1805 <…>» (III, 691 – 692). Я. Гротом эта ода напечатана под 1804 годом.

---

[339] Имеется ввиду Федор Петрович Львов (1766 – 1836), женатый в то время на племяннице Д.А. Державиной Надежде Ильиничне (в девичестве Березиной).

«Оленину» (II, 492 – 497).

ОД: «Соч. на Званке 1804 или 1805 <…> » (III, 688).

Создает «театральное представление с музыкою, в пяти действиях» **«Добрыня»** (IV, 47 – 128)[340].

ОД: «Соч. на Званке 1804» (III, 727).

Сентябрь, середина. Державин приезжает в Петербург.

15 сентября, в день коронования императора Александра I поэт в числе 55 персон обедает в Большом зале Екатерининского дворца (КФЖ на 1804 год. Июль – декабрь, 228).

Возможно, вторую половину сентября – начало октября Державин проводит в Званке.

11 октября, Петербург. Державин – Д.И. Хвостову: «Извиняюсь пред вашим превосходительством, что на письмо ваше от 11 августа по сию пору не отвечал. Причины тому были разные: и нездоровье мое, и переезды. Теперь же приехал в Петербург <…>» (VI, 163).

1805

Начало мая. Державины уезжают в Званку.

8 мая, «на Званке». Г.Р. Державин в письме секунд-майору Н.А. Балку обсуждает цену на продаваемые тем землю в Званке и деревню Дымна (РНБ, ф. 247, т. 15, л. 97 – 97 об., черн. автогр.)

В письме Петру Ивановичу (фамилия не указана – *Е.М.*) поэт сообщает о неудачном торге с Балком (Там же. Л. 103).

---

[340] См.: Демин А.О. «Театральное представление с музыкою “Добрыня”» Г.Р. Державина и одноименная «героическая» песнь Н.А. Львова // Н.А. Львов и его современники: люди литературы и искусства. СПб., 2002. С. 52 – 57.

16 мая, Званка. Державин – Д.И. Хвостову: «Я поздравляю вас с переводом Боаловой науки поэзии[341]. Мысли чисто, кратко и сильно сказаны, и, сколько я припомнить могу, это весьма близко к автору; ибо некогда, с помощью одного моего приятеля, я делал было в том опыт, но, не успев, изодрал и предал огню. Мог бы я по желанию вашему прислать кое-какие мои пьесы для помещения в журнал[342] ваш; но признаюсь вам, что не весьма хочется; ибо, предпринимая скоро издать полное собрание моих кропаний, думаю набить тем читателям оскомину и сделать от них отвращение. Стихи, как конфекты, скоро приедаются» (VI, 168).

31 мая, Званка. Державин – Д.И. Хвостову: «Милостивый государь мой, граф Дмитрий Иванович. Сейчас получил письмо вашего сиятельства от 15 текущего месяца. Усерднейше за оное благодарю. Из него я вижу, что преосвященный Евгений новгородский требует моей биографии. Охотно желаю познакомиться с сим почтенным архипастырем. Буду к нему писать и попрошу его к себе. Через 30 верст, может быть, и удостоит посетить меня в моей хижине. Тогда поговорю с ним о сей материи лично; ибо не весьма ловко самому о себе класть на бумагу, а особливо некоторые анекдоты, в жизни моей случившиеся. Касательно же литературы, то по случаю, мимоходом, некоторые краткие черты сообщил я гр. А.И. М.-Пушкину. Со временем дополнить можно, а вам вот что скажу:

Кто вел его на Геликон
И управлял его шаги?
Не школ витийственных содом:
Природа, нужда и враги.

---

[341] Изд.: Буало-Депрео Н. Наука о стихотворстве: Поэма дидактическая в четырех песнях. Пер. с франц. граф Дмитрий Хвостов. СПб., 1808.

[342] «Друг просвещения» (1804 – 1806), выходил в Москве, в числе издателей был Д.И. Хвостов.

Объяснение четырех сих строк составит историю моего стихотворства, причины оного и необходимость <…>» (VI, 169 – 170).

6 июня, «на Званке». Державин пишет доверенность «старосте белорусских деревень» Федору Бобину на поиск в Риге двух беглых крестьян и письмо А.Д. Тележникову, служащему в Лифляндии, с просьбой оказать содействие последнему (VI, 373; РНБ, ф. 247, т. 15, л. 105).

22 июля, Петергоф. Державин обедает у императрицы Марии Федоровны в Петергофе, куда приглашен по случаю тезоименитства ее и великой княжны Марии Павловны (КФЖ на 1805 год. Июль – декабрь. С. 63).

Даты приезда Державина в Петербург и возвращения в Званку неизвестны.

24 августа, Хутынь. Державин посещает в Хутынском монастыре епископа Евгения.

Епископ Евгений – Д.И. Хвостову (30 сентября 1805 года): «Я убедил Гаврилу Романовича (который был у меня в Хутыне 24 августа и ночевал), чтобы он написал хотя краткую поему о Новегороде <…>» (Переписка Евгения с Г.Р. Державиным. Чтение Я.К. Грота // Сборник Отделения русского языка и словесности. Ч. V. Вып. 1. СПб., 1868. С. 71).

В мае – сентябре 1805 года в Званке Державин создает оды:

«Цирцея» (II, 535 – 539).

Примечания:«Кантата сия славного лирика франц. господина Руссо. Переведена в 1804 году для опыта: какое сходство имеет русский язык с французским в изображении сильных страстей и мрачных картин природы» (1975, 1, 121).

ОД: «Переведена с французского на Званке 1806 <…>. Сочинена Жан-Баптистом Руссо» (III, 688). Здесь дата указана неточно, в 1805 году Державин отправил перевод

«Цирцеи» и «Девы за арфою» издателю «Вестника Европы» М.Т. Каченовскому (III, 536, 741). Ода впервые была опубликована в феврале 1806 года («Вестнике Европы». Ч. 25. № 3 (февраль). С. 164 – 167).

«Дева за арфою» (II, 540 – 543).

Примечания: «Г-на Шиллера (часть I, ода 3). Переведена с немецкого в 1804 году для такого же опыта, как предследующая» (1975, 1, 121).

ОД: «Переведена с немецкого на Званке 1806, сочинение г. Шиллера <…>» (III, 688). Дата указана неточно, ода была опубликована в апреле 1806 года («Вестник Европы». Ч. 26. № 7 (апрель). С. 175; под заглавием «Дева за клавесином»).

«Лето» (II, 544 – 545), адресована Дмитриеву, который послал поэту ответное стихотворение (II, 546).

ОД: «Писано на Званке 1805 <…>» (VI, 696).

«Мщение» (II, 550 – 551).

ОД: «Соч. на Званке 1805. <…>» (III, 721).

«Чечотка» (552 – 553).

ОД: «Соч. на Званке 1805» (III, 721).

«Осень» (II, 554 – 556).

ОД: «Писана на Званке в том же году <…>» (VI, 696).

«Четыре возраста» (II, 557 – 558).

ОД: «Писана на Званке 1805 <…>» (III, 696).

«Пиндарова олимпическая первая песнь» (II, 559 – 569).

ОД: «Переведена на Званке 1806 с тех же авторов немецких, как и вышеписанная пифическая ода[343]; на

[343] «Первая песнь Пиндара пифическая» (II, 329 – 341).

одержание победы того же сиракузского короля Хирона <Гиерона> в ристалище конем его, победоносным, или Фереником называемым» (III, 705). Я.К. Грот, опубликовавший эту оду под 1805 годом, пишет: «Перевод Державина стоил ему, как показывают рукописи, много труда и потребовал нескольких редакций, из которых первоначальные были проще позднейших» (II, 560).

1 сентября. Державин пишет письмо в Петербург Логину Сергееву (служившему в доме поэта на Фонтанке), в котором, помимо прочих поручений, дает такие: «Заблаговременно в хорошую погоду осмотри баню, и чтоб пар не уходил, то надобно завалины хорошенько и потолок усыпать землею и окошки уконопатить. <…> Делают ли нашу решетку к дому?» (Русская старина. 1873. № 11. С. 729 – 730).

Конец сентября. Державины возвращаются в Петербург.

1 октября поэт представляется по случаю возвращения императрице Марии Федоровне в Таврическом дворце (КФЖ на 1805 год. Июль – декабрь. С. 230).

1806

Январь. Державины приобретают деревню Дымна (РНБ, ф. 247, т. 15, л. 98 – 99).

24 мая, Петербург. Г.Р. Державин – П.И. Гасвицкому (в Курск): «Письма ко мне пишите в Новгород на Званку, куды я на сих днях отправляюсь» (РНБ, ф. 247, т. 11, л. 82).

Май, после 24. Державины уезжают в Званку.

Май – июль, Званка. Державин пишет «детскую комедию в одном действии, с хорами» **«Кутерьма от**

Кондратьев», действие которой происходит в Званке (IV, 193 – 210).

ОД: «Соч. и представлена на Званке 1806 году <…>. *Примечание.* Сия домашняя комедия сочинена для детей по случаю, что у автора случились вдруг в служителях три Кондратья, из которых один камердинер, другой садовник, а третий музыкант; и как они при одном случае, находясь в услуге, перемешались, то автор и написал сию комедию. В Петербурге она сделала некоторый шум, ибо думали, что она сатира на министров, которых называли Кондратьями и кои не знали своих должностей и кто из них был первый. Сия комедия была представлена племянницами автора Львовыми, которые приехали в самом деле погостить к автору для его именин» (III, 728).

13 июля. Именины Державина. Племянницы поэта «представляют» комедию «Кутерьма от Кондратьев».

Июнь – август. Державин создает «героическое представление в четырех действиях, с хорами и речитативами» **«Пожарский, или освобождение Москвы»** (IV, 129 – 192).

ОД: «Соч. на Званке 1806 <…>» (III, 727).

Июль. Державин «денно и нощно» пишет объяснения по делам, связанным с командировкой 1800-го года в Шклов.

3 августа, «сельцо Званка». Державин – Е.И. Горихвостовой[344]: «Милостивая государыня моя, Елисавета Ивановна. Наконец, письмо ваше получили. Слава Богу, что вы живы и здоровы. А мы уже думали, что Бог знает что с вами сделалось: не простудились ли, ехав водою, и не больны ли. Ни слуху от вас, ни вести не было. Я и во сне бредил, чтоб ехать к вам; ссылаюсь в том на Дарью

[344] Елизавета Ивановна Горихвостова – тихвинская помещица, хорошая знакомая Державиных.

Алексеевну и Александру Михайловну [345]. Но от вас посланного не было, и погода по самые мои именины, то есть 13 число июля, так была дурна, что на двор шагу боялся сделать, чтоб по слабости моего здоровья не простудиться; но к тому самому времени вельможи, мои приятели, такую было сколбали мастерскую штуку и беду на меня, что удивления достойно! Однако мой Государь, спасибо ему, прислал ко мне и позволил объясниться: то теперь, с помощию Божиею, надеюсь, что в яму, которую на меня копали, сами попадут и провалятся, – разве Государь по милосердию своему помилует. Итак, теперь около уже месяца занимаюсь этим делом и работаю денно и нощно, так что, в жаркие дни особливо, голова кружилась: то не до гостей мне, милостивые мои государыни; извините, что за этим проклятым делом у вас быть не могу. Коль скоро отделаюсь, то должен буду ехать в Петербург и представить мои объяснения. <…> Разве продолжится хорошая осень и мы опять на Званку приедем, то не отрекаемся у вас побывать <…>» (VI, 180 – 181).

Начало октября. Державины находятся в Петербурге.

9 октября поэт (в числе 18 персон) обедает у императрицы Марии Федоровны в Гатчине (КФЖ на 1806. Июль - декабрь. С. 221).

1807

4 мая, Петербург. Державин присутствует на литературном вечере у А.С. Хвостова.

5 мая, воскресенье, Петербург. С.П.Жихарев записывает в своем «Дневнике»: «Вчерашний литературный вечер А.С. Хвостова был последним из литературных вечеров, и до осени их более не будет. Гаврила Романович уезжает в свою Званку, на берега Волхова, и хочет на досуге

[345] Бакунину.

заняться стихотворным описанием сельской своей жизни. “Лира мне больше не по силам, – говорит он, – хочу приняться за цевницу”. Но, кажется, что он только так говорит, а думает иначе и при первом случае не утерпит, чтоб опять не приняться за оду; как бы человек в силах не ослабел, он не может идти наперекор своему призванию. “Гони природу в дверь – она влетит в окно”» (*Жихарев,* 497).

10 мая, пятница, Петербург. С.П. Жихарев делает запись в своем «Дневнике»: «Гаврила Романович уезжает завтра и что-то очень невесел; впрочем, говорят, что он и всегда таков перед отъездом, потому что не любит суеты, неразлучной с сборами в дорогу. Мне жаль сердечно старика: прощанье с ним навело меня на грустные размышления об одиночестве, которое ожидает меня до будущей осени: кажется, что без него я совсем осиротею <…>» (*Жихарев*, 507).

11 мая, суббота. Державины уезжают в Званку.

Май, Званка. Державин пишет оду **«Евгению. Жизнь Званская»** (II, 632 – 645).

ОД: «Писана на Званке 1807 в мае месяце <…>» (III,707).

10 июня. Державин выполняет просьбу Евреинова о присылке доверенности, содержавшуюся в письме от 3 июня, в котором речь идет о залогах поэта по московскому и оренбургскому винным откупам.

На письме Евреинова (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 50) рукою Державина сделана помета: «По сему доверенность послана к Василью Петровичу Рычкову, а также и приложение к нему ж отправлено 10 июня 1807 года».

15 июня, Петербург. Умирает Мария Алексеевна Львова, сестра Дарьи Алексеевны Державиной. Державины уезжают из Званки в Петербург.

1 июля. Державины возвращаются в Званку. Державин – И.Ф. Соломке[346]: «Государь мой Иван Филимонович. Мы приехали на Званку и нашли ее, даже и теперь еще, всю в воде, так, что не было проходу лугом, ни от пристани до нас, ни от нас до Тырковой[347]; и потому и от Гудова[348] к нам проезду сухим путем нет, который хотя и может быть чрез некоторое время, но так взбудоражены и подняты мостовины, что разве пешему только пройти, а конному, не только в экипаже, и верхом едва ли можно. И для того мы принуждены были ехать до Холопья Полестья[349] и оттуды, несколько прошед пешком до реки Полестьи, – судном уже ехали сею рекою и Волховом до Званки, хотя, впрочем, и покойно, однако же дальновато; будет, думаю, верст с семнадцать. Я для того к тебе пишу о сем, чтоб ты потрудился и сходил к Александру Семеновичу Хвостову, который в Банке директором, и предуведомил его о сем; ибо он с компаниею хотели посетить меня; то чтоб не огорчились, увидя такую плохую дорогу. А вас прошу, ежели вы поедете ко мне, то бы с ними в одно время, и так бы распорядились, чтобы вы были им провожатым и предводительствующим от Гудова и дали наперед знать, к которому времени выслать к Холопьему Полестью лодку или судно покрытое, дабы им покойнее и безостановочнее ко мне приехать можно было, чем меня крайне обяжете <…>» (Губерти Н. Письма Г.Р. Державина к А.С. Хвостову и И.Ф. Соломке // Библиограф. 1885. № 1. Январь. С. 5. № 8).

3 июля. День рождения Державина.

---

[346] И.Ф. Соломка – секретарь канцелярии Сената, который в 1802 году сопровождал Державина во время его командировки в Калугу по делу губернатора Д.А. Лопухина (Державин. Сочинения, VI, 132).

[347] Соседка Державиных, имение которой Вергежа находилось в шести верстах от Званки.

[348] Вероятно, с. Гудалово.

[349] Ныне с. Радищево.

13 июля. Именины Державина. Поэта посещает епископ Евгений [350].

29 июля, Званка. Державин пишет письмо своему давнему другу П.А. Гасвицкому, в котором, в частности, сообщает: «<…> все мои сочинения с наступающего августа будут печататься в Петербурге» и говорит о необходимости «ключа», «особливого объяснения» как к отправленной ранее Гасвицкому оде («Афинейскому витязю»), так и ко многим другим своим сочинениям, прибавляя: « <…> я, слава Богу, здоров и поживаю теперь на Званке» (VI, 184).

13 августа. Родственник Львовых А.С. Козлянинов сочиняет стихотворение (акростих) «Гавриле Романовичу Державину» («жившему тогда в деревне своей Званке 1807 года»)[351].

24 августа, Хутынь. Епископ Евгений пишет письмо Державину, в котором благодарит «за обещание ландшафта Званского»: «Он наперед уже рисуется в воображении моем с самой лучшей стороны. Цицеронов Тускулан, Мантуа и Брундузий Виргилиевы, Сулмон Овидиев, Венуза Горациева – славны своими стихотворцами. Будет и Званка звонка вашими песнями так, как звонка она своим эхом. Сии два звона будут в потомстве вечевым колоколом для республики русских стихотворцев. Может быть, на том холме, под коим лежащего волхва поете вы в песнях, поставлен будет ваш истукан с такою, например, надписью:

Средь сих болот и ржавин
С бессмертным эхом вечных скал
Бессмертны песни повторял

---

[350] В письме от 26 июля 1807 своему знакомому Македонцу в Воронеж Евгений сообщает: «На прошедшей неделе ездил я к соседу Державину по Волхову <…>» (VI, 394, прим. 2).

[351] Опубл.: Морозова Н.П. О последнем стихотворении Г.Р. Державина // Русская литература. 2002. № 2. С. 164. (Первоначальный вариант стихотворения, датированный 19 апреля 1806 года).

Бессмертный наш поэт Державин.

Званская жизнь ваша уже напечатана в XVI нумере «Вестника». О сем я читал в полученных вчера «Московских ведомостях». Теперь и я в славе ваших сочинений одною черточкою буду известен потомству и за то искреннейшее благодарен, а Музу вашу опять прошу не предаваться сну и потешить хотя тысячью одною стихов подругу свою Званское Эхо. <…>» (VI, 394 – 395).

Август. Державин – епископу Евгению:

Чтоб лира так звонка была,
Как эхо Званки было звонко,
Потребно счастие не ломко
И звонка Клия мне твоя (VI, 395).

Осенью в Званке Державин создает оды:

«Поминки» (II, 666 – 667).

ОД: «Соч. на Званке 1807 на смерть покойной Марьи Алексеевны Львовой» (III, 723). В примеч. Я. Грота сказано: «Написано на Званке в сентябре <…> » (II, 666).

***8 сентября*. «Надежда на Бога».** Псалом 45 (II, 668 – 669). Положена на музыку С.Д. Нейкомом.

«Пис. сентября 8 дня 1807 года в Званке» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 3).

***27 сентября.* «Сетование».** Из псалма 101 (II, 670 – 671).

«На Званке 1807 сентября 27» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 4).

Оды «Сетование» и «Надежда на Бога» были изданы отдельной брошюрой: Державин Г.Р. Два псалма <…>; Положенныя на музыку и посвященныя ея величеству государыне императрице Марии Федоровне С.Д. Нейкомом. СПб., 1808.

***29 сентября.* «Проповедь».** Псалом 91 (II, 672 – 673).

«На Званке 1807 сентября 29» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 6).

***30 сентября.* «Благодарность».** Псалом 137 (II, 674 – 675).

«На Званке 1807 сентября 31» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 7).

***2 октября.* «Умиление».** Псалом 71 (II, 676 – 677).

«На Званке 1807 октября 2» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 5).

Октябрь, вторая половина. Державины возвращаются в Петербург.

20 октября поэт по приглашению императрицы Марии Федоровны присутствует на обеде (на 33 персоны), балу и ужине (на 58 персон) в Таврическом дворце (КФЖ на 1807 год. Июль – декабрь. С. 1068).

2 ноября, Новгород. Епископ Евгений – Державину: «О переписке нашей и о виде Званки я никому в Петербурге не сказывал, а догадываюсь, что синодский обер-секретарь Данилов, гостивший у меня в сентябре и видевший у меня изображение Званки, сказал таможенным, из коих есть и мои приятели. Таким-то образом вышли сии вести» (III, 187).

1808

Около 10 июня [352]**.** Державины уезжают в Званку.

В Званке поэт создает оды:

---

[352] 14 мая, 5, 6, 7 июня поэт, по-видимому, находясь в Петербурге, создает стихотворения, адресованные Н.Н. Колтовской: «Альбаум», «Посылка плодов», «Прогулка», «Задумчивость» (II, 683 – 688; ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 15 об. – 17).

«Цепочка», перевод стихотворения Гете «Mit einem goldenen Halskettchen», (II, 618).

ОД: «Писано на Званке 1808; перевод с немецкого» (III, 721).

В рукописи 4-го тома своих Сочинений Державин сделал помету: «1807, в феврале» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 8, л. 72 об.), относящуюся, вероятно, к началу работы над стихотворением.

«Признание» (II, 646 – 647).

ОД: «Соч. на Званке 1808» (III, 722).

24 июня, Новгород. Державин, занимаясь установлением границ своего владения в Званке, пишет письмо соседу по имению Петру Войновичу с просьбой разрешить сделать копию с принадлежащих тому «старинных» владельческих документов на эти земли (VI, 190 – 191).

3 июля, Званка. День рождения Державина.

4 июля. Державин пишет письмо Гасвицкому, в котором выражает сожаление по поводу невозможности помочь в его деле и, «будучи на Званке», лично просить за него (VI, 191, прим. 2).

13 июля. Именины Державина.

30 августа. Державин пишет письмо Н.Ф. Врасскому, в котором, не отказывая в денежной помощи, просит его подождать некоторое время. Письмо заканчивается словами: «Когда я возвращусь из деревни в Петербург, то можете мне поручить, ежели хотите, переговорить с г. Сперанским <…>» (VI, 847).

Начало октября. Державины возвращаются в Петербург.

8 октября поэт пишет П.А. Гасвицкому: «Приехав из Званки, нашел ваше письмо от 9 (?) октября в Петербурге» (VI. С. 191).

1809

Май, Петербург. Державин – А.С. Хвостову: «Сего дня увидел я в афише, что в пятницу будет представлена трагедия *Поликсена*[353], то покорно прошу уведомить меня, как вы расположитесь, после ли трагедии пожаловать ко мне на прощальный ужин по обещанию вашему? Или отложите до субботы, дабы я так и прочим нашим собеседникам повестил заблаговременно. Ежели вы поедете в театр, то покорно прошу и для меня взять билет на кресла, ежели можно подле вас» (Губерти Н. Письма Г.Р. Державина к А.С. Хвостову и И.Ф. Соломке // Библиограф. 1885. № 1. Январь. С. 4. № 6).

15 мая, суббота, Петербург. У Державиных состоялся «прощальный ужин» по случаю отъезда поэта в Званку.

Май, после 15.. Державины уезжают в Званку.

6 июня, Званка. Державин пишет письмо епископу Евгению в Вологду.

9 июня, Вологда. Епископ Евгений отвечает на письмо Державина от 6 июня из «достопамятной Званки», в котором цитирует Овидия, рассказавшего в 3-й книге «Превращений» историю нимфы Эхо, и добавляет: «<…> Званское Эхо также может упрекать своего любимого Барда, не пропевшего ему ни одного приветливого стишка». В письме также идет речь

[353] Трагедия В. Озерова «Поликсена» была «представлена» 14 мая 1809 года.

о гравюре с видом Званки: «Эстамп Званки[354] один только прислал мне архимандрит Серафим, и сам из Петербурга вовсе выехал в Тверь. Теперь я и не знаю, где искать прочих» (VI, 197 – 198).

19 июня, Званка. Державин начинает диктовать Е.Н. Львовой Примечания на свои «Сочинения» (Ч. 1 – 5. СПб., 1808 – 1816).

«Под диктатурой Автора начаты писать сии примечании на Званке 19 июня 1809 года» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 11. Тит. л. Ч. 1 «Сочинений» Державина (СПб., 1808)).

21 июня. Державин пишет стихотворение **«Пирамида»**, графически повторяющее форму пирамиды и предназначенное «для вписания в начале альбаумов» (III, 442).

«На Званке 1809 года июня 21 дня незапно моим детям сочинил Державин» (96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 43).

23 июня. Державин пишет стихотворение **«На бесполезный дар»** («Три Граций старика желая приласкать…»)[355].

«Июня 23 дня 1809» (РО РНБ, ф. 247, № 3, л. 156, черновой автограф).

3 июля. День рождения Державина. Поэт пишет оду **«Воцарение правды»** (Псалом 96) (III, 9 – 10).

---

[354] Вероятно, речь идет об отдельно напечатанной гравюре. В примеч. Я.К. Грота к письму сказано: «Вид Званки, приложенный к *Вестнику Европы* в 1810 году, был издан и отдельною гравюрою бóльших размеров; на нем внизу напечатаны известные стихи Евгения и Державина о Званке с изображением герба поэта, а над стихами надпись: “Вид Званки, усадьбы Державина, вниз по Волхову от Новагорода”. Пополнением наших материалов этою редкою гравюрой мы обязаны Д.Ф. Кобеко» (VI, 858).

[355] Впервые опубл.: Держаавин Г.Р. Стихотворения. Ред. и прим. Г.А. Гуковского. Л., 1933. С. 374.

«Июля 3-го дня 1809 года на Званке» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 28).

13 июля. Именины Державина. Поэт получает подарки от своих племянниц.

14 июля. В благодарность за подарки на именины Державин пишет стихотворения: **«Лизе за книжку»** (III, 440), **«Вере за цепочку»** (III, 440), **«Другой Вере за кошелек»** (III, 441), **«Паше за плетенку к трости»** [356]**.**

«На Званке. Благодарность 14 числа июля 1809 года за подарки в день именин 13 июля» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 9, л. 43 об.).

15 июля. **«Синичка»** (III, 11).

ОД: «Соч. на Званке 15 июля 1809» (III, 724).

22 июля. **«Незабудочка»** (III, 12).

ОД: «Соч. на Званке в 1809 г. 22 июля» (III, 724).

25 июля. Державин заканчивает ораторию **«Целение Саула»**.

«На Званке июля 25 1809 года» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 29 об.). Подражание «The cure of Saul, a sacred ode» Дж. Броуна (1715 – 1766) (VI, 13 – 14, прим.). Оратория была прочитана на втором заседании «Беседы» 22 апреля 1811 года и опубликована в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» («Чтение 2». СПб., 1811. С. 72 – 90).

27 августа, Званка (?). Державин заканчивает работу над трагедией «Федра».

«Кончена августа 27 дня 1809 года» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 33, л. 42, 97 об.).

Дата возвращения Державиных в Петербург неизвестна.

---

[356] Впервые опубл.: Держаавин Г.Р. Стихотворения. Ред. и прим. Г.А. Гуковского. Л., 1933. С. 374.

1810

Январь. В журнале «Вестник Европы» (ч. 49, № 2) напечатана гравюра «Вид Званки усадьбы Г.Р. Державина вниз по Волхову со стороны Нова-города».

Май, после 20[357]**.** Державины уезжают в Званку.

31 мая, Торжок. Н. Свечин пишет Державину письмо (вероятно, полученное поэтом в Званке), в котором выражает восхищение его поэзией и просит одобрить его собственный «путь к Музам», прилагая к письму стихотворение «На заключение мира России со Швециею 1809 года» (*Кукушкина,* 165; РО РНБ ф. 247, т. 24, л. 159 – 165 об.).

Июнь. Званку посещают великая княгиня Екатерина Павловна и ее супруг принц Георгий Ольденбургский, новгородский, тверской и ярославский генерал-губернатор, путешествующие по воде из Твери в Петербург. В связи с этим событием Державин пишет оду **«Шествие по Волхову Российской Амфитриты»** (III, 37 – 41).

«Писана на Званке» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 44).

Ода была включена в качестве примера в раздел «Разнообразие» «Рассуждения о лирической поэзии», прочитана на втором публичном заседании «Беседы любителей русского слова» (22 апреля 1811 года) и напечатана в составе «Рассуждения» в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» (Чтение 2. Кн. 1. СПб., 1811. С. 53 – 56).

Летом и осенью 1810 года в Званке Державин работает над первой частью **«Рассуждения о лирической поэзии»** и создает следующие произведения:

---

[357] 20 мая поэт находится еще в Петербурге. Этой датой, с указанием «в С.-Петербурге», в рукописи помечено стихотворение «К Злобину» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10. л. 42 об.). В письме П.А. Гасвицкому от 25 августа из Званки поэт сообщает: « <…> на письмо ваше от 13-го мая ответствовал того же месяца при отъезде моем на Званку» (VI, 200).

***10 июня.* «В записную книжку Петруше Львову»** (III, 443)[358]**.**

Прим. Я. Грота: «В первоначальной рукописи эти стихи помечены: 10 июня 1810 г. на Званке» (III, 443).

***15 июня.* «Надежда. К Ф.П. Львову»** (III, 42).

«На Званке 1810 года июня 15 дня» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 46). Прим. Я. Грота: «Написано 15 июня в память первой жены его <Ф.П. Львова – *Е.М.*>, *Надежды* Ильинишны, урожденной Березиной, племянницы Державиной: мать Березиной была Анна Алексеевна, в девицах Дьякова» (III, 442).

Ода была прочитана 3 апреля 1813 года на 12-м публичном заседании «Беседы» и опубликована в «Чтениях в Беседе» (Чтение 12. СПб., 1813. С. 54 – 55).

***24 июня.* «Слава»** (III, 47).

«Июня 24 дня 1810 года на Званке» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 47 об.).

***27 июня.* «Идолопоклонство»** (III, 52 – 55).

«27 июня 1810 года на Званке» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 49 об.).

30 июня, Петербург. М.С. Маврин отправляет Г.Р. Державину бумаги С.И. Маврина «по пугачевской комиссии»[359], сопровождая их следующей запиской: «Перед отъездом в деревню ваше высокопревосходительство изволили изъявить желание прочесть бумаги, оставшиеся после покойного дяди Саввы Ивановича по бывшей пугачевской комиссии. – Получив оные на сих днях от

---

[358] П.Ф. Львов – сын Федора Петровича Львова и его первой супруги Надежды Ильиничны, урожденной Березиной (1776 – 1810).

[359] Прим. Я.К. Грота: «Михаил Семенович Маврин, в это время статский советник, служил по министерству финансов советником в одной из экспедиций Государственного казначея» (VI, 200).

родственницы моей, госпожи Северицыной, поспешаю препроводить их к вам, милостивый государь, прося благосклонного извинения, что по краткости времени не имел возможности привесть их в должный порядок» (VI, 200).

3 июля, Званка. День рождения Г.Р. Державина.

10 июля. Державина впервые посетил П.И. Шаликов, написавший в связи с этим мемуарные заметки «Министр, поэт, доброй человек, патриот: (Достопамятность в моей жизни)» (Аглая. 1810. Ч. 12. Октябрь. С. 22 – 28; см.: Курилов А.С. Начало державиноведения в России // Г.Р. Державин и русская литература. М., 2007. С. 34 – 37).

12 июля. Державин пишет стихотворения:

«Добродетель» (III, 56 – 60).

«Июля 12 1810-го на Званке» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 51). Прим. Я.К. Грота: «В рукописи помещено под заглавием следующее, потом зачеркнутое примечание: “Написано по спору, в котором с одной стороны утверждали, что нет добродетели, что она только существует мечтательно и условно”» (III, 56).

«Детская песня» (III, 444).

«Перевод с немецкого. На Званке 1810 июля 12 дня» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 43 об.).

13 июля. Именины Г.Р. Державина.

21 июля. Державин заканчивает писать оду **«Истина »** (III, 64 – 67).

«Июля 21 1810 на Званке» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 53 об.).

Ода была прочитана на 2-м публичном заседании «Беседы», которое состоялось 22 апреля 1811 года в особняке Державина, и

была напечатана в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» («Чтение 2». Кн. 2. СПб., 1811. С. 5 – 8).

Ф. П. Львов подает прошение митрополиту Амвросию о разрешении на брак с племянницей Державиных Е.Н. Львовой. Венчание должно было состояться в ближайшей к Званке церкви чудотворца Николая Соснинского погоста (см.: Дзюбанов С.Д. *«Львова вышла замуж за Львова…»* // Г.Р. Державин и его время. Сб. научн. статей. Вып. 3. СПб., 2007. С. 107 – 108).

Июль – август, Званка. Державин пишет оды:

«Тоска души» (III, 68 – 72).

«Июля 1810 на Званке» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 56 об.) Прим. Я. Грота: «Близкий перевод пьесы Козегартена “Das Wehen des Allliebenden” (ero Poesieen, Лейпциг, 1798 – 1802, т. I, стр. 53), помеченный в рукописи: “27 июня на Званке”» (III, 68).

Первая и четвертая строфы этой оды были включены в качестве примеров в «Рассуждение о лирической поэзии», прочитаны в его составе на втором публичном заседании «Беседы» (22 апреля 1811 года) и опубликованы в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» (Чтение 2. Кн. 1. СПб., 1811. С. 21 – 22, 27).

«Оковы» (III, 6 – 7). Вольный перевод эпиграммы древнегреческого поэта Павла Силенциария (VI в.).

ОД: «Соч. в Званке 1810; перевод из Антологии греческой. Сочинено для племянницы автора Елисаветы Львовой» (III, 724).

Я. Грот относит эту оду к 1809 году («Из рукописей видно, что это стихотворение написано уже в 1809 году» (III, 724, прим. 4). Первый ее «куплет» включен в трактат Державина «Рассуждение о лирической поэзии» как пример «вкуса в простом роде» (VII, 574 – 575), ода была прочитана на втором открытом заседании «Беседы любителей русского слова» (22 апреля 1811 года) и напечатана в составе «Рассуждения» в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» (Чтение 2. Кн. 1. СПб., 1811. С. 103).

28 июля. **«Явление»** (III, 73 – 74).

«28 июля 1810-го на Званке» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 59). Прим. Я. Грота: «Подражание пьесе Козегартена *Die Erscheinung* (см. его Poesieen, т. II, стр. 43 и т. III, 278) (III, 73).

29 июля. **«Предвестие»** (III, 75 – 77).

«29 июля 1810 года на Званке» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 60). Прим. Я. Грота: «Подражание пьесе Козегартена *Ahndung* (см. его Poesieen, т. I., стр. 111) (III, 75).

6 августа. **«Проблеск»** (III, 78 – 80).

«6 августа 1810 на Званке» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 61 об.). Первоначально была озаглавлена «Просвет». Прим. Я. Грота: «Это опять подражание Козегартену; ср. в его сочинениях (т. I, стр. 114) пьесу *Aussicht*» (III, 78).

18 августа. **«Ива»**[360].

«Августа 18 на Званке» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 61).

18 августа, Петербург. Митрополит Амвросий подписывает разрешение на брак Ф.П. Львова с Е.Н. Львовой, впоследствии отмененное из-за близкой степени родства (см.: Дзюбанов С.Д. *«Львова вышла замуж за Львова…»*. С. 108 – 111).

25 августа, Званка. Державин, отвечая на письмо П.А. Гасвицкого от 2 августа, «уведомляет» своего старого друга о хлопотах по его «делу с губернатором» (VI, 200).

Сентябрь – начало октября (?). Державины возвращаются в Петербург.

---

[360] Опубл.: Гуковский Г.А. Литературное наследство Г.Р. Державина. // Литературное наследство. 1933. Т. 9 – 10. С. 392 – 393.

14 октября в церкви села Ульянка, неподалеку от Петербурга, состоялось венчание Ф.П. Львова и Е.Н. Львовой. Г.Р. Державин был одним из 9 поручителей (см.: Дзюбанов С.Д. *«Львова вышла замуж за Львова…»*. С. 109 – 110).

Декабрь, Петербург. Державин отвечает на «лестное» для него «отношение» новгородского губернатора А.В. Васильчикова письмом, в котором обсуждается вопрос целесообразности создания «казенной суконной фабрики» и описывается фабрика в имении Званка (VI, 203 – 204).

1811

Май, после 26 [361]**.** Державин приезжает в Званку.

Июнь – июль, Званка. Державин работает над переводами из Горация и (в течение всего лета) над второй и третьей частями **«Рассуждения о лирической поэзии».**

4 июня. Державин пишет стихотворение **«Девичья молитва»**[362].

«Июня 4 дня 1811 года на Званке» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 64).

18 июня. Державин переводит седьмой эпод Горация **«Римскому народу»** (III, 85).

«Переведена на Званке 1811-го года июня 18 дня» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 65).

22 июня. Державин пишет оду **«Аристиппова баня»**[363] (III, 86 – 91).

---

[361] 26 мая 1811 года поэт участвует в третьем публичном заседании «Беседы», но не принимает участия в ее общем собрании, которое состоялось 1 июня (Десницкий, 121).

[362] Впервые опубл.: Гуковский Г. А. Литературное наследство Г.Р. Державина. С. 393.

«22 июня 1811 года на Званке» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 65 об.).

Ода была прочитана на шестом публичном заседании «Беседы» (26 января 1812 года) в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» (Чтение 6. СПб., 1812. С. 65 – 70).

24 июня, С.-Петербург. С.П. Жихарев пишет письмо Г.Р. Державину в Званку.

3 июля, Званка. Державин создает оду **«Эхо»** (III, 92 – 93).

«Писано 3 числа в день рождения автора; послано 13-го, в день именин его, июля 1811 года, в ответ на письмо Евгения от 8-го июля 1809 года, в котором он, похваляя Званское эхо, просил что-нибудь написать о сем удивительном явлении природы, о коем писал Овидий» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 74 об.).

4 июля. Державин – С.П. Жихареву (в ответ на письмо от 24 июня): «Благодарю вас, что вы чрез господина Бодиско заботитесь о снабжении меня именами аглинских лирических поэтов. – От Сестренцевича я уже получил. – Попекитесь о доставлении мне форм: триолета, Рондо и Станса, а прочие я все имею. – К 13-му числу надеюсь я лично с вами видеться, ибо я на короткое время к тому времени приеду в Петербург» (Письмо Г.Р. Державина к С.П. Жихареву. 1811. [Из архива княжны Е.Д. Долгорукой]. Сообщ. В.С.Арсеньев // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. 1915. Кн. 2. С. 231).

9 июля. Державин переводит оду Горация **«К Лидии»** (III, 94).

---

[363] Об этой оде см.: Калинин Н.Н. Загадки «Аристипповой бани» // Державинские чтения. Вып. 1. Сб. научных докладов. СПб., 1997. С. 85 – 92.

«9 числа июля 1811 года на Званке» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 68 об.).

13 июля. Именины Г.Р. Державина. Поэт посылает епископу Евгению оду «Эхо».

15 июля. Державин пишет оду **«Упование на защиту Божию»** (III, 95 – 96).

«*Надежда в напастях на Бога. Из Псалма 58.* Июля 15. 1811 года на Званке» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 69 об.).

16 июля. Державин пишет ораторию **«На преодоление врага»** (III, 97 – 99).

«Из псалма 65. Июля 16. 1811 года на Званке» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 70).

Вторая половина июля. Державины приезжают в Петербург[364].

Первая половина августа. Державины возвращаются в Званку.

10 августа, Петербург (?). Е.И. Станевич[365], отвечая на письмо Г.Р. Державина, рассуждает о вреде «распутного и своевольного просвещения, у которого нет ничего святого» (РНБ, ф. 247, оп. 1, ед. хр. 24, л. 153 – 154; Прилож., IV)

14 августа, понедельник, Званка. П.Н. Львова записывает в своих мемуарах рассказ о повседневных

---

[364] 24 июля Е.И. Ланская пишет Г.Р. Державину: «Я вчерась узнала, что вы в Петербурге <…>» (VI, 216).

[365] О нем см.: Зарин Н. Станевич Е.И. // Русский биографический словарь. Т. Смеловский – Суворина. СПб., 1909. С. 314 – 316; о взаимоотношениях Станевича и Державина см.: Гардзонио С. Автографы поэтов-шишковистов в книгах РГБ // Маргиналии русских писателей XVIII века. СПб., 1994. С. 66 – 70.

занятиях поэта в Званке: играх с детьми, чтении (обычно «служил для этого» «Всемирный путешествователь»[366]) (*Львова. Записки*, 267).

Первая половина сентября. Державин пишет «этюд» **«Сентябрьское утро на Волхове» (**РО РНБ, ф. 247, № 4, л. 88 – 90. Бумага с белой датой: «1810»). Под названием «Утренняя заря» опубликован А.А. Левицким в статье «Образ воды у Державина и образ поэта» (XVIII век. Сб. 20. С. 66 – 67).

В архиве Державина сохранился черновой автограф начала стихотворения «Осеннее утро», написанного на небольшом листе бумаге, с карандашной пометой: «На обороте письма Артапова (?) 2 июня 1811» (РНБ, ф. 247, т. 4, ненум. л.):

Встань, Солнце утренне, чрез черна бора тени
Улыбкой предреки прекрасной деве осень.
Я вышел на крыльцо, как Волхва тень
По синим водам лучей стремило блеск
Уж солнце утренне <…>.

Сентябрь. Державины возвращаются в Петербург.

15 сентября поэт присутствует на освящении храма Казанской Божьей Матери.

1812

Май, после 24. Державины уезжают в Званку.

24 мая поэт принимает участие в подготовительном заседании «Беседы» (*Десницкий,* 129 – 130).

Июнь, Званка. Державин пишет «романс» **«Царь-девица»** (III, 115 – 130).

---

[366] Ла Порт Жозеф, де. Всемирный путешествователь, или познание Старого и Нового света, то есть описание всех по сие время известных земель в четырех частях Света… Пер. Я.И. Булгаковым. Пб., 1778 – 1794. Т. 1 – 27.

«На Званке 1812 года в июне месяце» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 76 об.).

Эта «пьеса» использована поэтом в качестве примера *романса* в «Рассуждении о лирической поэзии» (*Державин. Рассуждение. Ч. 3.* С. 262 – 266).

В 1812 году поэт работает в Званке над **«Рассуждением о лирической поэзии»** и над **«Записками»**.

18 июня. Державин, отвечая на письма В.С. Попова от 5 и 12 июня, благодарит его за известие о мире с турками и сообщает, что «дней на десяток» едет во Псков (VI, 230).

1 июля, Псков. Державин создает надпись **«На меч великого князя псковского Гавриила»** (III, 131).

Надпись впервые была напечатана в «Сыне Отечества», с примеч.: «Писано 1 июля 1812 г. во Пскове, при раке угодника» (1812. Ч. 1. № VI. С. 253).

5 июля. Державин возвращается из Пскова в Званку и получает приказ прибыть в Новгород, куда губернатор «созвал все высшее дворянское общество». В Званке становится известно, «что Витебск, Минск и вся Курляндия захвачены врагом» (*Львова. Записки.* С. 267).

7 июля, Званка. Державин пишет письмо В.С. Попову (VI, 231), в котором посылает ему свою надпись «На меч великого князя псковского Гавриила» (III, 131): «Я из Пскова 5-го числа сего месяца возвратился. Там наехал довольно суматохи от близкого военного театра <…>. Узнав, что в тамошнем соборе почивают мощи Российского героя, великого князя Гавриила и находится страшный его меч, пошел полюбопытствовать и велел от искреннего сердца отпеть молебен за успех нашего оружия» (VI, 231).

И.С. Захаров[367] пишет письмо Г.Р. Державину, в котором сообщает новости военного времени и при котором посылает «мудрому суду» поэта третье издание своего перевода «Телемака» Ф. Фенелона[368], сообщает план нового сочинения и добавляет: «Полетел бы я к вам, но обстоятельства удерживают. – Поищу средств исполнить давно желанное мною посещение вас на Званке» (VI, 231 – 233).

Июль. Державин пишет письмо А.В. Воейкову, в котором советует не бегать от неприятеля, а, по примеру Суворова, атаковать его (VI, 308, прим. 1).

Июль. Званка (?). Державин переводит статью Г. Меркела **«К жителям Остзейских провинций России. 1812»** (VII, 637 – 643).

Впервые напечатана в августе 1812 года в «Вестнике Европы» (1812. Ч. 64. № 16 (авг.). С. 306 – 309).

13 июля. Именины Г.Р. Державина. Поэт приезжает в Новгород, куда был призван от новгородского дворянства, согласно манифесту императора, для участия в заседании дворянского собрания.

Державин – В.С. Попову (16 июля из Новгорода): «С 13 числа живу тут» (VI, 234).

14 июля, Новгород. Державин пишет **«Записку о мерах к обороне России во время нашествия французов»**, адресованную Александру I (VII, 470 – 478).

«<…> в 1812 году во время вторжения французов внутрь империи, при случае воззвания манифестом всеобщего ополчения, писал из Новагорода июля 14-го дня о

---

[367] И.С. Захарове – сенатор, участник «Беседы любителей русского слова». О нем см.: *Степанов В.П.* Захаров Иван Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 1 (А – И). Л., 1988. С. 329 – 331.

[368] Фенелон Ф. Странствования Телемака, сына Улиссова <…>. Изд. 3-е. Преложенное сенатором *Захаровым.* Ч. 1 – 2. СПб., 1812.

некоторых к обороне служащих мерах <…>» (*Державин. Записки*, 270).

15 июля. Державин возвращается из Новгорода в Званку.

«15 июля мой дядя вернулся из Новгорода» (*Львова. Записки,* 267).

29 июля, Званка. Державин в записке В.Н. Олину[369] просит его узнать в театральной дирекции, будет ли играна трагедия «Евпраксия» (1808)[370]. Вслед за этой запиской поэт отправляет еще одну, в которой просит Олина «дать учтивым образом почувствовать» директору Императорских театров А.Л. Нарышкину, что если не будет приказания дирекции играть «Евпраксию», то он обратится по этому вопросу уже письменно[371] (Кукушкина Е.Д. Четыре записки Г.Р. Державина к В.Н. Олину // XVIII век. Сб. 17. С. 210 – 212).

2 августа. Державин пишет письмо директору Царскосельского Лицея В.Ф. Малиновскому с «приглашением к переписке» (не сохранилось). Поводом для письма послужило, вероятно, знакомство с книжкой Малиновского «Рассуждения о войне и мире» (СПб., 1803), которую, по всей видимости, Державин использовал в работе над «Запиской о мерах к обороне России во время нашествия французов» (VII, 470 – 478).

---

[369] О нем см.: Нешумова Т.В., Щемелева Л.М. Олин Валериан Николаевич // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. Т. 4. М – П. М., 1999. С. 430 – 433.

[370] О трагедии «Евпраксия» см.: *Демин А.О.* Об историческом источнике трагедии Г. Р. Державина «Евпраксия» // Карамзинский сборник. Россия и Европа: Диалог культур. Ульяновск, 2001. С. 155-161; *Демин А.О.* Корпус драматических сочинений Г. Р. Державина: издания и рукописи // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998 – 1999 год. СПб., 2003. С. 3 – 22.

[371] «Евпраксия» по совету И.А. Дмитревского была поставлена на сцене домашнего театра Державина. См.: *Жихарев С.П.* Записки современника. М.-Л., 1955. С. 574 – 576.

4 августа, Царское Село. В.Ф. Малиновский – Державину: «Весьма утешили и ободрили, ваше высокопревосходительство, молчаливого Автора писанием из Званки от 2 Августа; снисходительное приглашение к переписке подает мне смелость сообщать мои мысли и мелкие начертания оных, как и теперь решился с приложенным о величестве духа[372], которого участь совершенно вам, милостивый государь, вручаю: после девяти лет молчания, это есть первое, что я для публики написал: позвольте мне около толь славного в отечестве нашем Автора быть подобно плющу, обвивающемуся около дуба.

Я буду считать себя счастливым по возвращении вашем из уединения представиться лично и снискать ваше благоволение; вы так милостиво предварили мое желание, что мне остается заслужить это: о чем я и постараюсь со всяким усердием. <…>» (VI, 238 – 239).

Это знакомство было недолгим: В.Ф. Малиновский скончался 23 марта 1814 года.

11 августа, воскресенье, «сельцо Званка». Державин пишет рекомендательную записку новгородскому губернскому прокурору Ильинскому к В.С. Попову (VI, 845).

12 августа. Державин пишет письмо своему племяннику Л.Н. Львову, в котором содержится перечень вещей для отправки, в случае необходимости по обстоятельствам военного времени, из Петербурга в Званку. Кроме сундуков и бюро с бумагами, среди этих вещей названы «трое бронзовых часов в нижних комнатах, мраморные в кабинете Дарьи Алексеевны», «резная серебряная филейная фигура, которая стоит в нижних комнатах» (VI, 240 – 241).

---

[372] Сочинение Малиновского «О величестве духа» осталось неопубликованным.

14 августа, Тихвин. Я.И. Бередников[373] – Державину: «Я имел счастье читать стихи ваши на меч Псковского Князя Гавриила. Honorem meum nemini dabo. Если Греция славится своими Тиртеями, воспламенявшими сердца на ужасы браней; если мрачные летописи Гунны, Скандинавцев и Галлов проповедуют чудеса о своих Скальдах, устрашавших песнями своими могущественных Царей: то не вдохнет ли большого мужества лира Пиндара и Флакка, – лира ваша, что все одно, в сердца Защитников Отечества, ныне подвизающихся во брани?

Осмеливаюсь препроводить к вам написанную мною на сих днях Песнь над прахом Защитников Отечества. <…> Ваш приговор будет лестною наградою моему таланту» (VI, 242).

Письмо, вероятно, было получено в Званке.

16 августа, Званка. Державин пишет письма:

Д.И. Хвостову, в котором благодарит за присланную оду и просит помочь в скорейшей доставке писем А.В. Воейкова В.Н. Львовой в Званку (VI, 242 – 243).

В.В. Капнисту в ответ на его письмо от 18 июля из Обуховки. (в нем говорилось о готовности возобновить прежнюю дружбу и обсуждались хозяйственные вопросы, связанные с имением Гавриловка) (VI, 236 – 238): «В дружбе моей вы не должны были никогда сомневаться; ибо я вам, кажется, никакой не подал к разрыву оной причины. Я готов всегда тебя обнять, как я уже писал о том к Александре Алексеевне, и возобновить прежнюю нашу связь». Далее в письме идет речь об «экономии» «по деревне Гавриловка» (VI, 243 – 244).

---

[373] О нем см.: С.О. Бередников Яков Иванович // Русский биографический словарь. Т. II. Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 728 – 729.

Август, вторая половина. Державины возвращаются в Петербург.

На рукописи оды «На парение орла» (III, 133 – 135) помечено: «31 августа в С.-Петербурге» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 76).

Львова. Записки: « <…> мои дядя и тетя занялись подготовкой нашего отъезда <…> что касается моего дяди, он с самого начала опасности постоянно настаивал на том, чтобы ничего не отправлять и не оставлять города, пока враг не окажется в нескольких верстах» (с. 268).

Возможно, осенью на какое-то время Державины возвращаются в Званку.

1813

13 марта, Петербург. Державин начинает писать балладу **«Новогородский волхв Злогор»**, «от имени которого получила название река Волхов» и который «и днесь на Званке» проказит (III, 181 – 186).

«Марта 13 числа 1813 года в Петербурге» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 98 – 99).

Май, после 20[374] – начало июня. Державины приезжают в Званку.

15 июня. Державины вместе с племянницей П. Львовой отправляются из Званки на Украину, в Обуховку.

«15 июня 1813 мы поехали из Званки. <…> 7 июля мы прибыли в Обуховку к моему дяде Капнисту» (*Львова. Записки,* 270).

26 августа. Державины, возвращаясь из Обуховки, приезжают в Званку.

---

[374] 20 мая поэт принимал участие в тринадцатом публичном заседании «Беседы».

«26 августа, в годовщину ужасного сражения под Бородино, мы приехали в Званку <…>» (*Львова. Записки,* 272).

Конец августа – октябрь, Званка. П. Львова читает Державину его сочинения и заносит в свой дневник некоторые анекдоты (« <…> я попросила его почитать с ним все его сочинения, спрашивая у него объяснения того, что я не понимала; он имел любезность к ним добавить часто анекдоты, которые я переносила в свой дневник, если они не были помещены в его ремарки, продиктованные до этого») (*Львова. Записки,* 272).

14 сентября. Державин пишет письмо Д.И. Хвостову, в котором похвально отзывается о его переводах Буало[375] и Горация и просит напомнить членам второго разряда «Беседы» о подготовке очередного чтения (VI, 271).

Сентябрь. Державин в письме В.В. Капнисту сообщает о благополучном прибытии в Званку и о слышанных им военных известиях (победы союзных войск над четырьмя корпусами армии Наполеона) (271 – 272).

6 октября. Державин пишет письмо В.В. Капнисту, в котором сообщает об отправке ему армейских реляций и о получении посланных Капнистами очков (Долгова, 195, № 28; 207, № II)

10 октября. Державин видит необычный сон.

«На 10 число октября 1812 года на Званке перед утром видел во сне блистание молний белых и тихих, от коих проснулся, имея в голове следующие стихи:

Победа! победа! победа!

---

[375] Буало-Депрео, Н. Наука стихотворства в четырех песнях стихами <…>. Перевод Графа Хвостова. Издание второе, с приложением Горациева к Пизонам послания в подлиннике, и с Российским прозаическим переводом. СПб., 1813.

Ни слуха, ни духа, ни следа,
Ни брани, ни бед,
Ни плача, ни стона
В свете уж нет Наполеона

(ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 2, автограф). Опубл.: Державник, казацкой внук [Левицкий А.А.]. «Безделка» о двух снах Г.Р. Державина // Von wenigen. От немногих. С. 126).

12 октября. Державин пишет оду **«Тление и нетление»** (III, 176 – 178).

«На Званке 1813 года октября 12» (ИРЛИ, ф. 96. оп. 1, ед. хр. 10, л. 106). (III, 176).

Ода, написанная в память о М.И. Кутузове, была прочитана 7 января 1814 года на четырнадцатом публичном заседании «Беседы» и опубликована в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» («Чтение 14». СПб., 1815. С. 56 – 58).

27 октября. Державины приезжают из Званки в Петербург.

28 октября Г.Р. Державин в письме В.В. Капнисту сообщает: «Мы также, слава Богу, благополучны и приехали со Званки вчера в Петербург» (Долгова, 207, № III).

28 ноября, Петербург. Державин пишет стихотворение «В альбом К.В. Капнист»[376]:

Младых со Псла я слышу соловьев!
Кто научает их приятному толь пенью,
Что их доходит глас до Волхова брегов,
И Паша под окном их внемлет вдохновенью!
Не ты ли, Катенька, – живя в глухом лесу,

[376] Екатерина Васильевна Капнист (в замужестве Полетика) – старшая дочь В.В. Капниста, названная в честь Екатерины Яковлевны Державиной. Об этом стихотворении см: Градова Б.А. Г.Р. Державин и русская альбомная традиция // Г.Р. Державин и его время. Сб. научн. трудов. Вып. 2. СПб., 2005. С. 97 – 98.

Алмаз, скрывающий в коре свою красу? (III, 522).

Я. Грот высказал предположение, что ода написана в Званке (III, 522). В рукописи (ИРЛИ, ф. 906, оп. 1, № 9, л. 49) указаны приведенные выше дата и место. Независимо от места создания, в стихотворении создана живая зарисовка «званской жизни».

30 декабря. Державин в письме В.В. Капнисту благодарит его за оду С.В. Капниста «Наяда Псла к Наяде Волхова»:

«Благодарю вас сердечно за труд, вами предпринятый в сочинении песни Наяд Волхова и Псла; но как оная вся состоит из похвалы мне, то я и сохраню ее, как знак драгоценной мне дружбы вашей, в моем единственно кабинете <…>» (VI, 279).

1814

22 января, Петербург. Г.Р. Державин в письме В.В. Капнисту пишет об оде С.В. Капниста «Наяда Псла к Наяде Волхова»: «Хотя я вас благодарил за лирический разговор Наяд Псла и Волхова (похвалу, мне вами сочиненную), который многим понравился, и просили себе списков; но я печатать оный не отдам, дабы не попасть под пословицу: *Оржаная каша сама себя хвалит,* или: *хороша девушка Аннушка, хвалит ее мать и бабушка*» (VI, 280).

18 мая. Д.А. Державина уезжает в Званку. Державин и П. Львова остаются в Петербурге.

В «три часа пополудни» 18 мая Державин отвечает на отправленное из Ижоры письмо Дарьи Алексеевны, которая недавно уехала в Званку (VI, 291), а 20 мая отвечает на ее письмо из Чудова (VI, 291 – 292). 18 мая и 7 июня поэт обедает у императрицы Марии Федоровны (КФЖ на 1814. Январь – июнь, 304, 352).

Июнь, середина. Державин уезжает в Званку.

15 июня, Новгород. Державин, отвечая на письмо уездного предводителя новгородского дворянства Трапицына от 8 июня, благодарит за предложение «быть депутатом от новгородского дворянства при встрече императора», которое обещает с охотою принять, «ежели только не воспрепятствует другое такое же приглашение из прочих губерний» (VI, 294, прим.).

18 июня, Званка. П. Львова записывает в своем дневнике: «Все это время дядя заставлял меня читать различные похвальные слова разным великим людям, говоря, что он намерен писать похвальное слово императору Александру по поводу целого ряда одержанных им блистательных побед[377], и, так как он совсем не был знаком с этим родом сочинений, то, желал знать, что написано подобного другими. Всего более ему понравилась похвала Марку Аврелию, хотя он находит, что она писана не совсем согласно с правилами, так как действие в ней смешано с повествованием. Иные похвальные слова иногда усыпляли моего дядю. В результате всех наших чтений в этом жанре, когда мой дядя то слушал, а то дремал, он, наконец, сказал мне, что лень его одолела и что больше он писать не будет: ”Я много писал, – теперь я старый и моя литературная карьера закончена, я оставляю молодым поэтам заботу меня заменить”» (*Львова. Записки*, 273).

Я.К. Грот опубликовал «Начало речи, предназначавшейся к произнесению в Беседе по случаю возвращения императора Александра I» (VII, 635 – 636). Державин написал также «Кантату для необыкновенного собрания “Беседы любителей российского слова”, 18<1>4 года августа 31 дня»[378]. Место и дата создания как речи, так и кантаты в рукописях[379] не указаны. Оба эти текста могли быть написаны как в Петербурге, так и в Званке.

---

[378] Опубл. Г.А. Гуковским: Державин Г.Р. Сочинения. Л., 1933. С. 378.

[379] РО РНБ, ф. 247, т. 5, л. 240 – 242, 243 – 244 об.

24 июня. Державин, отвечая на письмо В.В. Капниста от 23 июня из Петербурга, просит подтвердить, подлинно ли его выбрали в депутаты и «не нужно ли чем к тому запастись» (*Долгова*, 210, № 39).

27 – 29 июня. Секретарь Державина Е.М. Аврамов читает ему «Сочинения» Якова Бёме.

В архиве Я.К. Грота сохранилась «Опись размещения бумаг Державина в ящиках», где сказано, что в связке № 1, в ящике № 4 находились «Сочинения Якова Бема», с надписью: «Читана на Званке Гавриилу Романовичу 1814 г. с 27 по 29 июня Аврамовым» (ИРЛИ 16.290/СIб20).

30 июня. Державин сообщает в письме В.В. Капнисту, что получил «формальное приглашение быть депутатом от Петербурга при встрече Государя» и просит узнать у М.М. Бакунина (гражданского губернатора С.-Петербурга), «не нужно ли иметь с.-петербургского мундира с шитьем или без шитья» (VI, 294 – 295).

Г.Р. Державин, отвечая на письмо В.С. Попова от 26 июня, сообщает, что непременно будет «в Петербург к 19-му числу наступающего месяца, чтобы принять на себя звание депутата». В собственноручной приписке сказано: «Я не очень здоров»[380] (VI, 295).

Конец июня – начало июля, Званка (?). Державин пишет оду **«На сретение победителя Европы Александра I»**[381] (III, 215 – 223) и черновой вариант «баллады или застольной песни» **«На возвращение императрицы**

---

[380] О нездоровье поэт пишет и в письме П.П. фон Гетце от 11 июня 1814 года (VI, 293).

[381] Ода на сретение победителя, освободителя и примирителя Европы, великаго и свыше благословеннаго императора отца Отечества Александра Перваго. 1814 года июля дня с благоговением посвящает сочинитель. СПб., 1814. Ценз. разр.: 10 июля 1814 года.

Елисаветы Алексеевны из чужих краев» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, нижн. форзац: «1814 года»).

Окончательный вариант последнего стихотворения носит название: «На возвращение императрицы Елисаветы Алексеевны из чужих краев, ноября 30 дня 1815 года» (VI, 229 – 230).

Начало июля. Державины приезжают в Петербург.

Начало сентября. Державины возвращаются в Званку, где поэт работает над **«Рассуждением о лирической поэзии»** и пишет оперу **«Эсфирь»**.

10 сентября, Москва. И.М. Муравьев-Апостол, отвечая на письмо Г.Р. Державина от 31 октября, размышляет о своей судьбы и пишет о готовности служить Отечеству (VI, 297 – 298). Письмо, вероятно, было получено поэтом в Званке.

14 сентября, Званка. Державин в письме С.В. Капнисту просит его прислать «поскорее с первою оказиею» в Званку «две книжки журнала Российской Академии»[382], в которых напечатаны сочинения: «*Гром, Облако, Слава, Идолопоклонство, Добродетель* и прочее» и в которых ему «крайняя нужда» (VI, 299).

16 сентября. Державин пишет черновой вариант баллады **«Северный Амур».**

«На Званке, 16 сентября 1814 года» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 10, л. 99 об.). (III, 532).

18 сентября. Державин пишет письмо С.В. Капнисту, в котором просит найти и прислать «немецкую книжку <…> о лирической поэзии, г. профессора Гецеля», добавляя:

---

[382] Имеется ввиду издание: «Сочинения и переводы Российской Академии» (Ч.I –VII. СПб., 1805 – 1823). Называемые далее сочинения напечатаны в чч. II, V, VI.

«Ожидаем вас, не рассудите ли кто нас посетить» (VI, 299 – 300).

24 сентября. Державин в письме В.В. Капнисту дает ему несколько поручений, связанных с работой над «Рассуждением о лирической поэзии»: «Вот в чем моя просьба <…> до А.С. Шишкова. Она состоит в том, чтоб приказал мне дать на короткое время из библиотеки академической сочинение г. Тредьяковского о российской поэзии, которая книжка г. Соколовым мне была ссужаема и паки возвращена от меня чрез него в академическую библиотеку. Я ее не задержу, и если не прежде, то с возвращением моим к вам непременно привезу. Третья просьба к Семену Васильевичу Капнисту в том, чтоб он пожаловал потрудился прислать из моей библиотеки 1-ю часть Ломоносова сочинений, которая напечатана в четверть листа, не те, что в осьмую долю, и словом ту часть, в которой говорится о русском стихотворстве, экзаметрах и прочих стихах. Мне они нужны к продолжению рассуждения о лирической поэзии. Сии книги и г. Гецеля, о котором я пред сим писал, может он прислать мне не по почте, а чрез телятников, всякий день почти к нам ездящих, увязав их хорошенько в бумагу, чтоб не растерялись и не замочились. Телятников же может приискать наш Павел или Матвей, швейцар, и они могут сию посылку ко мне отправить. Хотя здесь зима, – с 19 числа напал снег выше колена и теперь еще лежит, так что ездят здесь на санях, – но нам не скучно, что мы, слава Богу, здоровы и, вам того же всеусердно желая, ожидаем, что вы обрадуете нас вашим приездом и веселость нашу умножите» (VI, 300 – 301).

6 октября. Державин начинает работу над оперой **«Эсфирь»**[383].

---

[383] См.: Демин А.О. Оперное либретто Г.Р. Державина «Эсфирь» // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 358 – 408.

«Писана на Званке в октябре 1814 года. Начата 6 числа этого месяца» (РО РНБ, ф. 247, ед. хр. 6, л. 5 об.).

8 октября. Державин – С.В. Капнисту: «Что батюшка ваш не пишет ко мне? Или может быть не о чем? Сожалею, что рецензия в журнале Сын Отечества на его Антигону не весьма ему одобрительна[384]. Этого должно было ждать по известной партии. За присланные книги благодарю, и еще ожидаю, о коих я вас просил. Видно, что из вас никто нас не посетит на Званке; так мы к вам зимою сами приплывем, будто на парусах, на санях. <…>. Прилагаю письмо, не знаю от кого, к батюшке вашему» (VI, 302).

18 октября. Державин – В.В. Капнисту: «Письмо твое дружеское от 11-го сего октября, любезный Василий Васильевич, получил. Журнал Сын Отечества читал, посмеялся и кое-что подумал. О чем поговорим словесно, ибо к исходу сего месяца мы будем к вам, как снег на голову, который уже здесь выпал и зима наступает» (VI, 302 – 303).

Конец октября. Державины возвращаются в Петербург.

18 декабря, Петербург. Получено цензурное разрешение на печатание «Чтения 17» журнала «Чтения в Беседе любителей русского слова», в котором в разделе «Сочинения, не читанные в Беседе» была напечатана ода С.В. Капниста «Наяда Псла к Наяде Волхова» (С. 105 – 111).

1815

Июнь, начало (?). Державин приезжает в Званку.

18 июня, Званка. Державин – С.В. и И.В. Капнистам: «Наведайся, Семен Васильевич, у А.С. Шишкова, или лучше,

[384] Сын отечества. 1814. № XXXIX. С. 43.

у П.И. Соколова, скоро ли выдут из печати книжки Беседы, а особливо та, в которой находится рассуждение о Гиперборeянах[385]: ее не надобно прокараулить и послать к твоему *тятиньке*. Пощупай у Александра Семеновича, не приедет ли он с Дарьей своей Алексеевной к нам на Званку к моим именинам погостить, как мне обещали, и ежели приедут, то дайте мне заблаговременно знать» (VI, 307).

Дарья Алексеевна Державина одновременно с этим письмом посылает письма П.В. Капнисту, А.А. Капнист, В.П. Лазаревой (Долгова, 210, № IX).

26 июня. Державин пишет письмо Воейковым, в котором дает советы относительно ведения дел, связанных с их имением Ольшанка, и сообщает о начале «военных действий» во Франции, а также переходе русских войск через Рейн (VI, 308 – 309).

27 июня. Державин – С.В. Капнисту: « <…> приезжайте к нам в Званку непременно к 13-му числу, а между тем проведай, ежели можно где, не будут ли кто к нам из посторонних наших знакомых, дабы для них и угощение лучше сделать по распоряжению Дарьи Алексеевны, о коем она тебе писала. Прилагаю тебе при сем письмо П.С. Молчанову, в коем я прошу его, чтоб он отпустил тебя на несколько дней или недель, для поправления твоего здоровья, к нам на Званку <…>» и далее дает поручения по имущественным делам А.В. Воейкова (VI, 309 – 310).

Отвечая на письмо В.С. Попова от 12 июня, которое «с удовольствием моим получил», Державин обсуждает политические новости, связанные с Польшей и заключает письмо следующими словами: «Крайне бы обязали, ежели б к 13-му числу будущего месяца посетили на Званке вам преданнейшего человека, который не может ничем угостить,

---

[385] «Краткое разыскание о Гипербореанах и о коренном Российском Стихосложении» В.В. Капниста было напечатано в «Чтении 18» (СПб., 1815). Ценз. разр.: 26 марта.

достойным вас, но одним только усердием; но я не смею сим и ласкаться <…>» (VI, 310 – 312).

13 июля. В Званке празднуют именины Г.Р. Державина, на которых «молодые домочадцы» разыгрывают «скороспелку» С.В. Капниста [386]. Поэт пишет стихотворение **«Молодому Капнисту»** (при отдаче пера, обвитого разным шелком и золотом, подаренного автору Дашею) (II, 455 – 456).

22 июля. С.В. Капнист пишет стихотворение «Гавриилу Романовичу Державину», в котором по совету поэта («Державин! Ты велел стихами мне тысячу красот воспеть <…>») описывает своих молодых кузин Сашу, Варю и Пашу (*Кукушкина*. С. 168; РНБ, ф. 247, т. 31, л. 112 – 113 об.).

29 июля. Державин пишет Евгению (Болховитинову) письмо, в котором обсуждает вопросы, связанные с работой над «Рассуждением о лирической поэзии».

Дата названа в письме Евгения Державину от 15 августа 1815 года из Калуги (VI, 321).

31 июля, Калуга. Евгений в письме Державину дает советы по поводу трактата «Рассуждение о лирической поэзии» (в его окончательном рукописном варианте)[387] и прилагает тетрадь с замечаниями на это сочинение (VI, 312 – 316)[388].

---

[386] Опубл.: Шаталина Н.Н. «Скороспелка» Капниста, игранная в день именин Г.Р. Державина 13 июля 1815 года в Званке // Н.А. Львов: Прошлое и современность. СПб., 2005. С. 134 – 154.

[387] Одновременно с письмом Евгений отправляет и рукопись «Рассуждения», полученную незадолго до этого.

[388] Тетрадь опубликована Я. Гротом под заголовком «Приложения к письму Евгения» (VI, 313 – 316), следующие вслед за этим «Примечания» (VI, 316 – 317), а также «Примечания к рукописным тетрадям Державина» (VII, 618 – 626) относятся к более раннему времени, поскольку многие из содержащихся в них замечаний учтены Державиным в печатном тексте

2 августа, Казань. Профессор Казанского университета Г.Н. Городчанинов[389] отправляет Г.Р. Державину «речь и стихи».

10 августа, Старожилово. И.М. Муравьев-Апостол пишет Державину письмо, в котором извиняется за то, что не мог вовремя вернуть взятые у поэта книги *«Анахарсиса* и *Путешественника»*[390] (VI, 317 – 318).

14 августа, Званка. Державин в письме В.С. Попову просит его передать управлявшему Волынской губернией М.И. Комбурлею приложенное «под открытою печатью» письмо и ходатайствовать перед ним о «благосклонном пособии» в деле взыскания долга с графа Струтинского, а также сообщить новости о возвращении государя и государыни из заграницы (VI, 318 – 319).

14 августа. Державин пишет письмо С.В. Капнисту, в котором поручает ему попросить Елизавету Николаевну Львову «взять на себя попечение» о его опере «Титово милосердие»[391]: «могут ли быть слова удобно петы», «поверить, пойдет ли она в оркестре». Далее просит: «Пожалуй, потрудись сыскать в библиотеке моей, во втором или третьем шкафу от двери, в которую в спальню входят,

---

«Рассуждения» 1812 года (Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение 6. СПб., 1812. С. 3 – 26). См.: Западов В.А. Работа Г.Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии». С. 233 – 234.

[389] О нем см.: Лепехин М.П. Городчанинов Григорий Николаевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. (А – И). Л., 1988. С. 221 – 222.

[390] Бартелеми, Ж.-Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции <…>. Т. 1 – 6. СПб., 1804 – 1809; Ла Порт Жозеф, де. Всемирный путешествователь, или познание Старого и Нового света <…>. Пер. Я.И. Булгаковым. Пб., 1778 – 1794. Т. 1 – 27.

[391] Я. Грот опубликовал отрывок из этой оперы под заглавием «Тит» (IV, 796 – 798).

книгу, называемую *Образование древних народов*[392], с картинами, четыре части, из которых одну, в которой находятся костюмы *еврейские, египетские и ассирийские*, и пришли ко мне с первыми телятниками, увязав хорошенько в бумагу, чтоб не обтерлась; также пришли манускрипт письменный о Савской царице Никавла[393], которая тетрадка находится в том шкафу, где лежат письменные мои сочинения с рисунками между прочими бумагами», затем дает поручения по делам казанского губернского предводителя дворянства Г.Н. Киселева и далее сообщает: «Мы имели здесь чрезвычайно дурную погоду, так что, было, дождь отбил от полей, – ни косить, ни жать было не можно; но в четверг призвали священника, вышли на поле, отслужили молебен с водосвятием: то в тот же час как рукой сняло, хотя висели страшные тучи и накрапал уже дождь. Вот что Бог делает, когда ему усердно помолишься» (VI, 319 – 320).

Вероятно, книга и манускрипт нужны были Державину для завершения работы над стихотворением **«Полдень»** (III, 225 – 228), где он предполагал описать посещение царицей Савской храма Соломона. Стихотворение осталось неоконченным.

15 августа, Калуга. Епископ Евгений пишет Державину письмо, к которому прилагает свою статью «О славенорусских лириках» (VII, 617 – 618), замечания на опубликованные части «Рассуждения о лирической поэзии» (VII, 612 – 616) и в котором дает советы относительно слога этого сочинения (VI, 321).

18 августа, Званка. Державин в ответ на письмо В.С. Попова от 12 августа пишет: «Чувствую я тому цену, что вы меня помните и находите удовольствие в переписке со мною <…>». Обсуждая злодеяния Наполеона, поэт приходит к

[392] Бардон Д. Образование древних народов. Ч. 1 – 4. СПб., 1795 – 1796.

[393] Сохранился в архиве Державина (ИРЛИ, ф. 96, оп. 2, ед. хр. 42).

выводу: «Доколе он жив, то не успокоится Франция» (VI, 321 – 322).

19 августа, Петербург. А.Ф. Негри[394] пишет письмо Державину и посылает свой перевод речи Фемистия[395] «О дружбе» (РНБ, ф. 247, т. 31, № 14, л. 91 – 91 об.; Прилож., V).

Д.И. Хвостов посылает Г.Р. Державину три экземпляра оды «На второе вступление сынов Европы в Париж, *после победы 1815 года при местечке, называемом: прекрасный союз*».

21 августа, Званка. Державин пишет письмо А.В. Воейкову, в котором выражает надежду на счастливое разрешение от бремени Веры Николаевны Воейковой и готовность быть крестным отцом новорожденного (Долгова, 203 – 204, № 73; 211 – 212, № XI).

26 августа. Г.Р. Державин – А.Ф. Негри: «Дружеское ваше письмо от 19 числа настоящего месяца и при нем рассуждения о дружбе, Фемистия [396], получил и с большим удовольствием и то и другое прочел. Не говоря в рассуждении о важности мыслей и постепенности ходу в изъяснениях автора, я так удивился чистоте русского слога в переводе вашем, что не мог бы от самого первого знатока нашей словесности лучше сего требовать. Прииму за

---

[394] О нем см.: Алексеевский В. Негри Александр Федорович // Русский биографический словарь. Т. Наакке-Накенский – Николай Николаевич Старший. СПб., 1914. С. 188 – 190.

[395] Фемистий (ок. 317 – 388) – античный философ и ритор, комментатор Аристотеля, впоследствии – государственный деятель, советник императоров Констанция II и Феодосия I; в 384 – префект Константинополя. Перевод речи «О дружбе» не найден.

[396] Фемистий (ок. 317 – 388) – античный философ и ритор, комментатор Аристотеля, впоследствии – государственный деятель, советник императоров Констанция II и Феодосия I; в 384 – префект Константинополя.

большое одолжение ваше, ежели вы дозволите прочесть сие рассуждение в Беседе любителей российского слова в моем разряде. Вот вам нелестное доказательство оценки моей труду вашему. Касательно письма вашего, то климат и порода ваша меня пленили: я тотчас увидел, что вы грек; по цветущему вашему слогу в самом сем кратком начертании, я вижу себя, кажется, то на берегу Пенея, то на лугах темпейских, то между журчащих ручьев двухолмистого Парнаса; прельщаюсь яркими цветами и упоевающими благовонием. Поистине, нам, северным уроженцам, такая живость и прелесть слога в приятельских отношениях совсем чужды. Я бы желал быть вами или, по крайней мере, уметь по-гречески, дабы сбирать сладость с греческих писателей и с цветов ваших; но кажется, что этого быть никогда не могло (*бы*), хотя вы и подали тому пример, что так научились по-русски. Благодарю за приписку стишков ваших, в соответствие которых препровождаю свою безделку. Перевод ваш для вышесказанного употребления, ежели вы позволите, я у себя оставил. Крайне бы вы меня обязать изволили, ежели бы пожаловали ко мне на Званку к прошедшим моим именинам. Мы с родными своими тот день очень весело проводили» (VI, 323).

Державин, отвечая на письмо Г.Н. Городчанинова[397] от 2 августа, хвалит присланные автором речь[398] и стихи[399]: «Простые и легкие средства к обучению российского языка, в речи вашей публике предложенные, мне очень нравятся.

---

[397] Городчанинов Григорий Николаевич (1771/1772 – 1852) – поэт, переводчик, профессор Казанского университета. О нем см.: Лепехин М.П. Городчанинов Г.Н. // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 1 (А – И). Л., 1988. С. 221 – 222. Стихи и речи Городчанинова вошли в его сборник «Сочинения в стихах и прозе» (Казань, 1816).

[398] Пересказ этой речи (с публикацией отрывка из письма) см.: Казанский Вестник. 1828. Ч. XXII. С. 109.

[399] Возможно, это была «Лирическая песнь на вступление Казанского ополчения в град Казань февраля 24-го дня 1815 года <…>. [Казань, 1815], сохранившаяся в бумагах Г.Р. Державина (РНБ, ф. 247, т. 30, алл. 39). См.: *Материалы,* 250, № 60.

Ежели она сему любоотечественному совету вашему последует и подкрепится сиянием свыше, откуда всякой свет и дар происходит, то нет сомнения, что Казань, мой отечественный град, с лучшими училищами словесности сравнится и заслужит, как Афины, бессмертную себе славу. Касательно же стихов ваших, то они, поистине, весьма живы, имеют в себе столь много огня и благозвучия, что везде честь вам приобресть могут; надобно, чтоб только были меценаты или, простее сказать, могущие люди, любители поэзии; то древо сие, кажется, из нынешнего зерна горушного высоко возрастет и будут на нем многие обитать сладкогласные пернатые. – Вот мои вам усердные предсказания <…>» (VI, 324).

Отвечая на письмо своей хорошей знакомой тихвинской помещицы Е.И. Горихвостовой, которая сообщала о получении молодым поэтом Я. Бередниковым аттестата Казанского университета, поэт пишет: «Приятельское письмо ваше от 14 сего месяца и при нем копию с аттестата господина Бередникова я получил. – Благодарю вас, что вы обо мне помните. – Что же касается до вашего собинки[400], то, слава Богу, от муз он получил аттестат, а от невесты руку, то чего же лучше? По рукам да и на пир; но после куды и что, и чем прокормить земную Грацию? Ибо небесных можно потчивать мечтами, то, не зная состояния его родителя, я сказать ничего не могу, ибо с таковыми свидетельствами много кое-кого по белому свету шатается» (Мордвинов И.П., публ. Письма Г.Р. Державина к Е.И. Горихвостовой // Русская старина. 1912. № 1. С. 68).

Державин, отвечая на письмо Д.И. Хвостова от 19 августа, посмеивается над его «стихотворным сочинением в

[400] Собинка – «милый, дорогой, баженый, моленный» человек (Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Р – V. М., 1955. С. 253).

честь сынов Европы»[401], три экземпляра которого «имел удовольствие получить и прочесть»: «Вы уже, кажется, начинаете думать о старости, что напоминаете о ней, а вследствие того покушаетесь изменять рифмам. Хотя это красоты ваших мыслей не убавляет, но мы привыкли в вас чтить благозвучие; то, кажется, и недостает чего-то в ухе. Но вы еще не так стары, и я уверен, что юность ваша ободрится, яко орляя, и вы полетите в страны превыспренния так, что и глазом не достигнешь; но я в уединении моем, не могши даже ничего кропать, сижу в нарочитой скуке, читая только журналы, которые мне пришлют из Петербурга, либо из Москвы, а иногда из Харьковского и Казанского университетов» (VI, 325).

Державин в письме А.Ф. Мерзлякову благодарит его за подробный разбор своей оды «На взятие Варшавы», опубликованный в журнале «Амфион»[402]: «В уединении и старости моей, когда меня уже и Музы оставили, вы своим Амфионом издалече, подобно сему древнему музыканту, утешаете слух мой и благоухаете моему самолюбию. Последний разбор ваш оды моей На взятие Варшавы усильно исторгает мою вам благодарность. Вы, подобно Аддисону, обессмертиваете меня, ежели так смею сказать, как он Мильтона <…>». Высказав далее ряд замечаний, поэт заключает письмо словами: «Не подумайте, что я, будучи весьма слабый эстетик, хотел оспаривать разбор ваш, который мне похвалять самому стыдно; но потомство вам лучше отдаст справедливость, нежели я, когда научите вы молодых питомцев истинному вкусу вашими примечаниями». К письму поэт прилагает оду «На мир 1807

---

[401] На вторичное вступление сынов Европы в Париж после победы при местечке Прекрасный союз называемом. <…>. СПб., 1815.

[402] [Мерзляков А.Ф.]. Чтение пятое в Беседах любителей словесности в Москве // Амфион. 1815. Кн. 7. С. 72 – 120. «Амфион» издавался А.Ф. Мерзляковым, при участии С.И. Смирнова и Ф.Ф. Иванова.

года. Государыням императрицам», со своими пояснениями (I, 651 – 653; II, 658 – 659. прим.; VI, 325 – 326).

29 августа. Державин в письме С.В. Капнисту просит его передать Евреинову[403] свое письменное разрешение сделать нужную ему выписку из документов графа Д.А. Зубова (VI, 326).

5 сентября. Державин – В.В. и А.А. Капнистам (в ответ на письмо от 26 августа): «По дождливом и ненастном лете, слава Богу, мы пользуемся теперь прекрасным временем, сбираемся в половине октября в Петербург. Хорошо, что Василий Васильевич еще может беседовать с музами; но я уже совсем бессилен: сколько раз ни принимался за перо, но оно из рук упадает. Мне кажется, напрасно и тщетно прилагать усилие переводить в точности Горация и прилагать для вернейшего соображения подлинник в печати с переводом. Видим из иностранных, например из Фосса, каков его перевод: когда он прилагал усилие сохранить и меру и род стихов и мысли автора, вышло ничто иное как изуродованное творение; всего лучше держаться издали плана и мыслей, подражать только духу творца, приноравливая чувства свои к нему. Вот вам мой совет, дабы труд ваш не пропал напрасно, ибо поэзию на другой язык с такою же красотою перелить не можно, а особливо Горация» (VI, 326 – 327).

19 сентября. Державин – С.В. Капнисту: «Пред сим недели три тому назад, писал я к тебе и просил о доставлении книг из моей библиотеки: “Образование древних народов” и тетрадку о царице Савской; но никакой от тебя отповеди не вижу. Получил ли ты сие письмо, и ежели получил, но книг еще не отправил, то как прошло уже довольно время, прошу их уже не отправлять, потому что мы

---

[403] Возможно, речь идет о Н.И. Евреинове (1743 – 1818). См.: Антонов А.С. Евреинов Н.И. // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 1 (А – И). С. 231.

сами скоро будем, то есть, я думаю, в половине октября. Ивану Васильевичу (*Капнисту*) хочется, чтоб мы подписались на “Кабинет Аспазии”[404] еще на полгода, то пожалуйте подпишитесь и заплатите деньги, возьмите билет» (VI, 327).

25 сентября. Державин, отвечая на письмо С.В. Капниста от 18 августа, дает советы относительно ведения финансовых дел и в конце сообщает: «Здесь такое время прекрасное стоит, что летом такого не было» (VI, 327 – 328). К этому письму было приложено письмо Державина В.В. Капнисту.

3 октября. Державин пишет письмо С.В. Капнисту, в котором дает ему ряд поручений, связанных с имением Гавриловка, и просит навестить в корпусе сына «управителя гавриловского имения» г. Сулецкого. В конце письма сказано: «Мы к вам уже собираемся, и ежели Бог благословит, то быть скоро не замедлим». Здесь же сообщается об отъезде 2 октября из Званки Аркадия Гавриловича Родзянки[405], посещением которого Державины «были очень довольны» (VI, 328 – 329).

12 октября. Державины возвращаются в Петербург.

Егор Расторгуев посылает Г.Р. Державину «Стихи на возвращение Российского Аполлона в Петербург октября 12 дня 1815 года», в которых есть строки, посвященные Званке:

---

[404] Литературный журнал, издававшийся в Петербурге в 1815 году (вышло 7 книжек) Б. Федоровым, А. Рихтером, Бахиревым, И. Исаковым.

[405] А.Г. Родзянка – молодой поэт, друг Капнистов и их сосед по имению. Его стихотворение «К другу» напечатано в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» («Чтение 18». СПб., 1815. С. 62 – 64). 18 открытое заседание «Беседы», на котором слушали это стихотворение, состоялось 8 декабря 1814 года. О Родзянке см.: Вацуро В.Э., Розин Н.П., Супрунюк О.К. Родзянко, Родзянка А.Г. // Русские писатели. 1800 – 1917: Биогр. Словарь. СПб., 2007. [Т]. 5: П – С. СПб., 2007. С. 309 – 312; Вацуро В.Э. Пушкин и Аркадий Родзянко (Из истории гражданской поэзии 1820-х годов) // Вацуро В.Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 57 – 84.

Как Званка тем должна гордиться,
Что удостоена тобой!
Что воздухом ее живится
Дух пламенный – Дух мудрый твой!
И что Ты в ней во дни свободы
В объятиях святой Природы
Воображение питал:
Природу дивну созерцая,
И дух, и сердце восхищая,
Идеи новы пожинал!

(РНБ, ф. 247, т. 31, л. 109; *Кукушкина*. С. 170).

1816

30 мая, 5 часов утра. Державины вместе с племянницами (П. Львовой и А. Дьяковой) «прибывают» в Званку (*Львова. Записки*, 273).

Июнь, Званка. Державин работает над завершением **«Рассуждения о лирической поэзии»** и подготовкой к печати шестой части своих «Сочинений».

Ежедневно П. Львова читает ему «час поутру» и «час же или два после обеда» «то газеты, то историю Ролленя в переводе Тредиаковского», также «Бахариану» Хераскова, «Краткое объяснение церковного устава» (СПб., 1809), пятый том его собственных «Сочинений». «Зная, что ему нравится слушать, как мы с Александриной поем, я брала арфу и мы пели вместе “*Вошед в шалаш мой торопливо”*, и он одновременно восхищался природой, спокойствием Волхова, в котором, как в зеркале, повторялся окружающий пейзаж, или считал на пальцах стопы стихов, которые сочинял в это время» (*Львова.Записки,* 276). «”Как здесь хорошо! – часто повторял он, глядя на проходившие по реке парусные суда, – Не налюбуюсь я на твою Званку, Дарья Алексеевна, прекрасно, прекрасно“, – и, повторяя это несколько раз, он принимался напевать любимый им марш Безбородки» (*Львова. Записки*, 274).

Б.М. Федоров (1798 – 1875) незадолго до смерти Державина пишет стихотворение «К музам»[406], в котором адресует ему восторженные строки.

8 июня. Державин в письме С.В. Капнисту дает поручения, связанные с работой над «Рассуждением о лирической поэзии»: «Принявшись доканчивать Лирическое мое рассуждение, не нахожу я здесь окончания песни Бояновой *Óдену*, которая написана руническими буквами и, сколько я припомню, лежала у меня в столике, который у софы вместе с бумагами о винном откупе. Кажется, я ее оттуда вынял, чтоб взять с собою; но здесь теперь ее не нахожу, а для того и поищи, братец, ее между бумагами моими, а именно в бюро, в том ящике, который к моим примыкает креслам, в разных черных бумагах стихотворческих или в 3-м, или 4-м от печки шкафу, где лежат мои сочинения с рисунками, а особливо несколько черных отпусков о Лирической Поэзии, которые, при удобной оказии или с телятниками, завернув хорошенько в холстину или в картузную бумагу, пришли ко мне все, т.е. отпуски Лирической Поэзии и все что до литературы касается <…> Ежели ты рассудишь и покажется тебе надобно, то отнеси один экземпляр 5-й части к Павлу Ивановичу Кутузову, дабы он не рассердился, что я к нему не прислал, когда он меня снабдил своими сочинениями. Впрочем, слава Богу, мы здоровы, хотя я по старости своей и не очень домогаю» (VI, 339 – 340).

20 июня. Державин – архиепископу Евгению: «<…> по замечаниям вашим переправляю теперь мое Рассуждение о лирической поэзии. Хочется издать целой книжкой. Но скажу по правде, что иные заметки мне не очень нравятся, ибо, кажется, вы не так-то справедливо судили. Напимер:

---

[406] *Кукушкина*. С. 171. РНБ, ф. 247, т. 31, л. 93 – 93 об. Опубл.: Дух журналов. 1816. Ч. 9. Кн. 1. С. 3 – 5.

известно, что Тредиаковский был муж ученый и знал правила пиитики и риторики (этого у него оспорить нельзя; но то беда, что не имел только вкуса), – то как ему не знать было правильных ямбов, хореев, дактилей и анапестов, как вы о том сказали? То и препровождаю при сем к вам копию с того списка, который я вам посылал. Прошу покорно потрудиться переправить, как им быть должно, и возвратить ко мне. Также педантские разделы лирических стихотворений я не очень уважаю, но чтоб не поднять всю араву школ на себя, переменяю, несколько только касаясь. Впрочем, внесу вашу монахиню Розвейду, с прочими сей породы авторами, как и Пиндарову древнюю музыку, которая по лексикону, не помню чьему-то, давно мне известна была, даже певаема и играна, как то недавно и в прошлых годах Бортнянский в хор для Беседы взял нечто из оной. Наконец, ежели что еще встретится, то не оставлю отослать к вам для совета и благословения <…>» (VI, 340 – 341). Вместе с письмом «препровождались» «некоторые произведения званские»: «наследие прапращура Багрима, китайские теплые сапоги», стихи («моей промышленности») и «Дарьи Алексеевны рукоделие, пике для домашнего спального полукафтанья».

29 июня, Дерпт. В.А. Жуковский – Державину: «Милостивый государь, Гаврила Романович! Я имел честь получить письмо вашего высокопревосходительства и приложенный при нем экземпляр ваших сочинений. <…> Приношу мою сердечную благодарность за драгоценный ваш подарок. Ваши стихотворения школа для поэта. Но читая их, только скорее научишься узнать собственную слабость свою. Искусство бессильно; оно никогда не поспеит за Гением. Вам назначено быть неподражаемым» (VI, 341).

30 июня, Петербург. П.И. Соколов – Державину: «Имею честь препроводить при сем к вашему высокопревосходительству 7-й и 8-й корректурные листы VI-й части сочинений ваших на благоусмотрение ваше.

Покорнейше прошу, при обратном оных возвращении, удостоить меня уведомлением, сколько экземпляров остается у вас на лицо трагедии *Ирод Великий*, с конца которой начата печататься шестая часть. Сие известие для меня нужно для того, чтобы не напечатать излишних экземпляров шестой части, которые ни к чему не послужат, ибо останутся не полными, и именно без шести первых листов. Медные доски виньетов и заглавного листа к V-й части возвращены мною Семену Васильевичу Капнисту» (VI, 341 – 342).

1 июля, Званка. Державин пишет письмо бывшему управляющему имением Гавриловка И.И. Сулецкому в Миргород[407].

Державин пишет письмо С.В. Капнисту, в котором дает советы по откупному делу Капнистов (их имение «уже описывается») и поручения по своему откупному делу (недвижимость Державиных была в залоге по винному откупу гр. Д. Зубова), вследствие которого оказался в трудном финансовом положении: «По нынешним таковым тесным обстоятельствам в деньгах, прошу переговорить с Петром Ивановичем Соколовым, чтоб он не так торопился отпечаткою отданных мною ему драматических моих сочинений, ибо вижу я, что продажа последней моей, пятой части не так быстра и выручка денег не надежна, которой бы можно было бы удовлетворить расходы, на те драмы употребленные. А для того <…> о продаже 5-й части сделать еще публикацию в газетах, и когда станут покупать, тогда и приступить к печатанию новых пиес. Я это предвещал, зная, что мало вкусу имеет публика (*для*) такого рода книг» (VI, 342 – 344).

Державин в собственноручной записке просит С.В. Капниста «приказать дворнику или садовнику *Кондратью*

[407] В ответном письме от 26 июля из Миргорода (ИРЛИ, ф. 96, оп. 2, ед. хр. 40) И.И.

исполнить следующее: I-е, Когда поедет Федор Петрович и вы к нам ныне на Званку, то взять с собою и привезти бережненько где-либо в карете, на запятках или на козлах, или на верху, *растение, к*оторое у нас стоит на верху в прихожей комнате на окошке, называемое *сабур*[408]. II-е, Дать ему, Кондратью, *5* рублей и велеть отнести их к девке *Анисье*, живущей в доме у госпожи Галиновской, чтобы она по обыкновению на те деньги отслужила в Невском монастыре *панихиду* по покойной Катерине Яковлевне в день ее кончины, то есть сего июля 15 дня. И, наконец, III-е, чтоб тот Кондратий в доме у госпожи Галинковской, или у нее самой, или лучше всего у девки той Анисьи, разведал: от какой болезни и каким образом случилось, что покойный Яков Андреич Галинковский вдруг отправился на тот свет[409]; ибо он при отъезде нашем был здоров, был у меня, прощался и ни на какой припадок не жаловался. – Вот тебе, братец, комиссия» (VI, 346)[410].

2 июля. В Званку на несколько дней приезжает Семен Капнист.

Псков. Архиепископ Евгений – Державину: «На приятнейшее письмо ваше от 16 Мая не успел я вскоре отвечать за хлопотами на новоселье[411]. А вы между тем собирались на Званку, и верно уже там. Почему и пишу туда сие письмо, однако ж чрез Петербург, дабы вернее дошло.

Сулецкий оправдывается в предъявляемых ему обвинениях, связанных с управлением Гавриловкой.

[408] Алоэ (Aloe soccotrina) (VI, 346).

[409] Прим. Я. Грота: «Внизу на подлинном письме, женским почерком отмечено: “Нервическою горячкою, был болен только девять дней”» (VI, 346, прим.).

[410] Я.К. Гротом эта записка, написанная «на оторванной четвертушке листа», опубликована с датой «4 июля 1816». По свидетельству П.Н. Львовой С. Капнист приехал в Званку накануне дня рождения поэта (Львова. Записки, 277).

[411] 7 февраля 1816 года Евгений был переведен из Калуги во Псков, «с повышением в сан архиепископа».

Ваше высокопревосходительство пророчите мне переселение в Петербург. Но я искренно признаюсь, что и бедной Псков для меня приятнее богатой столицы. Здесь я на досуге и сам себе господин, а там – весь не свой <…>. На прошлой неделе с Новогородскою почтою получил я посылку без письма с 5-ю частью ваших сочинений, теплыми сапогами и штукою ткани. По книге заключаю, что это от вашего высокопревосходительства и потому покорнейше благодарю. Вы согреваете меня и благосклонностию вашею и подарками. В фигурных сапогах и я буду подобен Киргис-Кайсацкому Мурзе. Но в новоизданной вашей части я не нахожу еще многих мне знакомых ваших стихотворений и прекрасного опыта о Лирической поэзии. Разве готовится еще VI часть. Хорошо, что вы сами при жизни издаете. После нас издатели иногда портят сочинения всяк по своему вкусу» (VI, 345 – 346).

3 июля, понедельник. День рождения Державина.

5 июля, среда. Ухудшение самочувствия Державина. Поэт диктует своему секретарю Е.М. Аврамову письмо доктору Р.И. Симпсону в Петербург (*Львова. Записки*, 278 – 279).

Державин пишет записку А.В. Воейкову (который вместе со своей супругой Верой Николаевной, племянницей Державиных, гостит у них Петербурге) с просьбой разослать в разные места стихотворение И.Г. Морозова (управляющий екатеринославским имением поэта) «На проезд великого князя Николая Павловича», отпечатанное отдельным изданием (VI, 347).

6 июля, четверг. Державин пишет на грифельной доске оду **«На тленность»** («Река времен»)[412] (VI, 235 – 236),

[412] Впервые опубликована В.В. Капнистом в журнале «Сын Отечества» (1816. Ч. 31. № XXX. С. 175). В заметке, сопровождающей публикацию, сказано: «За три дни до кончины своей, глядя на висевшую в

ставшую его последним стихотворением (*Львова. Записки*, 280).

Державин декламирует П. Львовой и С. Капнисту стихи на французском языке из «Переложения Экклезиаста» Вольтера, которые заканчивались словами «Il est beau, il est grand[e] de faire des ingrates», и добавляет: «Тут очень тонкая философия» (*Львова. Записки*, 280).

Семен Капнист уезжает в Петербург.

7 июля, пятница. П. Львова читает Державину отрывки из «Всемирного путешественника» Ла Порта с описанием Англии, нравов и обычаев англичан[413]. Весь этот день в доме трещат полы (по народному поверью: *хозяев выживают*) (*Львова. Записки*, 280 – 281).

Псков. Архиепископ Евгений пишет письмо Г.Р. Державину, в котором подробно излагает замечания на «Рассуждение о лирической поэзии» и поясняет сделанные ранее (VI, 347 – 351) [414].

8 июля, суббота. Состояние здоровья Державина ухудшается. Вечером он пишет (диктует) письмо С.В. Капнисту, в котором просит уведомить доктора Р.И. Симпсона о своем самочувствии: «А теперь почувствовал лихорадку, то есть маленький озноб, и сделались сини ногти» (VI, 351).

кабинете его известную историческую карту: *Река времен* начал он стихотворение *На тленность* и успел написать первый куплет». Имеется ввиду издание: Страсс Ф. Река времен, или эмблематическое изображение всемирной истории. Пер. с нем. А. Варенцов. СПб., 1805.

[413] Ла Порт, Жозеф, де. Всемирный путешествователь, или познание Старого и Нового света <…>. Пер. Я.И. Булгаковым. Пг., 1778 – 1794. Т. 1 – 27. Об Англии рассказывается в 16 – 18 томах.

[414] На первой странице письма помета Евгения: «Писано в ответ Державину. Но не застало уже его в живых. Ибо он 8 июля скончался и письмо возвратилось назад» (VI, 347).

В собственноручной приписке к письму поэт просит С. Капниста «доставить немедленно» П.И. Соколову, издателю VI-й части его Сочинений, записку «о перемене одного стиха» (VI, 351 – 352).

Во второй приписке Державин сообщает, что «часу в 10-м вечера почувствовал настоящую лихорадку» (VI, 352).

В двух приписках Е.М. Аврамова говорится об ухудшении состояния поэта и необходимости кому-либо из племянников Дарьи Алексеевны приехать в Званку (VI, 352).

9 июля, воскресенье, 1 час. 30 мин. Г.Р. Державин скончался.

События этого «ужасного дня» и этой «страшной ночи» подробно изложены П.Н. Львовой (*Львова. Записки,* 281 – 296).

Приложение

I

Приказы Г.Р. Державина крестьянам [1800-е годы]

«Приказ

выборному деревень моих Зуевки и прочих

На просьбу вашу, чтобы оставить вас от прогона на Званку, за что вы хотите платить сверх нынешнего оброку 500 рублей, я не соглашаюсь, потому что в бытность мою в деревнях вы сами соглашались платить мне 1000 рублей, в рассуждении чего и должны поставить в будущем году или работников пеших 20, или платить с прибавочным оброку по 2000 рублей на год. Лесу у меня нет, то где я возьму. Вы сами хотели помириться с разумовским приказчиком и достать себе оного, то и доставайте, давно было вам должно спустить с болот воду и прибавить себе пашни и лугов; но вы, дураки, не знаете польз своих.

Сей приказ адресовать в Опочку

Якову Яковлевичу Поленову».
(РНБ, ф. 247, т. 16, л. 56).

«Приказ

Ежели крестьяне не соглашаются двух тысяч оброку, то пусть ходят по-прежнему на Званку по 20 человек, 10 с лошадьми, а последние пеши и на собственном своем содержании, деньги ж, которые им давались прежде в общество на содержание ж их, не давая им в руки, присылать ко мне для отдачи им на Званке; ибо они, получая их прежде сами, пропивали и оставляли в домах, а сюды приходили без ничего, а также взыщи и издержанные на их Обалихиным в прошлых годах 100 рублей, о которых несколько раз было писано к господину Зотову, и доставь ко мне. Званские крестьяне хотят поженить четырех человек молодых людей, но как у них весьма мало девок, то просим взять их белорусских деревень четырех, для чего и предписываю тебе выбрать хороших девок и отослать их на Званку вместе с ними, уверив отцов и матерей, что будут выданы в замужество за честных и добрых людей, а также пришли и жену того человека, который находится на Званке» (РНБ, ф. 247, т. 16, л. 56 об.).

II

А. Котельницкий

На отъезд благодетеля в деревни

1803

Как Солнце, к западу склоняясь,
Флер черный стелет за собой,
Так ты, со мною разлучаясь,
Тмишь цвет дней радостных тоской.

*

Пусть благодетельно светило
В другом полмире возблестит;
Оно уходом что сразило,
С приходом паки воскресит.

*

Ступай! – но возвратись слезящим;
Ступай! – пролей свой луч другим;
Внимай моим струнам звучащим, –
Мой дух с тобой неразлучим.

*

Ступай! – прохладой насладися,
Любуйся сельской красотой;
На час с Фемидою простися,
Деятельности дай покой.

*

Свирель Марокскую приявши,
Натуре гимн ты воспоешь;
И тайны все ее читавши,
Ты в ней Эгерию найдешь.

*

Ты поселян отец всегдашний;
Они с усердной простотой
Расставят свой продукт домашний,
Рассыплют жито пред тобой .

*

Тогда, почувствовав ты силу,
Свободно в первый раз дохнешь,
Градскую пышность всю унылу
Ты шалашу не предпочтешь.

*

Для нас здоровье драгоценно,
Почто б его не соблюдать?
Что пользы, тело повреждено
Под лентой, под звездой скрывать!

*

Но ты для Отчества полезен,
Ему усердно служишь ты;

Твой труд по гроб уж неизбежен,
Для ближних носишь тяготы.

*

Едино дней твоих мгновенье
Важнее, чем другова год;
Ты вмиг доставишь утешенье,
И ум твой славу принесет.

*

Для выгод многих миллионов
Свою на жертву жизнь предать –
Се, благородных мысль Катонов!
Россия их есть ныне мать.

*

Слеза из глаз моих катится –
С отцом проститься должен я;
В коликой скорби погрузится
Несчастна лира днесь моя!

(Новости русской литературы на 1803 год. М., 1805. Ч. 7. С. 45 – 47).

III

Е. Озеров – Г.Р. Державину [начало июня 1804]:

«Милостивый Государь! Вашего превосходительства милости ко мне истинно без меры и конца. Если я имел дозволение с пасмурным истощенным лицом показаться, так я неминуемо явлюсь. Иван Иванович (Дмитриев – *Е.М.*) мне сказывал, что вы точно уехать намерены, вот вам моя усердная слезка на дорогу:

Гряди, друг правды, с миром на покой
От вздорных дел и льстива света,
Где в маску правды ложь одета
И прав лишь тот, кто крив душой,
Умён – кто гнуть умеет спину,
А честен – кто носить горазд личину.
Чего весь свет, сложась, не может дать,

Чего сама не в силах смерть отнять,
То счастье истинно возьмешь с собою,
Оставшись чист умом и прав душою»

(РНБ, ф. 247, т. 22, л. 74 – 74 об.; см.: *Кукушкина,* 168).

Письмо не датировано, но по смыслу относится к 1804-му году.

IV

Е.И. Станевич – Г.Р. Державину (10 августа 1811):

«Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Гавриил Романович!

Благосклонное Ваше письмо я получил как новый знак проявления Вашего ко мне благорасположения, что чувствую в полной мере. Я одолжа.сь почитать оное лежащим ко мне долгом, который платить обязывает меня совесть благодарными о Вас воспоминаниями.

Что же до желания моего оставаться или нет членом Беседы, то отдаю сие в полное расположение всегда крепкой для меня вашей воли. Как Вы сие положите, то почту непременным себе заказом.

Вам угодно, чтобы я присылал по временам свои сочинения; не премину выполнять сего; и, может быть, прислал бы еще и на сей почте; нсли бы мы, все живущие здесь, так называющиеся сочинители, не были остановлены некоторым объявлением, чтобы все сочинения свои не иначе выпускали в публику, как доставляя оные вперед капитан-исправнику, имеющему препровождать их к местному высшему начальству, откуда уже поступают к Министру Полиции. Признаться, мы все туземные Парнасские вороны много поиспугались, и все в один голос закаркали. Но в этом вышла небольшая ошибка. Как видно, Исправник нехорошо понял смысл губернаторского Ордера, которым не повелевалось ему требовать прямо от Сочинителей доставления к нему исправных произведений Муз, а только доставлять к начальству копии с сих письменных сочинений,

кои будут обращаться в публике. А это уже большая разница. Ибо мудрое надзирание за рукописями, могущими своевольными и развратными мыслями служить к повреждению умов и нравов совсем не то, что подчинять сочинителей непосредственному надзору Исправника. Последнее, поистине, достойно выдумки исправнической, а первое, по правде, достойно, чтобы Правительство приняло на себя такое попечение. Целость нравов вожделеннее распутного просвещения, у которого нет ничего святого:

Которо сняв с себя узду благия Веры,
Не хочет полагать свободе наглой меры.
Всегда продерзностно, не знает прав иных,
Кроме безумия и нравов дерзких, злых.
Которое всегда кричит на утесненье,
Хотя Безбожие одно его ученье!
О, просвещение! ты свет прямый очам,
И только избранным полезно ты душам.
К несчастию, твое заемля имя, люди
Но лжеучением свои наполня груди,
Нам вредный разум свой надменно выдают
И нагло мудростью твоей они зовут:
Прости, коль Истинна продерзких сих накажет,
Согнет их выю в серп и руки буйству свяжет.

Впрочем, за ложным учением, просвещение само толь упало и, как видно, так унизилось в глазах общества, что не помню в каком-то номере В<естника> Е<вропы> здешний губернатор счел за нужное отрещися от словесных своих упражнений, яко неприличных губернатору. Но мне кажется такую строгость он простер немного далее, нежели сколько бы нужно, по-видимому, было, сказав, что может быть Великий Фридерик лучше управлял бы государством, если бы поменее писал. Но и Вы были начальником губернии и правосудия, а также писали и писаниями утешались и других просвещали. Но я Вас не укоряю, а иначе укорил бы тем и Цицерона, и Катона, и Кесаря и Марка Аврелия; а в

новейшие времена д`Агиссо, Некера, Екатерину, да и многих других великих людей у всех просвещенных народов.

Должно все то почитать соблазном, что вредит прямо или косвенно пользе граждан. Принимать лжеименное просвещение за истинное пагубно; должно вязать его. Но и показывать явное презрение к приятному и невинному упражнению в науках, особливо же на видной степени, есть, по мнению моему, также соблазн. Благорассудные граждане должны придерживаться одной истины и оберегать ее сколько от суеверия, столько и от лжеучения, а не нападать на веру, смешивая с нею суеверие; или презирать науки под видом презрения к ложному просвещению.

Имею честь быть с истинным высокопочитанием и преданностию

Вашего высокопревосходительства
милостивого государя
покорный слуга
Евстафий Станевич
Августа 10 дня 1811»
(РНБ, ф. 247, оп. 1, ед. хр. 24, л. 153 – 154).

V

А.Ф. Негри – Г.Р. Державину (19 августа 1815):

«Милостивой Государь Гаврило Романович! В струях Лидийской реки Пактола катилось золото, а в Званке обиталище Российского Аполлона – исчерпается неоцененной дар просвещения, столь прославляемый настоящий философский камень, который служит не к озлащению металлов, но к украшению разума. Итак, милостивый Государь, покорнейше вас прошу по свойственному вам великодушию снисходительно извинить иностранца, карабкивающегося по подошве Северного Парнаса на хромающей кляче и с приношением препровождаемого при сем перевода своего осмеливающегося поднести терней к вертограду

благоуханнейших цветов словесности; ибо то одною только надеждою, что с лилеями смешанные васильки приобретают от того некое благовоние, их цену возвышающее.

Примите при тоске, прошу, искреннейшее мое сожаление, что некоторые домашние препятствия, а более все три недели продолжившееся расстройство моего здоровья, не позволили мне в прошедшем месяце по желанию поскакать к личному поздравлению с вашим днем ангела.

С совершеннейшим высокопочитанием
и преданностию честь имею быть
Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга
Александр Негри.
С.-Петербург 19-го августа 1815-го.

P.S.

Сниди, певец из Геликона,
Воспой, как праведна Беллона
Низвергнула Наполеона,
Народа галлов Фараона»

(РНБ, ф. 247, т. 31, № 14, л. 91 – 91 об.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАНО	Государственный архив Новгородской области
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
НАРК	Национальный архив республики Карелия
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГИА	Российский государственный исторический архив
РНБ	Российская Национальная библиотека
ЦГИА СПб	Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

Н.Д. Кочеткова
Два неизвестных письма Державина…… 3
Д.В. Ларкович
Державин и Гердер…… 10
И.В. Кощиенко
«О время благополучное и редкое, когда мыслить и говорить не воспрещается <…>» (Об эпиграфах в произведениях Г.Р. Державина..... 30
С.Д. Дзюбанов
Родственное окружение Е.Я. Бастидон (первой супруги Г.Р. Державина)……. 49
С.Ю. Измайлова
Мемориальный комплекс Г.Р. Державина в Национальном музее Республики Татарстан……... 101
Б.А. Градова
Реликвии Г.Р. Державина в Императорской Публичной библиотеке……. 119
Н.П. Морозова, Е.В. Морозова
Материалы к хронике «званской жизни» Г.Р. Державина……. 127
Список сокращений……... 214

ТАТАРСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ
АВТОНОМИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ТАТАР МИЛЛИ - МӘДӘНИЯТ
АВТОНОМИЯСЕ

Г.Р. ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ

Сборник научных статей

Выпуск 7

Редактор *О.В. Фокина*

Подписано в печать с оригинал-макета 30.03.2011.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 13.5 Тираж 250 экз.
Всероссийский музей А.С. Пушкина
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 12

Отпечатано в типографии ИПЦ СПГУТД
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., 26